

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

О.А.ЖИРНОВ, И.К.ШЕРЕМЕТЬЕВ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ПНАМЕРИКАНИЗМА:
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА
ДЖ.БУША

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

МОСКВА
2005

ББК 66.1(0); 66.4(7 сое)

Ж 73

Серия

«Социально-экономические проблемы стран Запада»

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Отдел Западной Европы и Америки

Ответственный редактор – *Л.В.Коваленко*

Жирнов О.А., Шереметьев И.К.

Ж 73

Новое издание панамериканизма: Латиноамериканская политика Дж. Буша: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. Зап. Европы и Америки; Отв. ред. Коваленко Л.В. – М., 2005. – 132 с. – (Сер.: Социально-экономические проблемы стран Запада).

ISBN 5-249-00212-5

В работе рассматриваются экономические и политические аспекты политики администрации Дж. Буша в Латинской Америке, в частности, содействии укреплению позиций американских монополий в этом регионе путем «проталкивания» модели открытой рыночной экономики и создания зоны свободной торговли «от Аляски до Огненной земли». Рассматривается также деятельность Вашингтона по ликвидации «угроз» национальной безопасности США с латиноамериканского направления, предусматривающая, помимо борьбы с наркобизнесом и «терроризмом», устранение и нейтрализацию неугодных Вашингтону политических режимов и социальных движений.

ББК 66.1(0); 66.4(7 сое)

ISBN 5-248-00212-5

2005

© ИНИОН РАН,

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Раздел 1. Доктрина панамериканизма – идеологическое прикрытие экспансии США в Латинской Америке.....	8
1.1. У истоков панамериканизма.....	8
1.2. Эволюция содержания и формы доктрины: Новая риторика.....	17
1.3. Усиление американского гегемонизма в Западном полушарии в годы Первой мировой войны	23
1.4. Адаптация панамериканизма к условиям «Великой депрессии» и зарождения в Латинской Америке социалистических идей и новых социальных движений.....	27
1.5. Панамериканизм в годы «холодной войны» между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком	31
Раздел 2. Экономическая суть панамериканизма: Захват рынков, эксплуатация природных и трудовых ресурсов латиноамериканских стран.....	39
2.1. На заре разветвления экономической экспансии.....	39
2.2. Нарастание экономического присутствия в годы двух мировых войн	42
2.3. Попытки противодействия экспансии северного соседа посредством политики госкапитализма и импортзамещающей индустриализации.....	44

2.4. «Раскручивание» неолиберальных рыночных реформ в Латинской Америке как способ «расчистки» экономического пространства для транснациональных монополий США.....	50
2.5. Панамериканская зона свободной торговли – новая «приманка» для южных соседей США.....	57
2.6. Последствия расчистки: Новая волна экономической экспансии	75
Раздел 3. Панамериканизм в условиях однополярного мира	79
3.1. Упущенные возможности	79
3.2. Новые вызовы безопасности США с южного направления	88
3.3. Политика безопасности США на современном этапе.....	93
Вместо заключения: Были бы возможны существенные перемены в латиноамериканской политике США в случае прихода в Белый дом президента-демократа?.....	122
Список литературы	127

Введение

Данная работа посвящена анализу политики США в Латинской Америке, регионе, который всегда занимал особое место во внешнеполитической стратегии Вашингтона. Это своего рода константа, постоянная величина внешней политики США, значение которой не меняется, независимо от того, какие иные, может быть, и более важные международные проблемы в тех или иных регионах становятся на том или ином историческом отрезке объектом более пристального внимания американской администрации. Объясняется это не только сравнительной географической близостью региона к США (к примеру, такие страны, как Аргентина или Чили находятся не ближе, чем берега европейского континента). Гораздо большее значение имеет то обстоятельство, что в этом районе мира задействованы важные экономические и военно-политические интересы США.

В экономическом плане это многие десятки, а то и сотни миллиардов долларов, вложенных американскими монополиями в промышленность, сельское хозяйство, торговлю, банки и сферу услуг латиноамериканских стран. Кроме того, Латинская Америка – это огромный рынок сбыта для мощной американской промышленности, рынок, возможности которого далеко не исчерпаны американскими монополиями. Хозяйственные связи со странами Латинской Америки приносят не только огромные прибыли американским монополиям и банкам. Бесперебойное функционирование механизма экономических связей с латиноамериканскими странами имеет огромное значение для нормального функционирования американской экономики. Эти связи обеспечивают работой миллионы американских граждан и, стало быть, являются важным фактором

обеспечения стабильности американского общества и в конечном счете национальной безопасности США.

В военно-политическом плане дружественные отношения с латиноамериканскими странами способны обеспечить моральную и политическую поддержку инициативам и акциям Вашингтона на международной арене, например, в международных организациях, что наблюдалось не только в прошлом, но и имеет место в настоящее время. Не раз страны Латинской Америки (разумеется, далеко не все страны и не всегда) оказывали и военную помощь северному соседу. В ряде случаев, когда использование военной силы ограничивалось рамками Западного полушария, поддержка латиноамериканских стран оказывалась весьма полезной для Вашингтона, помогая прикрывать интервенционистские вылазки США фиговым листком «коллективных межамериканских акций».

Сказанное выше объясняет, почему ни одна администрация Вашингтона, при всей ее занятости другими делами, не может позволить себе игнорировать происходящее в Латинской Америке, допустить «хаоса» на своем «заднем дворе», который мог бы нанести ущерб интересам США в этом районе.

Латиноамериканская политика США заметно эволюционировала за время своего почти 200-летнего существования. Менялись, в зависимости от изменения международной обстановки и ситуации в регионе, формы и методы ее осуществления, идеологическое прикрытие. Претензии на почти единоличное господство в Западном полушарии, оформленные в 1823 г. в «доктрине Монро», к концу XIX в. перестали служить эффективным средством обеспечения интересов США. На смену «доктрине Монро» пришла «доктрина панамериканизма», в основу которой легли лицемерные утверждения о якобы существующей между государствами американского континента общности интересов и целей.

Однако обновление идеологического арсенала Вашингтона практически не изменило ни характера отношений Вашингтона с южными соседями, ни сути и целей его латиноамериканской политики. Как и прежде, важнейшей задачей оставалось обеспечение интересов крупного, частно-монополистического капитала, которые причислялись правящими кругами США к разряду «жизненно важных».

А интересы американских монополий всегда состояли в том, чтобы закрепиться в Латинской Америке, овладеть ее природными ресурсами и рентой, получаемой от их эксплуатации, обосноваться на внутренних рынках этого огромного региона. Успешное решение этих задач на

протяжении десятилетий помогало обеспечивать благополучное развитие американской экономики, повышало ее конкурентоспособность на мировых рынках, давало в руки американских монополий и политиков мощнейшие рычаги давления на латиноамериканские страны. Это, в свою очередь, закрепляло их зависимость от США, создавая надежный тыл в борьбе с европейскими конкурентами.

Эти цели и задачи лежат в основе латиноамериканской политики США и в настоящее время. Значимость их успешного решения в условиях глобализации, обострения борьбы транснациональных корпораций за инвестиционные и товарные рынки и источники сырья даже возрастает в наше время. Это прекрасно понимают правящие круги США, которые активно используют идеологию панамериканизма и межамериканской солидарности для закрепления и расширения своих экономических и политических позиций в Латинской Америке.

Последнее десятилетие истекшего XX в. ознаменовалось появлением двух качественно новых моментов в стратегии захвата ключевых позиций американскими транснациональными монополиями в Латинской Америке. С одной стороны, это появление и навязывание странам региона ультрамодной экономической доктрины неолiberaлизма. На словах она призвана избавить их от традиционных недугов, «открыть перед ними новые горизонты поступательного развития». На деле же – обеспечить «расчистку» экономического пространства на всём континенте для большого транснационального бизнеса США. Иначе говоря, устранить все прежние преграды и ограничители экономической экспансии (в форме протекционизма, опеки государства над национальным предпринимательством, госсобственности в ключевых отраслях хозяйства и т.д.).

С другой стороны, это «суперпроект века» – создание Панамериканской зоны свободной торговли. Его стратегический замысел состоит в том, чтобы обеспечить экономические преимущества для транснационального бизнеса США в латиноамериканском регионе в условиях обостряющейся здесь конкурентной борьбы с «чужаками» – западноевропейскими и японскими монополиями, а также компаниями молодых индустриальных стран, так называемых «азиатских тигров».

Принимаясь за работу, авторы поставили задачу показать, что «доктрина панамериканизма», положенная Вашингтоном в основу латиноамериканской политики более ста лет назад, понимаемая как «Латинская Америка для США», по сути не изменилась. И в наше время латиноамериканская политика Вашингтона, несмотря на обильную демагогиче-

скую фразеологию о солидарности, общности интересов и целей государств американского континента, остается ни чем иным, как очередным вариантом «доктрины панамериканизма». Вместе с тем авторы постарались раскрыть и показать экономическую подоплеку этой доктрины, эволюцию форм и методов ее практического осуществления с акцентом на современность.

Раздел 1

Доктрина панамериканизма – идеологическое прикрытие экспансии США в Латинской Америке

1.1. У истоков панамериканизма

4 июля 1821 г. государственный секретарь США Джон Адамс (позднее ставший президентом) произнес речь по случаю Дня независимости. Наряду с выпадами в адрес Великобритании он сказал и нечто принципиально важное о роли своей страны в мире. «Америка всем сердцем будет там, – заявил он, – где развивается знамя свободы и независимости. Однако Америка никогда не ввяжется в поиски демонов зла, которых следовало бы уничтожить. Если только Америка позволит вовлечь себя в мировые разборки, не свобода, а насилие станут определять американскую политику. Америка в этом случае превратится в диктатора мира и потеряет свою душу» (18).

Однако ничего нового в словах госсекретаря все же не было. Он лишь продемонстрировал приверженность принципам «отцов-основателей». До него эти максимы внешней политики США четко сформулировали Дж.Вашингтон в своей «Прощальной речи» и Т.Джефферсон. Они считали, что процветание республиканского эксперимента (имелись в виду США – авт.) лучше всего будет обеспечено в том случае, если их страна не станет участвовать в войнах и интригах Старого Света, а ограничится лишь защитой своих интересов на североамериканском континенте. Одним из принципов внешней политики США был провозглашен отказ от участия в долговременных союзах. И хотя «отцы-основатели» были глубоко убеждены в универсальности демократических ценностей, они считали, что их распространение должно было

стать результатом заразительности примера процветающей республики (18).

Однако в недрах американского общества вызревали и иные планы. В частности, в те же годы, то есть на рубеже XVIII–XIX вв. американским политиком А.Гамильтоном была высказана мысль о желательности создания в Западном полушарии «огромной политической системы», центром которой должны были стать США.

Между тем в это же время в Испанской Америке, готовившейся начать борьбу за освобождение от господства Испании и Португалии, как бы в противовес идее А.Гамильтона, возникает мысль о необходимости объединения испаноамериканских колоний. Прошедшие два века стали свидетелями непрекращавшегося противоборства двух течений в объединительном движении: североамериканского (панамериканизма), целью которого было объединение Америки под главенством США, и латиноамериканского (испаноамериканизма), ставившего целью достижение единства бывших колоний Испании и Португалии.

Предлагаемый ниже исторический экскурс содержит краткий обзор попыток практической реализации объединительных процессов, причем упор делается, учитывая заявленную тему, на политике США в этой области. Эта ретроспектива послужит историческим фоном для оценки нынешней политики США в отношении региона и даст дополнительную информацию для размышлений относительно сущности и перспектив нынешней латиноамериканской политики Вашингтона.

Первыми с проектами создания межгосударственного образования в Западном полушарии выступили страны Испанской Америки, в которых к моменту завершения борьбы за независимость идеи латиноамериканского единства получили широкое распространение и признание. Эти проекты были призваны: во-первых, обеспечить защиту завоеванной независимости и территориальной целостности; во-вторых, гарантировать дружеские отношения между его участниками; в-третьих, позволить молодым государствам занять достойное место на мировой арене. Предполагалось, что установление тесного сотрудничества облегчит решение многих важных экономических и социальных проблем, общих для его участников. Вся последующая история подтвердила, что в области международных отношений у них не было и нет более важных и актуальных задач.

Честь подготовки и проведения объединительного конгресса выпала на долю лидера освободительной войны в Латинской Америке Си-

мона Боливар. К концу войны за освобождение С.Боливар и его сподвижники приступили к претворению в жизнь давно вынашивавшейся ими идеи организации латиноамериканского союза. Тактика С.Боливар заключалась в том, чтобы до созыва общей конференции заключить специальные соглашения с каждым из испаноамериканских государств. Это должно было свести работу общей конференции к простому завершению системы уже заключенных соглашений, облегчить дело создания союза. Завершив предварительные переговоры, С.Боливар предложил всем латиноамериканским странам прислать своих представителей на конгресс в Панаму, чтобы на базе договорных отношений выявить «интересы, объединяющие американские республики, бывшие ранее колониями Испании» (2, с.18).

Панамский конгресс открылся 22 июня 1826 г. В его работе приняли участие Колумбия, Мексика, Перу и Федерация Центральной Америки. США отказались направить своих представителей на конгресс и ограничились миссией наблюдательного характера. Итогом работы конгресса стало подписание четырех договоров, важнейшим из которых был договор «О постоянном союзе, лиге и конфедерации», открытый для других латиноамериканских стран. Согласно этому договору, его участники «конфедерируются, вступают в союз на время мира и войны, заключают для этого постоянный пакт о прочной, нерушимой дружбе и тесном союзе» (цит. по: 4, с.77). Для достижения целей, предусмотренных договором (обеспечение суверенитета и независимости стран-участниц, гармонии и взаимопонимания между договаривающимися сторонами), предполагалось организовать общую оборону, наладить мирное разрешение споров, гарантировать территориальную целостность, ввести общеамериканское гражданство и т.д.

Однако создать союз испаноамериканских стран не удалось. Сказались ожесточенная внутренняя борьба, начавшаяся в испаноамериканских странах, феодальный сепаратизм креольских помещиков, практическое исчезновение в 1826 г. угрозы со стороны Священного союза. В этих условиях, по мнению американского историка С.Инмана, даже самые горячие интернационалисты переключили свое внимание на внутренние проблемы, оставив задачу объединения на усмотрение будущих поколений (38, с.17). Дало о себе знать и отсутствие прочной экономической основы для политического объединения.

Немало усилий для того, чтобы провалить план создания испаноамериканского объединения, приложили США, о чем подробнее будет сказано ниже.

В результате ни одна латиноамериканская страна, за исключением Колумбии, так и не ратифицировала соглашение о конфедерации.

В последующие десятилетия были созданы еще несколько конференций с участием всех или некоторых латиноамериканских стран (в Лиме – 1847–1848 гг., Сантьяго – 1856 г. и некоторые другие). Однако все они оказались безрезультатными и не привели ни к созданию каких-либо организаций, ни к выработке четкой программы.

Таким образом, испаноамериканское движение за объединение вступило в стадию необратимого упадка. Завершающие удары по нему нанесли кровавые военные столкновения между латиноамериканскими странами в последней четверти XIX в.: Парагвайская война (1864–1870) и Тихоокеанская (Селитряная) война (1879–1884). Крах идеалов испаноамериканского единства, осязаемо давший о себе знать в 70-е годы XIX столетия, в известной степени символизировал завершение периода поисков путей объединения испаноамериканских государств, который последовал после обретения независимости. Это был период времени, когда полет воображения еще не был так жестко ограничен суровой реальностью. Экономические и политические условия, которые впоследствии станут определять будущее региона, еще только выкристаллизовывались.

Эти реальности сформировались лишь к концу века. Были налажены связи с индустриально развитыми капиталистическими странами, которые определили дальнейший вектор и характер экономического развития латиноамериканских стран. Промышленная революция в странах Европы, а затем и в США, сделала мировой рынок, находившийся в течение предшествующих столетий в процессе формирования, реальностью. Он и закрепил международное разделение труда, основанное на обмене промышленных товаров на сырье, зарезервировав за латиноамериканскими странами производство сырья на экспорт. Латиноамериканским странам пришлось включаться в мировую экономику на базе производственных структур, созданных в колониальный период и модернизированных в течение 50–60 лет своей независимости. Хотя такое включение способствовало определенному развитию капитализма в Латинской Америке, оно неизбежно приняло характер зависимого развития, поскольку производство промышленных изделий находилось за пределами латиноамериканского региона, и, следовательно, латиноамери-

канские экономики становились сырьевыми придатками индустриальных экономик, в частности Великобритании. Такая форма включения латиноамериканских стран в мировую экономику сделала невозможной и интеграцию их национальных хозяйств. Преобладающая тенденция развития толкала латиноамериканские страны не к созданию взаимодополняющих экономик, а к изоляции друг от друга, ориентируясь либо на страны Европы, либо, в меньшей степени, на США. Не удивительно, что формирование зависимых капиталистических экономик, ориентированных на экспорт сырья, привело к ослаблению объединительных устремлений, так сильно проявившихся в годы войны за независимость. Неудивительно также и то, что идея интеграции возродилась в конце XIX в. там, где капитализм создал мощную индустриальную экономику, для которой национальные рамки становились слишком тесными, т.е. в США.

Как было сказано выше, мысль о создании «огромной американской системы», неподвластной контролю и влиянию заатлантических сил и руководимой США, возникла в конце XVIII в. Уже в высказываниях ее автора, А.Гамильтона, просматривались основные положения панамериканской доктрины Вашингтона: американский континент должен иметь отдельную политическую систему, и главой этой системы должны быть «по праву положения» Соединенные Штаты. По существу, речь шла о первоначальном изложении концепции континентальной гегемонии США.

С начала революции в испанских колониях в США появляются более конкретные планы образования панамериканской федерации или союза. Последовательным защитником идеи панамериканского объединения стал государственный секретарь США Г.Клей, который в 1820 г. призвал создать систему, в которой США должны стать центром. И хотя по вопросу о создании панамериканского «единства» взгляды различных политических сил в США расходились, в то же время существовало определенное единство в правящих кругах относительно притязаний США на гегемонию в Западном полушарии (2, с.17).

Эта заявка на континентальное «руководство» была выражена незадолго до Панамского конгресса. 2 декабря 1823 г. президент США Дж.Монро изложил конгрессу принципы отношений между США и Европой. Эти принципы, разработанные в связи с угрозой интервенции Священного союза в Латинскую Америку для восстановления контроля над утерянными территориями, получили позднее название «доктрины

Монро». Исходя из принципов разделения мира на европейскую и американскую системы, «доктрина Монро» возвестила, что: Западное полушарие не должно рассматриваться в качестве объекта будущей колонизации любой европейской державой; США будут рассматривать любую попытку вмешательства со стороны европейских стран в дела Западного полушария как опасную для их спокойствия и безопасности; политикой США в отношении Европы является невмешательство в дела любой из европейских держав.

На первый взгляд казалось, что «доктрина Монро» является собой не что иное, как Манифест панамериканской независимости и солидарности, что побудило некоторые латиноамериканские страны предложить использовать эти принципы в качестве основы союза между американскими странами. Однако США не согласились пойти на это. Причина заключалась в том, что Вашингтон предполагал использовать «доктрину Монро» для обоснования своего единоличного права отражать возможные интервенции в Западное полушарие под предлогом обеспечения своей безопасности. Одновременно Вашингтон заявлял о своих претензиях на гегемонию в Западном полушарии, в частности, на право вмешиваться в дела других американских государств (18). Заметим, что уже в период подготовки и провозглашения доктрины правящие круги США не скрывали своих стремлений к присоединению Кубы, Техаса и некоторых других территорий.

«Доктрина Монро» не была ратифицирована конгрессом и не стала частью международного права. Да и сам термин «доктрина Монро» вошел в обиход лишь в 50-е годы XIX в. Однако она превратилась в важный инструмент американской внешней политики. На заложенные в её основу принципы опирался, в частности, президент США Полк, когда в 1845 г. и 1847 г. выступил против претензий Великобритании на Орегон, интриг Великобритании и Франции, пытавшихся помешать США аннексировать Техас, а также амбиций европейских стран в отношении Юкатана.

«Доктрина Монро» и идеи панамериканизма имели общую направленность – установление гегемонии США на американском континенте. Но «доктрина Монро» не раскрывала конкретного метода реализации намеченной цели, в то время как концепции панамериканизма устанавливали определённый политический метод для осуществления претензий на континентальную гегемонию. Этот метод заключался в созда-

нии панамериканской «общности», «единства», «союза», где США играли бы роль лидера (2, с.18).

Действовать в этом направлении США начали еще до начала конгресса в Панаме. Усмотрев в планах создания конфедерации испаноамериканских республик угрозу интересам США в Западном полушарии, Вашингтон предпринял энергичные усилия для того, чтобы воспрепятствовать объединению латиноамериканских государств. В частности, экономические положения инструкций, данных делегации США на Панамский конгресс, содержали ряд предложений, принятие которых участниками конгресса нанесло бы серьезный удар по начавшемуся тогда процессу экономического сближения между только что освободившимися испаноамериканскими странами. Между тем лишь экономическое взаимодействие могло заложить достаточно прочную основу для политической конфедерации. Условия, сложившиеся в тот период, благоприятствовали достижению испаноамериканского единства: никаких таможенных ограничений тогда еще не существовало, и первые меры революционных правительств были направлены на закрепление этого положения. В соглашениях, заключенных от имени Колумбии с другими латиноамериканскими государствами в 1823 г., специально предусматривалась ликвидация экономических границ между латиноамериканскими странами.

Первый удар по намечавшемуся латиноамериканскому сближению США нанесли еще до конгресса в Панаме. Им удалось заключить в октябре 1824 г. торговое соглашение с Колумбией, согласно которому обе стороны «обязывались взаимно не предоставлять каких-либо специальных привилегий в отношении торговли и судоходства другим нациям без распространения этих привилегий и на другую договаривающуюся сторону». Таким образом, Колумбия не могла вступать в особые экономические отношения с другими латиноамериканскими странами.

Причина, по которой США противодействовали объединению латиноамериканских стран и не хотели связывать себя какими-либо обязательствами по отношению к молодым государствам, состояла в том, что Вашингтон рассчитывал на дальнейшую территориальную экспансию за их счет, на рост своего влияния и торговых возможностей при их расколе и разобщенности. Именно противодействие со стороны США сделало идею С.Болливара неосуществимой (9, с.20).

Однако реализацию панамериканского «союза» Вашингтону пришлось отложить до конца XIX в. Для объединения латиноамериканских стран под своей эгидой у США пока еще не доставало ни сил, ни влия-

ния. Достаточно прочными оставались и позиции европейских держав на американском континенте. Задача сводилась в эти годы к тому, чтобы не допустить сближения латиноамериканских стран и усиления позиций европейских конкурентов в Западном полушарии.

Лишь в конце XIX – начале XX в. латиноамериканские страны в полной мере ощутили на себе тяжелую руку северного соседа. Движущими силами американского «натиска на юг» являлись политические и экономические интересы господствующих классов. Немецкий исследователь Г.Бейхаут так оценивает обстановку, сложившуюся в США на рубеже XIX–XX вв., когда, по его словам, и был дан старт агрессивной политике Вашингтона. Во-первых, закончилось расширение национальных границ США (в частности, за счет Мексики), что в течение длительного времени отвлекало американское население, капитал, предпринимательскую инициативу, дав им в этом плане обширное поле деятельности. Отныне люди, капитал, энергия предпринимателей требовали нового поля деятельности, которое и было найдено в Латинской Америке. Во-вторых, быстро росли мощь и влияние крупных собственников, которые за счёт создания трестов и монополий усилили американский капитализм и обрели возможность оказывать влияние на государственную деятельность в нужном для них направлении. И в-третьих, совершенствовались идеологические инструменты экспансионизма, укреплялись позиции и влияние «экспансионистского национализма». Именно в это время, обращает внимание Г.Бейхаут, появились работы первых теоретиков американского империализма – «Манифест предназначения» Джона Фиске (1885), «Влияние морской мощи на историю» Альфреда Мэхэна (1890), «Наша страна» Джошуа Стронга (1895) (19, с.175–176).

О настроениях, царивших в правящих кругах США в этот период, красноречиво свидетельствует статья в журнале «Хантс меркантс мэгэзин» (1885), отрывок из которой приводится ниже: «Подобно тому, как в современном обществе капиталист господствует над человеком без средств, то же самое имеет место и среди наций, где богатые нации претендуют на подчинение бедных наций. И не следует сетовать на эту универсальную и неопровержимую реальность. Будет лучше, если таким образом низшие расы вымрут и не будут мешать развитию высших рас» (цит.по:19, с.176).

С наступлением эпохи империализма более отчетливый экспансионистский смысл приобрела официальная интерпретация «доктрины Монро». В 1870 г. с заявлением о «приоритете» США в делах Западного

полушария выступил госсекретарь США Г.Фиш. В официальном докладе президенту У.Гранту он указывал: «Вследствие своего приоритета в деле достижения независимости, стабильного характера своих государственных институтов, уважения народом правовых норм, величины средств, находящихся в руках правительства, мощи своего флота, широты коммерческих интересов..., по причине изумительного развития своих внутренних ресурсов и богатств и высоких интеллектуальных качеств населения Соединённые Штаты неизбежно занимают выдающуюся позицию на американском континенте, позицию, от которой они не могут и не должны отказываться, позицию, дающую им право первого голоса и возлагающую на них почетные обязанности решать все американские проблемы независимо от того, затрагивают ли они освобожденные колонии или колонии, ещё подчиненные европейскому господству...» (цит.по: 2,с.54).

«Доктрина Фиша» открыто возвещала об американской гегемонии на американском континенте, «теоретически» обосновывала ее и указывала на развитие флота и торговли как на материальный залог такой гегемонии. Следует заметить, что Г.Фиш подчеркивал заинтересованность Вашингтона именно в экономической экспансии. Примечательно, что в том же году американский сенат принял резолюцию о сборе информации, касающейся торговых отношений США со странами Латинской Америки. В соответствии с резолюцией эта мера намечалась в качестве одного из первых шагов для закрепления за США «такой роли в торговле континента, которая соответствовала бы территориальной близости США к Латинской Америке» (9, с.34).

Однако открытым оставался вопрос о методах установления политической и экономической гегемонии на континенте, о том, как практически создать такие условия, при которых бы США действительно «решали все американские проблемы». Опыт дипломатической борьбы 70–80-х годов убедил Вашингтон в том, что у него все ещё не достаёт ни сил, ни опыта для оказания эффективного давления на латиноамериканские страны и внедрения в сферы, где господствовала Англия. Изыскивая способы изменить положение в свою пользу, Вашингтон обратился к идее панамериканизма (9, с.21).

1.2. Эволюция содержания и формы доктрины: Новая риторика

В ноябре 1881 г. госсекретарь США Дж.Блэйн предложил президентам латиноамериканских стран прислать представителей в Вашингтон на первый панамериканский конгресс, целью которого должно было стать налаживание активного сотрудничества всех государств Западного полушария. По словам Дж.Блэйна, конгресс должен был определить «общие интересы» стран Западного полушария. Он заверял, что правительство США «далеко от намерения предстать на конгрессе в какой-либо мере протектором своих соседей или заведомым и обязательным арбитром в их спорах. Соединенные Штаты будут участвовать в нем на равной ноге с представленными на нем странами ...как один из членов многих сотрудничающих и равных государств» (цит.по: 9, с.22).

Означало ли это, что в Вашингтоне наконец-то прониклись идеей С.Боливара? Отнюдь нет. Ее имитировали, чтобы порицать «коварный Альбион» и посетовать о бедах Латинской Америки. Главное же заключалось в намерении под флагом панамериканской солидарности сузить английские и расширить собственные возможности проникновения на рынки Латинской Америки. Разъясняя цель созыва панамериканского конгресса, Дж.Блэйн писал в феврале 1882 г., что конгресс должен был положить «начало установлению американского влияния и развитию американской торговли на обширном поле, которым мы раньше пренебрегали и которое практически было монополизировано нашими соперниками из Европы» (цит.по: 9, с.22).

Следует заметить, что к этому времени несколько изменился характер отношений между США и латиноамериканскими странами, а также позиция правящих кругов некоторых латиноамериканских стран по отношению к своему северному соседу, его инициативам, касающимся объединения стран континента в рамках единого союза. Материальной основой этих перемен стало уплотнение ткани политических и экономических отношений латиноамериканских стран и США, признание ими того факта, что их северный сосед играет всё более важную роль на континенте, игнорировать которую они были уже не в состоянии. Так, если в 1871 г. стоимость американского экспорта в Латинскую Америку равнялась 179 млн. долл., то в 1881 г., т.е. к моменту обращения Дж.Блэйна к латиноамериканским странам принять участие в панамериканском конгрессе, она увеличилась до 247 млн. долл., а к 1891 г., когда конгресс все-таки состоялся, американский экспорт достиг 336 млн. долл.(9, с.24).

Свидетельством серьезных перемен в отношении латиноамериканских стран к США стало обращение в октябре 1880 г. правительства Ко-

лумбии к американскому правительству с просьбой взять на себя роль арбитра в урегулировании разногласий с Венесуэлой. Инициатива была знаменательной, ибо впервые со времен конгресса в Панаме США приглашались выступить в роли посредника между двумя латиноамериканскими странами. К концу XIX в., констатировал венесуэльский историк Ф. Куэвас Кансино, латиноамериканские страны наконец-то поняли, что не считаются с Соединенными Штатами уже невозможно (25, с.12).

Иными словами, к концу XIX в. в Западном полушарии созрели экономические и политические условия для демагогической пропаганды Вашингтоном идеи общности интересов всех американских стран, внедрения ее в сознание правящих кругов и общественности стран Латинской Америки.

Между тем подлинный смысл панамериканизма прямо противоположен его официально распространяемой версии. В руках правящих кругов США он стал орудием, предназначенным для того, чтобы надежнее подчинить своей экономической и политической гегемонии народы обеих Америк, установить безраздельное господство США над странами Западного континента. Для прикрытия его подлинной сущности политические деятели США пытались (и пытаются до сих пор) внушить народам Латинской Америки обратное. В их трактовке панамериканизм выглядит как движение в пользу объединения всех американских стран, движение, основанное на географической близости, сходстве учреждений, взаимодействии экономических интересов, тяготении к демократическим ценностям, общности международных устремлений и целей. При этом демагогически утверждается, что панамериканизм преследует цель упрочения экономических, социальных и культурных связей обеих Америк.

Одним из наиболее ярых сторонников панамериканизма был государственный секретарь США Дж.Блэйн. Он высказывался за проведение «активной» внешней политики в отношении латиноамериканских стран и доказывал, что США должны стать единственным арбитром во всех делах, касающихся стран Западного полушария. (6, с.174). В 1881 г. Блэйн, побуждаемый желанием добиться более выгодных условий для торговли США с Центральной и Южной Америкой, разослал от имени правительства США приглашение всем независимым странам Северной и Южной Америки на общую конференцию в Вашингтоне в 1882 г. Официальной целью конференции было провозглашено рассмотрение и обсуждение способов предотвращения войн между американскими государствами.

Однако это первое приглашение по ряду причин (смерть президента США, уход Дж.Блэйна с поста госсекретаря, война между Перу и Чили, обострившая отношения между южноамериканскими странами) было отменено. К тому же идеи панамериканизма и план их реализации еще не получили поддержки значительной части наиболее влиятельных деловых и политических кругов США.

С того дня, когда Дж.Блэйн выступил со своей инициативой, прошло немного времени, и рынки Латинской Америки стали неудержимо притягивать деловые круги США, что усилило интерес к панамериканизму. Правительство США, имевшее связи с этими кругами, не могло не считаться с этим. Специальный комитет конгресса приступил к изучению торговых возможностей в странах Латинской Америки. Оказалось, что коммерческие операции США в Латинской Америке в 1883 г. составляли всего 18,9% (9, с.23). Когда отчет был обнародован, президент США Ч.Артур заявил в своём обращении к конгрессу: «Страны американского континента и прилегающие к ним острова являются для Соединённых Штатов естественными рынками для нашего экспорта и импорта. Именно отсюда мы должны получать то, что мы не производим или производим недостаточно, и именно туда должен идти избыток продукции наших полей, наших фабрик и наших мастерских – при условии, что мы будем учитывать их возможности или предоставлять льготы по сравнению с другими государствами» (цит. по: 9, с.23). В августе 1884 г. была создана комиссия по торговле с Латинской Америкой, в задачу которой входило содействовать реализации экономических и политических интересов американских стран, используя влияние и возможности США.

Отражением роста популярности в США идей панамериканизма стал поток предложений в Конгресс относительно реализации тех или иных проектов панамериканского «единства». Среди них выделялись план строительства трансконтинентальной железной дороги (1883), билль о создании таможенного союза (1884), предложение о созыве конгресса американских стран по вопросам коммерции (1886), билль о введении единой валютной единицы во всех странах Америки и др.

Следствием роста популярности панамериканизма в деловых кругах США, который, по их представлениям, должен был стать барьером для европейского присутствия на континенте, средством расширения торговой экспансии США в страны Латинской Америки и одновременно усиления влияния на их правительства, стала рекомендация Конгресса США созвать панамериканскую конференцию.

Конференция открылась в Вашингтоне 2 октября 1889 г. Дж.Блэйн, снова ставший государственным секретарем, был избран ее председателем. Конференция продолжалась до 19 апреля 1890 г. Программа конференции была весьма обширной. Наряду с такой общей формулой, как «меры по поддержанию и увеличению благосостояния американских государств», она включала и некоторые конкретные предложения: создание американского таможенного союза; введение общей серебряной валюты; введение единообразной системы таможенных пошлин и портовых сборов. Один из пунктов программы предусматривал изучение вопросов о транспорте и коммуникациях.

Однако результаты конференции оказались совсем не такими, на которые рассчитывали ее организаторы. Страны Латинской Америки после долгих дебатов согласились принять лишь программу двусторонних торговых соглашений с частичным снижением таможенных тарифов. Аргентина, Боливия и Чили отказались подписать и такое соглашение, заявив, что они против каких-либо решений по таможенным вопросам. Итогом обсуждения вопроса об установлении единообразных портовых сборов было принятие решения, противоположного американскому предложению. Четырнадцатью голосами против одного (США) было принято решение о праве каждой страны самой устанавливать любые портовые сборы.

Долгие и ожесточенные споры вызвал вопрос о том, что должна представлять собой предлагаемая США таможенная уния: таможенный союз или просто свободу торговли и взаимное благоприятствование американских государств. Предложение о введении таможенного союза вызвало в памяти многих аналогию с бисмарковской политикой «железа и крови» и германским цольферейном. Страх делегатов латиноамериканских стран перед США, а также напряженные отношения между некоторыми латиноамериканскими странами не позволили достигнуть соглашения в таком важном вопросе.

Весь ход конференции показал, что делегаты стран Центральной и Южной Америки относились с большим недоверием ко всем предложениям, вносимым США. Не удивительно поэтому, что юридическая комиссия конференции, в состав которой входило много представителей латиноамериканских стран, предложила принять следующую декларацию:

«1. Иностранцам предоставляется право пользования всеми гражданскими правами, присвоенными местным уроженцам, и всеми вытекающими отсюда преимуществами.

2. Государство не берет на себя и не признает никаких обязательств в пользу иностранцев и не несет никакой ответственности перед ними, помимо тех обязательств и той ответственности, которые оно несёт перед местными уроженцами на основании существующей там конституции или соответствующих законов» (цит. по: 9, с.175).

Эта декларация явилась попыткой некоторых латиноамериканских стран покончить с тем привилегированным положением, которым пользовались подданные США в тех странах, в которых имелись их инвестиции. Что касается второго пункта декларации, то цель его состояла в том, чтобы оградить латиноамериканские страны от постоянного вмешательства США в их внутренние дела под предлогом охраны интересов своих граждан. Опасения латиноамериканских стран были отнюдь не беспочвенны. Уже с середины XIX в. Вашингтон начал практиковать посылку военных кораблей и морской пехоты под предлогом «защиты» американской собственности и обеспечения «безопасности американских граждан». Так, с 1850 по 1856 гг. американские войска занимались «защитой» американской железной дороги, построенной на Панамском перешейке. А в середине 50-х годов XIX в. дважды посылали военные корабли с морской пехотой для «защиты» американской собственности и американских граждан в Аргентине. Примечательно, что за эту декларацию голосовали все делегации, кроме делегации США, выступившей против нее, и делегации Гаити, воздержавшейся от голосования.

Единственно, чего удалось добиться делегации США – это создания Международного бюро американских республик, в обязанности которого вменялся сбор, систематизация и публикация информации, касающейся производства, торговли, деятельности таможен и соответствующего законодательства стран-участниц, а также принятия решения о строительстве континентальной железной дороги, пересекающей с севера на юг все американских страны. В 1901 г., когда истек срок полномочий Международного бюро, Вашингтону удалось добиться его превращения в постоянный орган во главе с административным советом под председательством госсекретаря США.

Причина относительной неудачи Вашингтона заключалась в том, что в правящих кругах стран Латинской Америки сторонники панамериканизма были еще в меньшинстве. Многие страны этого континента про-

должали оставаться связанными с европейскими странами, и прежде всего с Англией, которая оставалась для них основным рынком сбыта товаров и источником займов. Все это и предопределило отношение значительной части латиноамериканских стран к первой серьезной попытке США осуществить далеко идущие планы панамериканского «сотрудничества». И хотя все страны Латинской Америки согласились участвовать в конференции, это не означало их согласия на осуществление проектов Вашингтона, изложенных в программе конференции.

Однако, несмотря на скромные для США результаты конференции, нет оснований говорить о ее полном провале. Вопреки английскому влиянию, между США и странами Латинской Америки завязался диалог по важнейшим вопросам. Инициатива американской стороны привела к созданию хотя и чисто формального, но союза с центром в Вашингтоне. Панамериканский союз не распался – панамериканские конференции, хотя и нерегулярно, но созывались. На каждой из этих конференций принимались решения по экономическим вопросам, которые в совокупности вели к интенсификации и углублению торговых и иных связей между странами американского континента.

Первый этап истории панамериканизма, который заканчивается в 1914 г., то есть с началом Первой мировой войны, не дал сколько-нибудь значимых результатов. По мнению аргентинского историка Луиса Дальянегра Педрасы, это был «период панамериканизма по инерции». Лишь немногие из достигнутых соглашений были ратифицированы, а те, которые удалось ратифицировать, были малозначительны (25).

Вместе с тем практически провалились все попытки учредить эффективный механизм мирного урегулирования межамериканских споров и конфликтов, то есть в той области, которая имела наиболее важное значение для латиноамериканских стран. Между тем этот период стал временем наиболее активной интервенционистской политики США в отношении Латинской Америки (25). Вашингтон, взяв на вооружение «политику большой дубинки» и «дипломатию доллара», начал открыто вмешиваться в дела латиноамериканских государств, наглядно продемонстрировав свое понимание панамериканизма. Политика США вылилась в серию вооруженных интервенций на территорию стран Центральной и Южной Америки, а также Карибского бассейна (оккупация Кубы и Пуэрто-Рико, установление контроля над зоной Панамского канала, неоднократная оккупация Гондураса и др.) и привела к установлению над ними экономического и политического контроля.

1.3. Усиление американского гегемонизма в Западном полушарии в годы Первой мировой войны

Очередной этап в трансформации панамериканизма связан с Первой мировой войной и возникновением в мире первого социалистического государства. Воспользовавшись вовлечённостью своих главных конкурентов (Англии и Германии) в войну, США решили использовать создавшееся положение для окончательного установления своего господства в Центральной Америке и подготовить необходимые условия для того, чтобы стать гегемоном во всём Западном полушарии.

Для оправдания политики захвата и закабаления латиноамериканских стран президент США В. Вильсон (1913–1921) разработал ряд новых лозунгов, которые дополняли «доктрину Монро». Изменения и дополнения к «доктрине Монро» были вызваны новыми международными условиями, возникшими в результате Первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции в России. Рост национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, в том числе и в Латинской Америке, потребовал новых, более гибких методов в реализации намеченных Вашингтоном планов. Этим и объясняются многочисленные демагогические выступления президента В. Вильсона о демократии, «самоопределении народов», о необходимости отказа от «дипломатии доллара» и т.п.

По отношению к странам Латинской Америки В. Вильсон выдвинул «теорию патернализма» и «доктрину непризнания». «Теория патернализма» исходила из положения о том, что народы этих стран не способны к самоуправлению, и долг США – взять на себя «отеческое» попечение над ними, помочь им «приобщиться к современной цивилизации». По существу, эта «теория» давала возможность Вашингтону сочетать самые «антиимпериалистические» высказывания с империалистическими действиями небывалого размаха.

«Доктрина непризнания» использовалась для поддержки американских корпораций, хозяйничавших в странах Латинской Америки. Опираясь на эту доктрину, США отказывались от признания тех правительств, которые не были угодны американским монополиям. Против таких правительств организовывались политическая и экономическая блокады. Их противники снабжались оружием и деньгами для организа-

ции мятежей. Все это проводилось под предлогом необходимости побудить народы этих стран установить у себя «демократические режимы».

«Теория патернализма» и «доктрина непризнания», применяемые США, приводили к постоянному вмешательству во внутренние дела латиноамериканских стран. Народы этих стран фактически лишались права выбирать желательные для них правительства и распоряжаться своей судьбой (6, с.476–477).

Девятнадцать лет – с 1915 по 1934 гг. – продолжалась оккупация Гаити, ставшая одним из проявлений империалистической политики Вашингтона. Результатом очередного использования Вашингтоном «большой дубинки» стало сохранение американского контроля над гаитянскими таможнями и финансовой деятельностью правительства до полного погашения долга. США сохраняли контроль вплоть до 1947 г., когда американский заем 1922 г. был погашен полностью. Следствием оккупации стало господство американского капитала во всех сферах экономической жизни Гаити, ее подчинение интересам США.

Объектом постоянных экспансионистских устремлений Вашингтона являлась Никарагуа. Причиной тому были важное геостратегическое положение этой страны, идеальные климатические условия для культивирования там хлопка, наличие крупных месторождений золота, серебра, обширных лесных массивов ценных пород дерева. Водная система озера Никарагуа (Косиболка), отделенного от Тихого океана перешейком с минимальной шириной в 29 километров, и реки Сан-Хуан, соединяющей озеро с Атлантическим океаном, представлялась одним из наиболее удобных мест, наряду с Панамским перешейком, для постройки транс-океанского канала. Для обеспечения своих политических и экономических интересов Вашингтон и в этой стране неоднократно использовал свою «большую дубинку». Последняя по счету оккупация продолжалась с 1926 по 1933 г.г. И хотя морская пехота покинула территорию Никарагуа, американские компании и банки сохранили господствующие позиции в экономике страны. У власти остались тесно связанные с ними представители местной буржуазии и латифундистской олигархии, неоднократно продававшие интересы своей страны.

Не менее грабительской была политика администрации В.Вильсона в отношении Доминиканской республики, во внутренние дела которой Вашингтон, в интересах американских монополий, вмешивался постоянно. В конечном счете дело дошло до вооруженной интер-

венции США в апреле 1916 г. и установления в этом государстве военной диктатуры, сохранявшейся до 1924 г.

В течение двух лет США держали свои войска в Мексике. И лишь учитывая растущие протесты против интервенции внутри страны, рост антиамериканских настроений в Мексике и, главным образом, тот факт, что США готовились вступить в Первую мировую войну, правительство США отдало распоряжение начать эвакуацию американских войск из Мексики.

Эти и другие подобного рода акции показали странам Латинской Америки всю фальшь «пацифистских» и «добрососедских» заявлений В. Вильсона. Может показаться парадоксальным, замечает сотрудник берлинского Института Дж.Кеннеди М.Берг, но ни один из американских президентов не осуществлял столько интервенций в Латинскую Америку, сколько В. Вильсон, «поборник права народов на самоопределение». Оправдывая неоднократные вмешательства в дела стран региона, он как-то заметил, что они необходимы, «чтобы научить южноамериканцев, как выбирать хороших людей» (18).

Особое место в политике администрации президента В. Вильсона в годы Первой мировой войны занимали панамериканские экономические конференции, которые использовались для того, чтобы создать условия для внедрения монополий США в экономику Центральной и Южной Америки. В работе первой такой конференции, проходившей в мае 1915 г. в Вашингтоне, участвовали 150 крупнейших банкиров и промышленников США, а также кабинет во главе с президентом.

Опираясь на активную дипломатическую и силовую поддержку государства, монополии США сумели за годы войны существенно укрепить свои позиции в Западном полушарии и начали энергично вытеснять европейских конкурентов, в первую очередь Великобританию (59).

Действительно, общий объем торговли США с Латинской Америкой вырос с 0,7 млрд. долл. в 1913 г. до 1,6 млрд. долл. в 1919 г. (9, с.275). Американские банки открывали в латиноамериканских странах свои отделения, бросая вызов европейской финансовой монополии. Упрочили свои позиции в экономике латиноамериканских стран и американские компании. К 1914 г. общая сумма капиталовложений развитых стран в экономику Латинской Америки достигла 10 млрд. долл. Почти половина из них принадлежала англичанам, которые, подобно французам и немцам, предпочитали предоставлять займы. Однако американские компании свои 1,7 млрд. долл. предпочли вложить в прибыльные экспортные от-

расли и коммунальное обслуживание (11, с.274). Английские инвестиции превышали вложения США, особенно в Аргентине и Бразилии, однако темпы прироста американских инвестиций были заметно выше. В результате с 1914 по 1919 гг. капиталовложения США в латиноамериканских странах увеличились в 1,4 раза – с 1,7 млрд. долл. до 2,4 млрд. долл. (9, с.287).

1.4. Адаптация панамериканизма к условиям «Великой депрессии» и зарождения в Латинской Америке социалистических идей и новых социальных движений

Мировой экономической кризис, разразившийся в 1929 г., недовольство в Латинской Америке интервенционистской политикой США вынудили Вашингтон приступить к «обновлению» своей латиноамериканской политики, изменить средства и методы экспансии, прикрыть их маской панамериканской «солидарности» и «защиты демократии и порядка».

Контуры «новой» политики были изложены будущим президентом США Ф.Рузвельтом еще в 1928 г. на страницах «Форин афферс». Соединенные Штаты, писал Ф.Рузвельт, должны «навсегда отказаться от практики произвольных интервенций во внутренние дела наших соседей». Вместо «произвольных» интервенций он предлагал такую альтернативу, которая не отличалась от них по содержанию, но отличалась по форме.

«Возможно, – писал Ф.Рузвельт, – что в будущем для какой-либо из братских республик настанут черные дни; анархия и плохое управление могут потребовать, чтобы рука помощи была протянута её гражданам как временная необходимая мера для восстановления порядка и стабильности. В этих условиях односторонняя интервенция США ни в коем случае не является их долгом и обязанностью. Долг США заключается скорее в том, чтобы, объединившись с другими американскими республиками, совместно изучить вопрос и, если обстоятельства того требуют, протянуть руку или руки помощи от всей Америки. Наше одностороннее вмешательство во внутренние дела других наций должно кончиться. Сотрудничая с другими странами, мы сможем установить больший порядок в Западном полушарии и вызовем меньше недовольства» (цит. по: 2, с.57).

Рекомендации Ф.Рузвельта были услышаны администрацией президента США Г.Гувера (1929–1932). В 1930 г. был опубликован мемо-

рандум госдепартамента, в котором была предпринята попытка обелить «доктрину Монро» и завуалировать ее сущность как орудия империалистической политики США. Меморандум объявил новую, активную программу политики «добрососедства и сотрудничества» США с латиноамериканскими странами. Вскоре после опубликования этого меморандума госдепартамент разослал правительствам латиноамериканских стран ноты, в которых заверял, что администрация президента Г.Гувера якобы против вмешательства в их внутренние дела, и что в политике по отношению к ним США руководствуются «гуманными принципами» и «искренней дружбой».

Официально политика «доброе соседа» была провозглашена Ф.Рузвельтом, вступившим на пост президента США в 1933 г. Представители правящих кругов США утверждали, что основой этой политики являлись принципы «невмешательства во внутренние дела» других государств, «равенства наций» и «уважения суверенных прав» всех народов.

Многие американские историки и государственные деятели пытались (и пытаются) доказать, что политика «доброе соседа» и связанные с ней мероприятия внешней политики администрации США проводились главным образом с целью противодействия фашистской Германии и для защиты свободы и демократии в Западном полушарии. Действительно, США временно отказались от наиболее грубых форм экспансии в странах Латинской Америки. Администрация США отозвала американские войска, находившиеся в ряде стран Центральной Америки, пошла на пересмотр некоторых открыто кабальных соглашений (с Гаити в 1934, Панамой в 1936), ликвидировала «поправку Платта», предоставлявшую американским войскам «право» высаживаться на Кубе, и т.д. Однако на деле провозглашение политики «доброе соседа» прежде всего означало лишь некоторое изменение методов и средств политики США в Латинской Америке (при сохранении ее экспансионистского характера) в соответствии с обстановкой, сложившейся в 30-е годы, и было обусловлено рядом факторов.

Важнейшим из них был мировой экономический кризис 1929 – 1933 гг., который привёл к ослаблению позиций США в Латинской Америке. Если в 1929 г. их капиталовложения составляли 5,6 млрд. долл., то в 1936 г. всего 2,8 млрд. долл. Уменьшился и объем экспорта США в Латинскую Америку – с 911 млн. долл. в 1929 г. до 195 млн. долл. в 1932 (10, с. 643). Уменьшение капиталовложений и падение экспорта не толь-

ко подрывали позиции США в Латинской Америке, но и обостряли течение экономического кризиса в самих США.

Правящим кругам США пришлось учитывать и изменение политической обстановки у своих южных соседей. Под влиянием экономического кризиса в странах Латинской Америки происходила перегруппировка политических сил, и начался подъем демократического, антиимпериалистического движения. Росло влияние коммунистических партий, развивалось профсоюзное движение.

Понимая, что в новой обстановке, складывающейся в Латинской Америке, применение старых, открытых форм экспансионистских действий, сопровождавшихся военной интервенцией, вводом войск, становится затруднительным, США стали все шире применять целый ряд методов замаскированной интервенции: блокаду, финансовое давление, непризнание неудобных правительств, заговоры. При этом США активно блокировались с крайне реакционными кругами латиноамериканских стран, которых они сами и приводили к власти.

Политика «добротного соседа», проводившаяся под флагом «солидарности» и «братства» народов Нового Света, явилась, по существу, новым изданием старой империалистической политики и преследовала цель повысить эффективность борьбы против национально-освободительного движения в Западном полушарии и ослабить конкуренцию империалистических соперников. Кроме того, администрация США надеялась при помощи этой политики усилить свои военно-стратегические позиции в Латинской Америке (10, с.644–645).

Политика «добротного соседа» велась с невиданным пропагандистским размахом. Резко увеличилось количество радиопередач и специальных изданий на испанском языке, усилился обмен студентами. В Латинскую Америку зачастили с визитами самые различные миссии. Голливуду, «фабрике грез», было рекомендовано выпускать фильмы, которые прославляли бы «традиционную» дружбу между США и странами Латинской Америки. Сладкозвучные заверения, которые раздавались из Вашингтона, оказывали определенное влияние на некоторую часть латиноамериканцев, которые временно оказались в плену лживой так называемой «добротсоседской» политики США.

Напористая реализация политики «добротного соседа» принесла определённые плоды. Произошло некоторое смягчение отношений США со странами Западного полушария. Экспорт США в Латинскую Америку увеличился с 215 млн. долл. в 1933 г. до 569 млн. долл. в 1939 г., а им-

порт за тот же период возрос с 316 млн. долл. до 518 млн. долл. (10, с.648).

Расширению торговли США со странами Латинской Америки способствовало заключение двусторонних коммерческих соглашений. В 1934 г. в США был принят закон о торговых соглашениях, по которому президент получил право снижать тарифы на импортные товары на 50%. На основе этого закона до 1939 г. США заключили 22 соглашения о снижении таможенных тарифов, причём 11 из них – со странами Латинской Америки. Эти соглашения, фактически знаменовавшие собой захват США латиноамериканских рынков, оформлялись через Панамериканский союз.

Однако США не собирались довольствоваться экономическим проникновением в страны Латинской Америки. Стремясь к дальнейшему укреплению своих позиций в Западном полушарии, США уже в те годы предприняли шаги к созданию под своей эгидой военно-политического блока латиноамериканских стран. Именно эту цель и преследовали США, созывая в 1936 г. в столице Аргентины Буэнос-Айресе внеочередную панамериканскую конференцию. Главным итогом конференции в Буэнос-Айресе явилось признание принципа взаимных консультаций между странами Западного полушария. Была одобрена идея взаимопомощи американских государств и, тем самым, получила одобрение доктрина меж-американского военного союза, которая выдвигалась Вашингтоном.

На восьмой Панамериканской конференции в столице Перу Лиме (1938) в результате нажима делегации США была принята «Декларация принципов американской солидарности». В этом документе, вошедшем в историю под названием Лимской декларации, было зафиксировано решение участников конференции о создании консультативного органа министров иностранных дел Западного полушария. До реализации заветной цели Вашингтона – создания панамериканского военно-политического блока, в котором США, опираясь на своё политическое влияние, экономическую мощь и военное могущество, играли бы главенствующую роль, оставался всего один шаг. Этот шаг помогла сделать Вторая мировая война.

1.5. Панамериканизм в годы «холодной войны» между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком

Вторая мировая война придала мощный импульс развитию внутриконтинентальных связей и способствовала укреплению позиций США в Западном полушарии. Упрочились экономические позиции США в регионе. Если в 1938 г. на долю Европы приходилась половина импорта и экспорта латиноамериканских стран, а на долю США лишь треть, то за годы войны ситуация радикально изменилась. Латиноамериканские страны, отрезанные от европейских рынков, вынуждены были переориентировать свою торговлю на США. В результате к концу войны США поглощали более половины экспорта латиноамериканских стран и на 30–60% удовлетворяли их потребности в импорте (2, с.210).

С целью закрепления своего господства в регионе США в годы войны энергично проталкивали идею создания организации, которая обязывала бы её членов к определённым действиям и соблюдению установленной процедуры. Такая структура под названием Организации американских государств (ОАГ) была создана в апреле 1948 г. Устав этой организации, имевшей широкие полномочия, позволил США (к тому времени абсолютного политического, военного и экономического лидера капиталистического мира) добиться безраздельного господства на континенте, контролировать практически все сферы общественной жизни латиноамериканских стран. Преобладание в деятельности ОАГ функции обеспечения политических и экономических интересов США привело к тому, что в националистически настроенных кругах политиков и части общественности за этой организацией надолго закрепилась репутация «министерства колоний США».

Созданием ОАГ Вашингтону удалось наконец-то завершить процесс формирования военно-политического союза американских государств во главе с США, союза, оформление которого было начато на 1-ой Панамериканской конференции в Вашингтоне еще в 1890 г.

Начавшаяся вскоре после окончания Второй мировой войны «холодная война», содержанием и проявлением которой стало противостояние «демократического» Запада и «тоталитарного» Востока, а следствием – возглавляемый США глобальный «крестовый поход» против «коммунистической угрозы» и «советского экспансионизма», самым непосредственным образом отразилась и на политике Вашингтона в Западном полушарии. Расширилась, за счёт антикоммунистической составляющей,

идеологическая основа панамериканизма. «Холодная война» укрепила в качестве наиболее характерной черты политики Вашингтона в области межамериканских отношений усиление ультрареакционных и антикоммунистических тенденций, жертвами которых становились даже экономические интересы США и «священные» «демократические идеалы» Запада. В этой связи весьма иллюстративной представляется оценка Ф.Рузвельтом деятельности никарагуанского диктатора А.Сомосы, поставленного Вашингтоном у власти в середине 30-х годов. Суть ее сводилась к тому, что А.Сомоса (один из самых кровавых диктаторов Латинской Америки) «возможно, и сукин сын, но это наш сукин сын» (59, с.21).

Политика Вашингтона была закреплена в целом ряде документов, которые регулировали межамериканские отношения вплоть до окончания «холодной войны» (впрочем, эти документы, с некоторыми уточнениями и дополнениями продолжают действовать и поныне).

В августе 1947 г. на специальной конференции в Рио-де-Жанейро был подписан Межамериканский договор о взаимной помощи (Пакт Рио). В этот документ были внесены положения, которые давали США возможность использовать их для наказания «непокорных» и «неудобных» стран региона. США настояли также на внесении в договор пункта, согласно которому вся система приводилась в действие в случае возникновения любой «ситуации», могущей подвергнуть «опасности» мир в Западном полушарии. Таким образом, создавались благоприятные условия для использования военно-политического блока в целях подавления разгоравшегося на континенте национально-освободительного движения и вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран. Пакт Рио и созданная годом позже ОАГ стали, по определению американских исследователей В. Вейки и Э. Муньоса, основными элементами формального институционального механизма «холодной войны» в Западном полушарии, идеологическая база которого продолжала совершенствоваться в последующие годы (81, с.20–21).

В 1954 г. на десятой панамериканской конференции была принята «резолуция 93», которая, по существу, предусматривала право на вмешательство во внутренние дела любой из латиноамериканских стран в виде «коллективной интервенции». Резолюция указывала на необходимость созыва консультативных совещаний американских стран «для принятия решений, предусмотренных существующими договорами», в случае «господства или контроля над политическими институтами любого американского государства со стороны международного коммунистического

движения». Такой случай расценивался как «угроза суверенитету и политической независимости американских государств» и автоматически подпадал под действие Пакта Рио, предусматривавшего немедленные «совместные» действия против нарушителя суверенитета. «Нарушителем», по тексту статьи, могла оказаться страна, которая никоим образом не нарушала суверенитета какой-либо другой страны и не совершала каких-либо действий против мира. Ее единственной «виной» мог стать негодный Вашингтону политический режим.

Практическое значение резолюции было убедительно продемонстрировано в том же 1954 г. во время событий в Гватемале. В середине июня отряды мятежников, обученные и вооружённые с помощью США, вторглись на территорию Гватемалы и свергли демократически избранное правительство Х.Арбенса, обвинив его в «связях с Москвой». Однако подлинная «вина» этого правительства, что позднее признали и американские исследователи, состояла совсем в другом. Дело в том, что правительство Гватемалы, стремясь проводить политику, отвечающую национальным интересам страны, попыталось ограничить бесконтрольное хозяйничанье американских монополий. Одной из мер, осуществлённых с этой целью, стала конфискация 84 тыс. гектаров земель, принадлежавших могущественной «Юнайтед фрут компани». Восстанавливать «порядок» в стране было поручено будущему диктатору страны К.Армасу, который отменил закон об аграрной реформе, столь негодный американским монополиям. В 60-е и 70-е годы гватемальская армия, консультируемая американскими военными советниками, продолжая наводить «порядок», развязала войну на уничтожение против индейских общин, в ходе которой погибли около 200 тыс. человек (81, с.23–24).

В апреле 1961 г. США с помощью кубинских наемников попытались свергнуть правительство Ф.Кастро и задуть революцию, избавившую страну от диктатора Ф.Батисты, ставленника Вашингтона. Однако эта попытка, осуществлявшаяся ЦРУ с санкции президента Дж. Кеннеди, закончилась полным провалом.

В апреле 1965 г. правительство Л. Джонсона отдало распоряжение американским войскам высадиться в Доминиканской республике и начать вооружённую интервенцию, мотивировав её необходимостью предотвратить захват власти левыми силами (кстати сказать, пришедшими к власти в результате демократических выборов) и возникновение второй Кубы. Односторонняя агрессия США лишь 6 мая была «прикрыта» решением десятого консультативного совещания министров иностранных

дел стран – членов ОАГ о создании межамериканских вооруженных сил и направлении их в Доминиканскую республику. Летом 1966 г. под дулами оккупантов в стране проходили новые «выборы», приведшие к власти удобное для американцев правительство. Только после «наведения порядка» американские войска были выведены из страны.

Предпринятая США акция свидетельствовала о твердом намерении Вашингтона осуществлять политику неограниченного вооруженного вмешательства в дела любой латиноамериканской страны с помощью или без помощи ОАГ. Сам Л.Джонсон чётко разъяснил линию США в заявлении, которое получило известность как очередная доктрина Вашингтона. «Мы не намерены, – сказал Л.Джонсон, – сидеть, сложа руки в кресле-качалке, и позволять коммунистам создавать угодные им правительства в странах Западного полушария... Американские страны не могут, не должны и не допустят создания в Западном полушарии еще одного коммунистического правительства. У нас есть сила и мы намерены ее использовать» (цит. по: 2, с.106). Так была провозглашена «новая» доктрина, получившая по имени её автора название «доктрины Джонсона».

В последующие два десятилетия США, учитывая обстановку на «пылающем континенте», были вынуждены отказаться от практики прямого вооруженного вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран в целях защиты своих «законных» интересов. Вашингтон сделал упор на осуществление тайных операций против неугодных ему политических режимов. На счету американских спецслужб организация военных переворотов в Бразилии (1964), Аргентине (1966), Боливии (1968), свержение демократически избранного правительства Народного единства в Чили (1973).

Последняя вооруженная интервенция эпохи «холодной войны» была предпринята в период президентства Р.Рейгана (1981–1988). В октябре 1983 г. тысячи американских морских пехотинцев и воздушных десантников начали вторжение на Гренаду, крошечное карибское государство, политика которого очень не устраивала Вашингтон. Президент Р.Рейган заявил, что самой важной причиной такой «решающей акции» было стремление защитить жизни ни в чем не повинных людей, включая до тысячи американцев. Затем президент сделал акцент на том, что войска были высажены и для того, чтобы помочь восстановлению демократических институтов на Гренаде и не допустить усиление хаоса. Причем делалось это якобы по настоятельной просьбе Организации восточно-

карибских государств, а следовательно, речь шла не об односторонней интервенции США, а о «коллективной акции».

Впрочем, и во всех других предыдущих случаях вмешательства во внутренние дела латиноамериканских государств Вашингтон стремился придавать им видимость коллективных межамериканских акций, осуществляемых в рамках панамериканской «солидарности». Правящие круги США хорошо понимали, что политика беззастенчивого произвола, практиковавшаяся в недалеком прошлом и вызывавшая возмущение широких слоев населения в странах Латинской Америки, чревата неприятными для них последствиями.

Более чем 200-летняя история взаимоотношений США со странами Латинской Америки свидетельствует о том, что практика отношений Вашингтона с южными соседями никак не соответствовала идеалам солидарности и взаимовыгодного сотрудничества, которые Вашингтон обещал сделать основополагающими принципами своей политики в Западном полушарии и которые он не уставал афишировать. Красной нитью через всю историю латиноамериканской политики Вашингтона проходила защита интересов крупного американского капитала, борьба на уничтожение против тех социальных сил, которые угрожали интересам США в регионе. Подтверждение тому – длинный список военных интервенций, тайных операций против неугодных Вашингтону политических режимов и социальных движений.

О масштабах американского вмешательства говорят факты. По данным Конгресса США (1969) в период с 1798 по 1965 гг. Соединенные Штаты осуществили в Латинской Америке более 150 военных интервенций. Если же учесть секретные операции американских спецслужб, то их число достигнет 984, из которых 343 пришлись на Центральную Америку и Карибы. Этот список заметно возрастает за счёт военных интервенций и тайных операций, осуществлённых Вашингтоном в латиноамериканских странах в течение последнего десятилетия «холодной войны» (70–80-е годы).

Как это ни печально, заметил профессор Калифорнийского университета Р.Элиас, но, анализируя историю внешней политики США, приходится признать, что наиболее часто Вашингтон использовал в качестве инструмента своей политики в отношении других народов и стран насилие. Только за период с 1945 по 2000 гг. США предприняли более 40 попыток свержения неугодных им правительств в разных районах мира (в большинстве своём успешных) и способствовали разгрому более 30

народных движений, боровшихся против диктатур. В ходе этих акций погибли несколько миллионов человек, а миллионы были обречены на прозябание в нищете. Помимо этого США создавали террористические группы, практиковали пытки и убийства людей, создавали «эскадроны смерти», предоставляли убежище для террористов и военных преступников, использовали оружие массового поражения против мирного населения, фальсифицировали итоги выборов, используя и иные средства вмешательства в дела других государств (30).

В той или иной форме сказанное выше имело место и в Латинской Америке. Во время «холодной войны», констатирует американский исследователь В. Фрайер, США довольно часто выступали отнюдь не в роли защитников свобод, демократии и справедливости, как думают многие американцы. Скорее, США выступали в поддержку консервативного «статус-кво» в «третьем мире», и в Латинской Америке в частности. Во многих случаях политические лидеры, которых Вашингтон поддерживал во имя капитализма, стабильности и антикоммунизма, действовали против моральных принципов, которыми, на словах, руководствовалась внешняя политика США. Главным интересом этих людей было сохранение собственной власти, а не институционализация демократии в своих странах, справедливое распределение плодов экономического роста и права человека. Наиболее яркие примеры тому – М.Норьега в Панаме, Ф.Батиста на Кубе, генерал А.Сомоса в Никарагуа, Ф.Дювалье в Гаити (34).

В.Фрайер обращает внимание на то, что требования проведения аграрных реформ, более справедливого распределения результатов экономического роста жёстко связывались с «коммунистической экспансией». Эти требования часто встречались в штыки (и не только в переносном смысле) правящими кругами латиноамериканских стран, а также США. Во многих случаях, подчеркивает американский исследователь, политика Вашингтона в Латинской Америке в годы «холодной войны» служила серьезным препятствием для экономического, политического и социального прогресса латиноамериканских стран. Борьбой против «коммунистической угрозы» США, по существу, прикрывали борьбу за свои традиционные интересы в сфере экономики и безопасности (34).

Для достижения своих традиционных целей Вашингтон использовал два основных подхода в отношениях со странами Латинской Америки: сотрудничество и конфронтацию.

Политика же сотрудничества исторически применялась в отношениях со странами, которые рассматривались в качестве «союзников» США. В рамках политики сотрудничества США обычно оказывали своим партнерам экономическую и военную помощь и побуждали эту страну проводить политику, отвечающую интересам США. В период «холодной войны» это в обязательном порядке предусматривало оппозицию Советскому Союзу и отказ от помощи со стороны коммунистических государств, юридическую гарантию безопасности американских частных инвестиций от национализации или экспроприации, создание политически стабильной обстановки, благоприятной для капиталовложений. Политика сотрудничества исторически применялась, за некоторыми исключениями, ко всем латиноамериканским странам.

Политика конфронтации осуществлялась в отношении тех стран, которые демонстрировали оппозицию или враждебность к интересам США и капиталистическому строю. В рамках конфронтационной политики США широко использовали экономические, политические и военные ресурсы для того, чтобы предотвратить переход соответствующих стран на позиции, которые были бы враждебны американским интересам. Средства, использовавшиеся для достижения этой цели, были достаточно разнообразны. Это – сокращение инвестиций (нередко в форме официального эмбарго), блокирование необходимых той или иной стране займов в международных кредитных организациях, поддержка оппозиционных политических партий и кандидатов, уменьшение ранее предоставлявшейся экономической или военной помощи. Крайние формы конфронтационной стратегии США предусматривали тайную поддержку мероприятий по свержению строптивного правительства или открытую военную интервенцию. Главной целью военных интервенций являлось «восстановление порядка» и утверждение во власти угодных Вашингтону политических деятелей, готовых обслуживать интересы США. Лишь после этого США восстанавливали «политику сотрудничества» с соответствующей страной.

Хотя, считают американские политики и исследователи, «стратегия сотрудничества» более эффективна, чем «стратегия конфронтации», частота, с которой Вашингтон прибегал к использованию силы в регионе, свидетельствовала о том, что лишь использование силы давало возможность США удерживать страны региона в повиновении и обеспечивать свои эгоистические интересы.

Систематическое применение силы показало и несостоятельность «морального компонента» латиноамериканской политики США, предполагавшего защиту ценностей демократии и уважение прав человека, о чем сейчас так много говорят политики и СМИ. Между тем и в годы «холодной войны», и до нее США упорно поддерживали существовавшие в Латинской Америке режимы, не обращая внимания на то, насколько они легитимны и отражают ли они интересы и чаяния своих народов. Главным приоритетом США в регионе была политическая стабильность, необходимая для соблюдения их экономических интересов. Эта политика требовала «решительного отпора» оппозиционным группам, стремившимся к прогрессивным переменам в экономических и политических интересах своих стран. И такое случалось довольно часто. Поэтому политика США в отношении Латинской Америки выступала не в качестве фактора подлинного экономического и социального прогресса, а скорее в качестве разрушительной, антидемократической силы, активно противодействовавшей политическим, экономическим и социальным переменам, отвечающим интересам широких слоев населения.

Таким выглядел панамериканизм по – североамерикански в самом недалеком историческом прошлом!

Раздел 2

Экономическая суть панамериканизма: Захват рынков, эксплуатация природных и трудовых ресурсов латиноамериканских стран

2.1. На заре развертывания экономической экспансии

Собственное экономическое процветание со времени образования США рассматривается правящими кругами этой страны в качестве важнейшего условия выживания страны, ее способности противостоять внутренним и внешним угрозам. Другими словами, бескризисное функционирование экономики является важнейшим фактором национальной

безопасности США. Чтобы гарантировать такое развитие, необходимо налаживать интенсивные внешнеэкономические связи, способные обеспечить рынки сбыта для промышленной продукции, обзаводиться источниками необходимого сырья и сферами выгодного приложения капитала. Для решения этих задач, которые всегда занимали приоритетное место во внешнеполитической стратегии правящих кругов США, использовались, как уже было сказано выше, разнообразные методы и средства, включая силовые. Естественно, что первыми испытали на себе натиск американского капитала ближайшие географические соседи США – страны Латинской Америки.

Становление промышленного капитализма в США первоначально, с конца XVIII в. и, пожалуй, в течение всего XIX в., происходило в стесненных внешних условиях. Ему приходилось выдерживать нелёгкую конкурентную борьбу с Англией – родиной промышленной революции в Старом Свете, а также с другими европейскими государствами, вступившими на путь индустриального развития (Германии и Франции, прежде всего). Серьезной внешней преградой служила и колониальная система, охватывавшая в ту пору огромные пространства в Западном полушарии (английские, французские и испанские владения) и за его пределами. Колониальные державы ревностно оберегали свои экономические интересы повсюду, где им удалось завоевать господствующие позиции еще в эпоху великих географических открытий.

В этих условиях основной внешней «отдушиной» для набиравшего силу североамериканского индустриального гиганта могли стать и стали ближайшие к США территории. В частности, Латинская Америка, и в первую очередь, те ее страны, которым в первой четверти XIX века удалось освободиться от колониального гнета и обрести формальную государственную самостоятельность. Крупнейшими среди них были Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Перу и Чили.

Незначительные по объему торговые связи с испанскими колониями в Западном полушарии, носившими нелегальный характер, существовали и до обретения ими независимости. В конце XVIII в., когда Испания, вовлечённая в военные действия в Европе и Америке, поневоле открыла порты в своих заокеанских владениях, торговля стала расти. США продавали своим соседям главным образом строевой лес и сельскохозяйственную продукцию. За 1796 – 1806 гг. объем торговли вырос в несколько раз, а доля Латинской Америки в экспорте США увеличилась с 3 до 12% (48). Основными партнерами США являлись соседняя Мексика,

территории в Карибском бассейне и Бразилия. В 1815 г. общий объем торговли США с этими территориями составил 6,7 млн. долл., из которых более 4 млн. пришлось на долю Кубы (48).

По мере наращивания экономической и военной мощи США начинают осваивать и распространять свое влияние и на другие районы Западного полушария. Причем уже в середине XIX в. крупный американский капитал все чаще начинает прибегать к «покровительству» вооруженных сил для расширения своего «жизненного пространства» и для защиты завоеванных в Латинской Америке рубежей. В середине 50-х годов XIX в. США, развязав войну против Мексики, заставили ее «уступить» им более трети своей территории, что существенно увеличило не только территорию США, но и их экономический потенциал. В 1852–1853 гг. американские войска высаживаются в Аргентине для «защиты» интересов США в этой стране. В 1856 г. правительство США вновь посылает военные корабли в Аргентину опять же для «защиты» собственности и обеспечения безопасности американских граждан. В том же году Вашингтон осуществил первую военную интервенцию в Панаму, чтобы взять под «охрану» собственность крупного американского капитала – железную дорогу через Панамский перешеек.

С конца XIX века североамериканский капитализм вступает в стадию своей зрелости. В США формируются монополии первого поколения (прообраз будущих ТНК), занимавшихся, главным образом, добычей полезных ископаемых. В стране возникают относительный избыток накопленного капитала и потребность в дополнительных источниках сырья и рынках сбыта готовой промышленной продукции.

Одним из ранних объектов приложения сил американских монополий стали минеральные ресурсы соседней Мексики. Ее горнорудная промышленность оказалась под пятой трех американских компаний: «Асарко», «Америкэн металл компани» и «Анаконда коппер компани», которым принадлежала львиная доля добычи золота, серебра, свинца, цинка и меди. Такая же картина наблюдалась и в нефтяной промышленности. Добывавшаяся здесь американскими трестами нефть (в 1921 г. – 29% всей нефтедобычи капиталистического мира) широким потоком вливалась в экономику США (69).

Повсюду, где хозяйничали американские монополии, эксплуатация природных ресурсов носила ярко выраженный хищнический характер. Наглядный тому пример – те же нефтепромыслы Мексики. Разрабатывались наиболее богатые месторождения в Поса-Рика и почти не уделялось

внимания поискам новых нефтеносных районов. Если в нефтяной промышленности США на каждую единицу добываемой нефти (баррель) приходилось 48 песо вложений капитала, то в Мексике – только 8,6 песо, то есть в пять раз меньше (69).

Нещадной эксплуатации подвергались занятые на нефтепромыслах мексиканские рабочие, почасовая заработная плата которых была в три раза ниже, чем в США. Чрезвычайно тяжелыми были и социально-бытовые условия на нефтепромыслах. По этому поводу тогдашний президент Мексики Ласаро Карденас говорил: «В каком посёлке, прилегающем к нефтяным промыслам, вы найдёте госпиталь, школу, водопровод, канализацию, спортивную площадку или электростанцию? С другой стороны, в каком посёлке вы не встретите частной полиции, содержащейся для защиты эгоистических, а иногда и незаконных интересов нефтяных компаний? Таких полицейских отрядов, ответственных за многочисленные оскорбления, злоупотребления и убийства, служащих выгодам компаний, – сколько угодно» (69).

При таком положении дел прибыли нефтяных компаний неуклонно росли. В 1935 г., по данным специального обследования, они составили почти 75 млн. песо, или свыше 35% к первоначальному акционерному капиталу (69). Неоднократно предпринимавшиеся попытки добиться у американских компаний улучшения условий труда и быта рабочих-нефтяников заканчивались ничем. Все это побудило Л.Карденаса в 1938 г. пойти на крайнюю меру – издать декрет об экспроприации активов иностранных нефтяных компаний в стране. Это был первый в Латинской Америке случай столь решительных действий в защиту национальных экономических интересов.

Начав с ближайшего своего соседа, сырьевые монополии стали продвигаться в Центральную и Южную Америку, где прежде орудовали главным образом компании Англии, Германии, Голландии.

2.2. Нарращивание экономического присутствия в годы двух мировых войн

Переломном моментом в империалистическом соперничестве стала Первая мировая война. К этому времени США уже стали ведущей индустриальной державой мира, значительно превосходящей по своему производственному потенциалу своих главных конкурентов – Англию, Германию и Францию. Так, доля США в мировом промышленном произ-

водстве, составлявшая в 1900 г. 22,8%, к 1913 г. возросла до 26,3% и лишь немногим уступала доле трёх европейских конкурентов (27,7%) (2, с.549).

В 1916 г. американские компании начали разработку богатейших нефтяных месторождений Венесуэлы, которая десять лет спустя (в 1927 г.) вышла на первое место в Латинской Америке по объемам добычи «черного золота», опередив Мексику. В этот же период компании США стали подбираться к нефтяным ресурсам андских стран – Колумбии и Эквадора. В Чили и Перу обосновывается уже упоминавшаяся выше крупнейшая медная компания США «Анаконда коппер компани», прибравшая к рукам основные центры добычи медной руды. В золотоносных районах Бразилии разворачивает деятельность американская горнорудная монополия «Ханна майнинг компани». Ей же стали принадлежать некоторые месторождения железных и никелевых руд в Бразилии, Колумбии и Гватемале. Гигант металлургической промышленности США «Юнайтед стейтс стил корпорейшн» завладевает в Бразилии вторым по размерам запасов железной руды месторождением Санта-Мария (до 15 млрд. тонн руды с содержанием металла 66%) и одним из крупнейших месторождений марганцевой руды. Такая же участь постигла и богатое месторождение железной руды в Венесуэле.

В 20–30-е годы Латинская Америка все больше превращается в аграрно – сырьевой придаток развитых капиталистических стран, и прежде всего, США. Доля минерального сырья и продовольственных товаров в экспорте стран этого региона в конце 30-х годов приближалась к 90%. Так, свыше трех четвертей экспорта Мексики приходилось на серебро, нефть, полиметаллы, ртуть, нефрит. Основу экспорта Бразилии составляли кофе, хлопок, железная и марганцевая руды; Венесуэлы – нефть, кофе, какао-бобы; Боливии – олово; Чили – медь; Аргентины, Парагвая и Уругвая – зерновые и животноводческая продукция; стран Центральной Америки и Карибов – продукция тропического земледелия.

По мере того как эти ресурсы попадали в руки нефтяных, горнорудных и торгово – посреднических компаний (как, например, «Юнайтед фронт компани»), страны Латинской Америки утрачивали все большую часть естественной ренты – сверхприбыли, получаемой от эксплуатации их природных богатств. В этом состояла одна из главных причин их «отстающего развития», запоздалого вступления на путь индустриального роста.

Параллельно с ростом экономической зависимости усиливалась и политическая зависимость латиноамериканских стран от США. В тех случаях, когда какая-либо из стран региона пыталась выступить в защиту своих интересов, Вашингтон не стеснялся прибегать к использованию силы. Вплоть до кануна Второй мировой войны правительство США неоднократно прибегало к оккупации ряда стран Центральной Америки и Карибского бассейна для выколачивания долгов, «защиты» собственности и интересов американских монополий. В таких случаях все разговоры об «общности интересов и целей стран Американского континента» уходили на задний план, и предпочтение отдавалось интересам крупного американского бизнеса. И лишь начавшаяся Вторая мировая война избавила Мексику, национализировавшую собственность американских нефтяных компаний, от очередного удара «большой дубинки» северного соседа.

Своего апогея тенденция к монополизации природных ресурсов стран Латинской Америки (и прежде всего, полезных ископаемых) американскими компаниями достигла в годы Второй мировой войны, превратившей на это время торговые и экономические связи региона с европейскими государствами. Так, в годы войны Англия, не выдержав конкуренции США, вынуждена была ликвидировать три четверти своих капиталовложений в горнорудную промышленность Чили, где добыча селитры и меди практически целиком оказалась в руках американских компаний.

«Война моторов» подстегивала стремление США к дальнейшему захвату нефтяных ресурсов Латинской Америки. Только за 1943–1945 гг. площадь концессий американских компаний в Венесуэле увеличилась более чем в два раза. В Колумбии за этот период было выдано вдвое больше концессий, чем за всю предыдущую историю нефтяной промышленности страны. В 1945 г. во всех странах Латинской Америки было добыто 64 млн. тонн нефти – в 1,7 раза больше, чем в 1942 г., причем почти весь прирост нефтедобычи приходился на долю компаний США (11, с.20–21).

Таким образом, в годы войны и в первые послевоенные годы монополии США поставили под свой контроль производство и сбыт практически всех основных видов экспортного сырья латиноамериканских стран, причем американский рынок стал главным его покупателем. Использование дешёвого сырья Латинской Америки внесло немалую лепту в обеспечение бурного экономического роста США в послевоенные годы.

Сосредоточение в одних руках функций монопольного поставщика и покупателя дало Вашингтону большие возможности для оказания экономического и политического давления на страны региона.

2.3. Попытки противодействия экспансии северного соседа посредством политики госкапитализма и импортзамещающей индустриализации

Своеобразно складывались отношения США с Латинской Америкой в 60–70-е годы. Они характеризовались подъёмом борьбы латиноамериканских стран за экономическую независимость, утверждение национального суверенитета над природными ресурсами, преодоление односторонней аграрной и сырьевой направленности экономик и создание собственной обрабатывающей промышленности.

Столкнувшись с острой нехваткой многих видов промышленной продукции, страны региона ещё в военные 40–е годы начинают создавать у себя (главным образом, в рамках государственного сектора) некоторые виды производств, которые до этого у них либо полностью отсутствовали, либо были развиты слабо, не соответствовали растущим национальным потребностям.

В 60-е годы многие страны Латинской Америки обращаются к стратегии импортзамещающей индустриализации. Ее суть сводилась к ускоренному промышленному развитию при непосредственной поддержке национального государства, при ограждении внутренних рынков от разрушительной иностранной конкуренции (политика промышленного протекционизма). Примечательной чертой этого периода стало вытеснение иностранного капитала из ключевых, «стратегически важных» отраслей хозяйства и, прежде всего, из нефтяной и горнорудной промышленности. По ряду стран прокатилась волна национализации иностранной собственности и создания на этой основе крупных компаний государственного сектора.

В 70-е годы мероприятия по национализации иностранной собственности, в частности североамериканской, приобрели еще более широкий размах. Эти мероприятия сыграли важную роль в укреплении позиций государственного сектора в экономиках стран Латинской Америки, утверждении их суверенитета над природными ресурсами и в ускорении их промышленного развития.

Однако и в этой весьма неблагоприятной для них обстановке американские монополии не смирились с потерей прямого доступа к минеральным богатствам стран Латинской Америки. Начался поиск обходных путей и форм доступа к этим ресурсам. Ими стали, в частности, контракты на услуги, контракты риска, соглашения о разделе добычи, создание совместных компаний как разновидности зарубежных филиалов со смешанным капиталом. Новые формы участия иностранного капитала, с одной стороны, позволили странам Латинской Америки более широко использовать внешние источники финансирования, современную технологию, оборудование и т.д. Но, с другой стороны, они дали американским монополиям возможность продолжить эксплуатацию природных ресурсов латиноамериканского континента.

Таким образом, на стратегию импортзамещения американские компании, «носители технического прогресса и ноу-хау», ответили контрстратегией – небезуспешной адаптацией к новым условиям, характеризовавшимся вступлением латиноамериканских стран на путь форсированного «догоняющего» промышленного развития и попытками укрепления своей экономической независимости.

Новая стратегия американских монополий имела ряд особенностей. Одна из них связана с передислокацией в латиноамериканские страны «грязных», с точки зрения окружающей среды, производств. Таким образом, наметилась новая тенденция в разделении труда между США и странами Латинской Америки. В латиноамериканских странах начинают развиваться отрасли, представляющие «нижние» этажи производственных комплексов, в то время как наукоемкие и более сложные отрасли, определяющие научно-технический прогресс, остаются в США. Фактически это позволило монополиям США ещё более эффективно эксплуатировать природные ресурсы региона, но в более скрытой, завалированной форме.

Важную роль в стратегии американских монополий играло и налаживание в латиноамериканских странах экспортных производств. При этом все большее значение придавалось развитию производства в свободных промышленных зонах (СПЗ), где иностранному капиталу предоставлялись налоговые, тарифные и иные льготы. В Латинской Америке в начале XXI столетия функционировали 21 СПЗ и еще 12 находились в стадии разработки и планирования. СПЗ широко использовались для развития вертикальной интеграции – размещения отдельных видов производств с незаконченным циклом, ориентированных на создание идущих

на экспорт частей и компонентов и включенных в воспроизводственные процессы в рамках глобальных производственно-сбытовых комплексов американских монополий.

Особое внимание уделялось Мексике, где, главным образом, в северной, пограничной с США зоне, была создана обширная сеть «макиладорас» – предприятий, производящих продукцию на экспорт из импортируемых частей и полуфабрикатов. В 1987 г. общее количество таких предприятий превысило тысячу. Наряду со льготным режимом (беспшлинный ввоз сырья, оборудования, полуфабрикатов, а также вывоз готовых изделий) американские монополии получили возможность значительного снижения издержек производства и соответствующего увеличения прибыли за счет, прежде всего, «экономии» на заработной плате. По подсчетам специалистов, экономия в расходах на одного занятого в первой половине 80-х годов составляла около 14,5 тыс. долл. ежегодно, что означало снижение издержек производства для американских корпораций на сумму 1,8 млрд. долл. (11, с.146).

Американские монополии не обошли своим «вниманием» и агропромышленную сферу Латинской Америки. Дело в том, что в 60–70-е годы возросла роль некоторых латиноамериканских стран в качестве поставщиков разнообразной сельскохозяйственной продукции для быстро развивавшегося внутреннего рынка США. Отдать эту важную сферу промышленной деятельности в чужие руки монополии США, естественно, не могли. Их историческим предшественником на этом поприще была небезызвестная «Юнайтед фронт компани» – американская торгово-производственная компания, занимавшаяся главным образом выращиванием и экспортом бананов, сахарного тростника, какао и других тропических культур, а также переработкой сельскохозяйственного сырья.

И в этом случае первый удар приняла на себя Мексика – ближайший сосед США. Широкое проникновение американских монополий в агроиндустрию Мексики пришлось на 60-е годы. В этот период в пищевой промышленности было создано 93 филиала американских компаний, то есть в три раза больше, чем за предыдущее десятилетие. Принятый в Мексике в 1973 г. закон о регулировании иностранных инвестиций, согласно которому доля иностранных вкладчиков не должна была превышать 49% акционерного капитала, не помешал приостановить данный процесс. К началу 80-х годов американские компании действовали в 28 из 40 отраслей мексиканской пищевой промышленности. На их долю приходилось 97% производства сгущенного и сухого молока, 93% чая и

растворимого кофе, 70% зерновой муки, 63% шоколада и какао, 61% сбалансированных кормов для скота и т.д. Аналогичная картина наблюдалась и в табачной промышленности: доля американских компаний в производстве сигарет превысила 99% (1, с.74).

Не стало препятствием для установления контроля со стороны американского капитала над аграрным сектором Мексики и законодательство последней о закрытии прямого доступа иностранным компаниям в сельскохозяйственное производство. Используя систему контрактов и трехсторонних соглашений, американские компании продолжали внедряться в аграрный сектор и укреплять свои позиции в нём. Контроль США над переработкой сельскохозяйственной продукции в Мексике зашёл довольно далеко: в 1960 г. американские монополии контролировали 9% производства, в 1970 г. – 25%, а в 1980 г. уже 40% (1, с.76).

Картина экономических интересов монополий США и масштабов «освоения» ими национальных богатств Латинской Америки была бы неполной, если не упомянуть еще об одном аспекте их деятельности – использовании трудовых ресурсов латиноамериканских стран непосредственно в экономике самих США.

Главным поставщиком дешевой рабочей силы для США является Мексика. До середины 60-х годов между этими странами действовало соглашение, по которому значительная часть «избыточного мексиканского населения» могла легально приезжать в США для работы в сельском хозяйстве. Отказ правительства США, под нажимом американских профсоюзов, продлить этот договор привел к тому, что иммиграция приобрела нелегальный характер, а ее масштаб еще более увеличился. По данным мексиканских исследователей, в 70-е годы границу США ежегодно пересекали около 800 тыс. мексиканских рабочих (цифра, эквивалентная ежегодному приросту рабочей силы в Мексике), в то время как в 1960 г. менее 28 тыс. (71).

Проблема нелегальных мексиканских рабочих («брасерос», что означает «мокрые спины») не раз являлась причиной острых трений между США и Мексикой. Так, принятый в 1976 г. США закон об иммиграции, снизивший миграционную квоту для мексиканцев, был расценен правительством Мексики как «недружественная акция», противоречащая «особым» партнерским отношениям двух стран. Правительство Мексики резко отреагировало и на проект создания Американско-мексиканского банка для финансирования в Мексике проектов, которые способствовали бы снижению массовой нелегальной иммиграции в США. Оно сочло их по-

сягательством на национальный суверенитет и вмешательством во внутренние дела страны и в сентябре 1977 г. отвергло этот проект. Дело дошло до того, что Мексика вынесла вопрос о положении мексиканских рабочих в США на суд мировой общественности.

Со временем, однако, в США пришли к пониманию того, что использование иностранной рабочей силы (разумеется, не только «брасерос») необходимо и весьма выгодно стране, поскольку оказывает многостороннее позитивное воздействие на экономику принимающей стороны, принося немалые выгоды. Так, только за счет «похищения умов» в том числе и из латиноамериканских стран, США сэкономили за период 1985–1995 гг. только в сфере образования и научной деятельности не менее 15 млрд. долл. (71).

Таким образом, несмотря на все осложнения в отношениях США с Латинской Америкой в период 60–70-х годов, связанные с борьбой стран этого региона за утверждение национального суверенитета над природными ресурсами, с переходом к стратегии импортзамещающей индустриализации и расширением государственного сектора в национальной экономике, монополиям США удалось не только удержать, но и расширить свои позиции в хозяйстве региона.

На долю Латинской Америки в 1989 г. приходилось около 75% всех зарегистрированных капиталовложений США в развивающихся странах, в том числе более 82% их инвестиций в обрабатывающую промышленность этой группы стран. За период 1961–1980 гг. американские активы в Латинской Америке увеличились с 15 млрд. долл. до 70 млрд., в том числе прямые капиталовложения – с 8 млрд. долл. до 38 млрд., т.е. почти в пять раз. Сумма продаж филиалов американских компаний выросла за тот же период с 10 млрд. долл. до 70 млрд. долл., сумма, которая превышала четверть совокупного ВВП латиноамериканских стран (71).

Пропорционально масштабам засилья американских монополий в экономике латиноамериканских стран, росли их доходы. С 1970 по 1979 г. прибыли монополий США от прямых капиталовложений увеличились с 3,1 млрд. долл. до 19,9 млрд. долл. Выросли и доходы от различного рода «услуг» (страхование, фрахт и прочее) – с 3,5 млрд. долл. до 15,9 млрд. долл. В эти же годы латиноамериканские страны начинают остро ощущать и последствия долговой зависимости от США. В частности, резко возросли платежи в счёт внешнего долга. Только в форме процентов страны региона выплатили в 1979 г. 9 млрд. долл. против 0,8 млрд. в 1970 г. Таким образом, эффект от «со-

трудничества» американских монополий со странами Латинской Америки в деле их индустриализации оказался весьма прибыльным – почти 45 млрд. долл. дохода на вложенный в этом регионе капитал. И это лишь за один 1979 г.! (71).

Одной из особенностей послевоенного периода является почти полное прекращение односторонних силовых акций Вашингтона в «защиту» интересов американских монополий в Латинской Америке. А те немногие, что имели место, были осуществлены либо как «коллективные» (Доминиканская республика, 1965), либо как действия «национальных сил сопротивления» (Гватемала, 1954; Куба, 1961). Причиной тому стала резко изменившаяся обстановка в регионе. Во-первых, к этому времени заметно усилилось могущество и влияние мировой социалистической системы, к которой имели возможность обратиться за моральной, политической и материальной поддержкой развивающиеся страны, в частности латиноамериканские. Во-вторых, активизировалось национально-освободительное движение в Латинской Америке, в особенности после победы революции на Кубе, что привело к росту антиамериканских настроений в регионе и приходу к власти в ряде стран националистически настроенных правительств. В этих условиях Вашингтон прибег к использованию в «критических» для себя ситуациях «услуг» реакционных военных кругов, с которыми у него имелись давние и тесные связи. В результате в ряде стран, политика которых вызывала особое недовольство и опасения монополий и правящих кругов США, были организованы военные перевороты и восстановлены устраивавшие Вашингтон порядки.

2.4. «Раскручивание» неолиберальных рыночных реформ в Латинской Америке как способ «расчистки» экономического пространства для транснациональных монополий США

Со второй половины 80-х годов обстановка в мире и в Латинской Америке начинает меняться в пользу США. Пришедшие к власти в Советском Союзе политические силы приступают к постепенной ликвидации социалистического строя в стране, что сразу же сказалось и на внешней политике СССР. Происходит постепенное сворачивание политического и экономического сотрудничества СССР со странами «третьего мира», сокращение предоставляемой им экономической, научно-технической и иной помощи, а затем и полное ее прекращение. В полной

мере это коснулось и Латинской Америки, где новое руководство Советского Союза «без боя» сдало все свои ранее завоёванные позиции. С завершением «холодной войны», распадом Советского Союза и мировой социалистической системы, переключением Европы на «освоение» Центральной и Восточной Европы, а Японии – на Азию, США остались полновластным «хозяином» в Латинской Америке. По мнению мексиканского исследователя Памелы Старр, именно в это время рухнула «латиноамериканская стратегия (или во многих случаях мечта) уравнивания региональной экономической мощи США за счёт расширения экономических связей с Европой и Японией. Бесплодные попытки мексиканского президента Карлоса Салинаса начать торговые переговоры с Европейским союзом и Японией в начале 1989 г. являются наглядным примером этой реальности. В конце 80-х годов ослабленная Латинская Америка оказалась в одиночестве перед доминирующей мощью Соединенных Штатов» (71).

В этой обстановке Вашингтон получил возможность для более полного подчинения экономик стран Латинской Америки интересам крупного американского капитала. Достичь этой цели Вашингтон намеревался путем навязывания латиноамериканским странам политики экономических реформ неолиберального толка.

Переход к такой модели – открытой рыночной экономики – начался в регионе еще в середине 80-х годов. Отчасти он был обусловлен тяжелой социально-экономической и политической обстановкой в регионе, возникшей в результате начавшегося в 80-е годы в регионе самого тяжелого после 30-х годов экономического спада. В результате для большинства стран 80-е годы стали десятилетием медленного (а в ряде стран и отрицательного) экономического роста, заметного снижения уровня жизни населения и галопирующей инфляции. Экономическая политика, которая успешно служила странам региона в течение нескольких десятилетий (политика импортзамещающей индустриализации и широкого вмешательства государства в экономику), в конечном счете рухнула под грузом огромной внешней задолженности, нулевого роста и гиперинфляции. В этих условиях странам Латинской Америки было весьма сложно противостоять нажиму со стороны Вашингтона в пользу запуска рыночных реформ, получившего в середине 80-х годов воплощение в виде Плана Брэйдли (облегчение долгового бремени в обмен на рыночные реформы).

В свою очередь, латиноамериканские страны рассчитывали на то, что за счет проведения реформ и «открытия» своих экономик они смогут

оживить производство, получить более свободный доступ на мировые рынки и таким образом поправить свои дела.

Радикальным переменам в экономической политике способствовали и возобладавшие в латиноамериканских обществах настроения в пользу рыночных реформ, рассматривавшихся в тот момент в качестве едва ли не единственного средства выхода из тяжелого экономического положения. Эти настроения активно подогревали апологеты неолиберальной модели экономического развития. Они утверждали, что эта модель является более эффективной, нежели модель импортзамещающего развития, что рынок, освобожденный от жесткого контроля и опеки со стороны государства, сотворит «чудо» – обеспечит быстрый и стабильный экономический рост, заметный прирост общественного богатства. Это, в свою очередь, позволит якобы существенно ослабить остроту многочисленных социальных проблем, нерешенность которых в течение многих десятилетий была и остается головной болью для большинства стран Латинской Америки и Карибов.

Интенсивная пропагандистская кампания в пользу перехода к политике неолиберальных реформ и позволила на первых порах обеспечить достаточно широкую поддержку новому экономическому курсу со стороны некоторых слоев населения и местных политических элит. На волне этой поддержки в странах региона к власти пришли правительства, руководствовавшиеся в своей деятельности принципами свободной рыночной экономики.

В 90-е годы приверженность правящих кругов, да и определенной части общества стран Латинской Америки к рыночным реформам укрепили еще два обстоятельства, связанные с переменами в политике США в отношении региона. Во-первых, Вашингтон продемонстрировал возросшую готовность действовать на многосторонней основе в решении региональных проблем. Это породило надежды на то, что Вашингтон начнет учитывать потребности латиноамериканских стран в своей региональной политике и не станет «эксплуатировать» в своих корыстных целях их «экономическую уязвимость».

Во-вторых, прозвучавшие заявления о том, что Латинская Америка становится внешнеполитическим приоритетом Вашингтона (У.Клинтон даже объявил 1994 г. «годом Латинской Америки») во внешней политике США), что целью администрации является формирование новых партнёрских отношений с регионом (71).

В реализации рыночных реформ латиноамериканские страны руководствовались программой, получившей название «Вашингтонского

консенсуса». Эта программа, предложенная в 1989 г. сотрудником Института международной экономики Дж.Вильямсоном, вобрала в себя господствовавшие неолиберальные представления экономических «гуру» того времени и подходы международных финансовых организаций (прежде всего, МВФ) к оказанию помощи «проблемным» странам, встающим на путь реформ.

В частности, в целях скорейшего выхода из кризиса 80-х годов странам Латинской Америки были рекомендованы следующие мероприятия (курсивом обозначены добавления, внесённые Дж.Вильямсоном уже в ходе рыночных реформ): либерализация внешней торговли; снятие барьеров на пути притока иностранного капитала; либерализация финансовой сферы *при усилении государственного надзора за банковской системой*, упорядочение валютных курсов; широкая приватизация государственных предприятий *для создания конкурентоспособной рыночной экономики*, дерегулирование; законодательное закрепление прав собственности; налоговая реформа и соблюдение фискальной дисциплины; сокращение государственных расходов на содержание госаппарата, оборону и субсидирование предприятий; *обеспечение гибкости рынка рабочей силы; ориентация государственных расходов на хорошо управляемые социальные программы, в частности, развитие систем начального и среднего образования; введение поземельного налога, учитывающего состояние экологии* (5, с.52–53).

Правящие круги латиноамериканских стран сразу же приступили к исполнению выдвинутых предложений. Рыночные реформы носили обвальный, повсеместный (за исключением Кубы) характер. При этом довольно широко использовался метод «шоковой терапии» – форсированное проведение преобразований, невзирая на высокие социальные издержки. Ключевыми элементами реформ явились: открытие внутренних рынков; отказ от системы протекционизма и государственного регулирования ценообразования на местных рынках; снятие ограничений на доступ иностранного капитала в ряд отраслей, которые раньше относились к категории «стратегически важных для развития», зарезервированных за государственным и частным национальным капиталом (нефтяная промышленность, авиатранспорт, связь, телекоммуникации, банки).

Особенно большое значение в ходе реформ придавалось приватизации госпредприятий, многие из которых занимали монопольные позиции в «стратегически важных» отраслях национальной экономики. Предполагалось, что за счет приватизации национальные экономики избавятся

от груза «неэффективно» работающих предприятий, что, сменив владельцев, эти предприятия смогут принести обществу гораздо больше пользы. И надо сказать, что правительства латиноамериканских стран весьма преуспели в этой области. За период 1990–1997 гг. в регионе имели место 900 актов приватизации, выручка от которых превысила 100 млрд. долл. О масштабах приватизации красноречиво говорит тот факт, что по размаху деятельности в этой области Латинская Америка опередила все остальные регионы мира (26).

Все такого рода преобразования в их комплексной увязке были призваны создать мощный начальный стимул для привлечения в страны региона иностранного и, прежде всего, предпринимательского капитала, положить тем самым начало оживлению национальных экономик и их модернизации, оздоровлению государственных финансов и денежного обращения, укреплению банковских систем. В конечном счете предполагалось привести в действие формулу: «Чтобы выплачивать долги, необходимо развиваться».

Начальный кумулятивный эффект неолиберальных рыночных преобразований казался обнадеживающим для стран Латинской Америки. Он позволил многим из них взять успешный экономический старт в начале 90-х годов. Темпы роста латиноамериканских стран оказались рекордно высокими по сравнению с предыдущими годами, достигнув 5,2% в 1994 г. Вместе с тем странам региона удалось выбраться из водоворота бурной инфляции, стабилизировать государственные финансы и денежное обращение, укрепить курсы национальных денежных единиц по отношению к доллару и другим твердым валютам. Возникла иллюзия того, что новая модель открыла перед ними перспективу выхода на магистральный путь экономического подъема и благополучия.

Однако реальные события 90-х годов опровергли эту иллюзию. Ожидание стабильного экономического роста и скорого подъема благосостояния латиноамериканских наций далеко не во всем сбылось даже и в начале XXI в., несмотря на значительный приток финансовых ресурсов извне. Так, за период 1992–2001 гг. страны Латинской Америки получили 318 млрд. долл. в виде прямых инвестиций и 52 млрд. долл. за счет размещения облигационных займов (11, с. 16). Уже в середине 90-х годов, спустя всего лишь пять лет после начала «обвальных» преобразований, началась полоса финансово-экономических потрясений. В орбиту кризисов оказались втянутыми крупнейшие страны региона – Аргентина, Бразилия, Мексика и некоторые другие.

Словом, результаты неолиберальных реформ оказались весьма обескураживающими для их сторонников. Два десятилетия неолиберальных экономических преобразований породили экономический спад и социальную катастрофу на континенте. Совокупная внешняя задолженность достигла в начале 2002 г. почти 800 млрд. долл., на обслуживание которой уходила значительная часть бюджетов большинства латиноамериканских и карибских стран. По данным ЭКЛАК, в 2002 г. число бедняков в регионе (220 млн.) стало больше, чем в 2001 г., а в 2003 г. их станет еще больше (45).

Особенно чувствительный удар по репутации «чудодейственных» рецептов «Вашингтонского консенсуса» нанес кризис в Аргентине, стране, которую Вашингтон в 90-е годы преподносил в качестве образца проведения рыночных реформ. В начале 2002 г. годовой доход на душу населения в этой стране составил всего 3190 долл., сократившись более чем вдвое по сравнению с 1997 г. (8950 долл.) (82).

Однако американские монополии от рыночных реформ не пострадали. Программа реформ, реализованная даже в урезанном виде, сняла все ограничения на их деятельность практически во всех сферах экономики стран региона и позволила им проникнуть в стратегически важные отрасли хозяйства, прежде зарезервированные за государственным сектором (нефтяная и горнорудная промышленность, нефтехимия и металлургия, энергетика, кредитно – банковская сфера). На руку американским монополиям и банкам (как, впрочем, европейским и японским) стала и политика обвальной приватизации государственного сектора, открывшая возможность скупки государственных предприятий, включая банки и другие институты финансовой сферы.

Все это привело к увеличению прямых инвестиций монополий США в регионе. Некоторое представление о масштабах «освоения» американскими монополиями экономики латиноамериканских стран в конце 90-х годов дает приводимая ниже таблица (33).

Таблица 1

Прямые иностранные инвестиции в Латинской Америке за 1995–1997 гг. (нетто поступления, млн. долл.)

	Европа		США		Япония	
	1995–1997	%	1995–1997	%	1995–1997	%
Аргентина	5 700	17,7	3 825	8,9	103	4,4
Бразилия	10 420	32,3	17 311	40,2	1 815	76,8
Парагвай	31	0,1	62	0,1	0	0

Уругвай	500	1,5	93	0,2	0	0
<i>МЕРКОСУР</i>	16 651	51,6	21 291	49,5	1 917	81,2
<i>Чили</i>	3 195	9,9	3 199	7,4	50	2,1
Боливия	84	0,3	266	0,6	0	0
Венесуэла	3 211	9,9	2 092	4,9	193	8,2
Колумбия	3 036	9,4	587	1,4	8	0,3
Перу	717	2,2	1 530	3,6	0	0
Эквадор	208	0,6	386	0,9	0	0
<i>Андский пакт</i>	7 257	22,5	4 861	11,3	201	8,5
<i>Мексика</i>	4 611	14,3	11 629	27,0	194	8,2
Гватемала	- 51	-0,2	161	0,4	0	0
Гондурас	11	0	9	0	0	0
Коста-Рика	85	0,3	944	2,2	0	0
Никарагуа	4	0	47	0,1	0	0
Сальвадор	31	0,1	63	0,1	0	0
<i>Центральная Америка</i>	79	0,2	1 124	2,8	0	0
<i>Латинская Америка и Карибы</i>	32 285	100,0	43 015	100,0	2 362	100,0

Обильный приток частного капитала в Латинскую Америку свидетельствовал о возросших возможностях для извлечения прибылей за счёт эксплуатации ее природных и трудовых ресурсов. Действительно, уровень рентабельности прямых инвестиций компаний США в регионе, составлявший в первой половине 80-х годов 9,3% (к общему объему вложенного капитала), поднялся до 14,8% в 1993–1994 гг. при среднемировой рентабельности 12,4%. Наиболее существенный рост доходности прямых капиталовложений США наблюдался в Бразилии – с 5,9 до 25,6% в том же периоде, в Венесуэле – с 5,9 до 21,7% и в Мексике – с 5,5 до 14,8%. Что касается Чили, которая значительно раньше вступила на путь рыночных преобразований, то там тенденция оказалась иной: наивысший уровень доходности американских компаний –75,3% – пришелся на период 1983–1986 гг., но потом он резко понизился (11, с.37–38).

Одним из источников обогащения американских монополий была эксплуатация трудовых ресурсов латиноамериканских стран. Она выразилась, в частности, в сокращении издержек монополий на оплату труда.

Тенденция к снижению заработной платы дала о себе знать в большинстве латиноамериканских стран сразу же после начала неолиберальных реформ. О масштабах сокращения заработной платы некоторое представление можно получить из приводимой ниже таблицы, составленной на основе данных ЭКЛАК (33).

Таблица 2

Доли заработной платы в валовом внутреннем продукте некоторых стран Латинской Америки (рассчитано по рыночным ценам)

	1975	1979	1980	1985	1990	1995	1996	1997	1998
Мексика	38,1	35,7	36,0	28,7	30,9	31,1	28,9	29,6	30,7
Бразилия	32,5	34,2	34,7	38,4	44,8	38,3	38,5	36,9	36,5
Чили	38,9	42,7	38,1	35,6	33,8	35,4	37,7	38,0	–
Перу	37,3	35,8	29,7	27,4	26,7	22,9	–	–	–
Эквадор	29,7	30,7	31,9	20,9	13,6	15,1	15,3	–	–
Парагвай	34,3	34,4	34,6	31,0	24,3	32,6	32,5	31,6	31,4
Венесуэла	41,4	38,8	41,4	36,9	33,2	31,5	25,5	29,8	35,1

2.5. Панамериканская зона свободной торговли – новая «приманка» для южных соседей США

Немалые выгоды американским монополиям принесла и либерализация торговли в странах Латинской Америки, осуществленная в ходе неолиберальных реформ. Она позволила им значительно увеличить экспорт своих товаров и, тем самым, заметно укрепить свои торговые позиции в регионе. За период с 1990 по 2000 г. общий объем товарооборота США с Латинской Америкой вырос на 21,9% (с Азией – на 11,8%, с Западной Европой – на 8,9%, с Африкой – на 6,2% и на 12,5% в целом). Соответственно возросла и доля латиноамериканских стран во внешнеторговом обороте США: с 13,3% в 1990 г. до 18,8% в 2000 г. (68).

Следует заметить, что либерализация торговых отношений между США и Латинской Америкой в 90-е годы не могла, разумеется, ликвидировать свойственную этим отношениям асимметрию, сохранив, таким образом, в руках Вашингтона мощный рычаг экономического и политического давления на своих партнёров. Так, торговля с Латинской Амери-

кой, несмотря на её несомненную значимость для США, занимает сравнительно скромную долю во внешнеторговом обороте страны. В американском импорте она составляла в 2000 г. 17,2% (причем 65% импорта из латиноамериканских стран пришлось на Мексику), а в экспорте – 21,7%, что чуть больше 1/5 всего экспорта США. Так, в 2001 г. США экспортировали больше товаров в Канаду, чем в 32 страны латиноамериканского континента!

Несравненно большее значение торговля с США имеет для латиноамериканских стран. От состояния торговли с северным соседом в значительной мере зависит экономическое положение многих латиноамериканских стран. В особенности это относится к Мексике, странам Центральной Америки и Карибов, для которых США многие десятилетия остаются крупнейшим потребителем их экспорта. Так, в 2001 г. в таких странах, как Доминиканская Республика, Коста-Рика, Сальвадор и Эквадор поставки товаров в США обеспечили от 52 до 77% всех доходов от экспорта (67). Особенно крепко «привязана» к США Мексика – в 2001 г. на северного соседа пришлось 80% мексиканского экспорта (67). Этим, кстати сказать, и объясняется особая «покладистость» стран этих регионов, их готовность послушно следовать в фарватере политики Вашингтона по многим международным и региональным проблемам. И правящие круги США давно и небезуспешно пользуются этим.

В меньшей степени зависимость от торговли с США имеет место у стран Южной Америки, в особенности у наиболее крупных стран (Аргентины, Бразилии, Чили). Однако и они, несмотря на большую диверсификацию своих внешних связей, не могут пренебрегать столь важным сегментом внешнеэкономических связей.

Так или иначе, для всех стран Латинской Америки торговля с США имеет огромное значение, особенно если учесть ее немалые потенциальные возможности. Это, разумеется, не может не учитываться латиноамериканскими странами. Сказанное выше, а также действие ряда глобальных, региональных и национальных факторов, делает их более восприимчивыми к проектам укрепления экономических связей в регионе, которые выдвигаются Вашингтоном в целях еще большего укрепления своих экономических, и, стало быть, политических позиций и влияния в Западном полушарии.

Однако рынки некоторых стран региона, в частности, Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР), членами которого являются Аргентина, Бразилия, Уругвай и Парагвай, все еще остаются сравнитель-

но закрытыми для американских монополий. Ликвидация этих барьеров давно уже является одной из главных задач латиноамериканской политики Вашингтона.

Роль «тарана», призванного устранить последние барьеры, стоящие на пути американских товаров и частного капитала в Латинскую Америку, была отведена механизму свободной торговли. В середине 90-х годов этот механизм был конкретизирован Вашингтоном в проекте Пан-американской зоны свободной торговли (Free trade area of Americas, английский акроним этого названия ФТАА), реализации которого с тех пор настойчиво добивались все администрации США.

Мысль о создании зоны свободной торговли на Американском континенте сама по себе не является чем-то новым, она не раз в той или иной форме высказывалась в Вашингтоне, однако не находила отклика в Латинской Америке. И лишь в конце XX в. сложились достаточно благоприятные международные и региональные условия для ее реализации.

Правда, США длительное время и сами настороженно относились к формальному участию в региональных экономических объединениях, опасаясь, что это свяжет им руки в проведении торговой политики, нацеленной на сохранение лидирующих позиций в мировой экономике. Поэтому США с 1945 г. всегда выступали сторонниками многосторонних переговоров в деле либерализации торговли.

Однако в 80-е годы процесс интернационализации достиг такого размаха, что США стали опасаться своей растущей изолированности. В этой обстановке дала о себе знать новая тенденция – рост экономического веса региональных интеграционных группировок, которые стали претендовать на роль главных мировых субъектов. Это проявилось не только в углублении интеграции в Европе, в оформлении ЕС и его дальнейшем продвижении к хозяйственному единству, но и в активном процессе оформления новой интеграционной группировки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где США всегда стремились укреплять свои позиции и влияние.

Одновременно в Латинской Америке стали набирать силу новые интеграционные объединения, в частности МЕРКОСУР (Южноамериканский общий рынок). В результате США пересмотрели свою традиционную политику – полагаться только на многостороннюю либерализацию торговли – и пошли на переговоры о заключении двусторонних соглашений о свободной торговле.

Новая эра экономической интеграции на американском континенте стартовала заключением в 1988 г. и вступлением в силу в 1989 г. соглашения о свободной торговле между Канадой и США (КУСТА). Впрочем, это соглашение стало лишь актом констатации уже фактически существовавшей интеграции и шагом не столько к формализации акта, сколько к расчистке препятствий на пути ее дальнейшего развития.

Когда подписывалось соглашение о свободной торговле между США и Канадой, складывающуюся новую ситуацию быстро оценила Мексика. Она решила покончить с традиционным для нее изоляционизмом, стремлением уравновесить одностороннюю экономическую зависимость от США проведением независимых политических акций и усилий по диверсификации внешних связей. Руководство страны пришло к выводу о том, что успешное развитие экономики страны возможно лишь при адаптации к сложившимся реалиям, углублении экономического сотрудничества с северным соседом и извлечении из него максимальных выгод.

Руководствуясь этими и некоторыми другими соображениями, президент Мексики К.Салинас в 1990 г. предложил США заключить соглашение о свободной торговле, что стало отражением исторического сдвига в политике Мексики в сторону укрепления отношений со своим могущественным соседом. Президент Дж.Буш-старший принял предложение К.Салинаса, и в конечном счете Мексика вместе с Канадой и США, президентом которых стал У.Клинтон, 17 декабря 1993 г. подписали соглашение о создании Североамериканской зоны свободной торговли (акроним английского названия этого соглашения – НАФТА).

В США НАФТА рассматривалась как структура, выходящая по своему значению за рамки чисто торговых отношений и являющаяся краеугольным камнем для более широкой интеграции стран Западного полушария. В политическом плане предусматривалось создание «общества демократий Западного полушария». В торгово-экономическом плане Вашингтон рассчитывал на то, что НАФТА станет ядром интеграционного объединения, охватывающего весь континент.

Первой по времени попыткой практического воплощения этой идеи можно считать Инициативу для Америк (ИДА), обнародованную президентом Дж.Бушем-старшим в июне 1990 г. накануне своего визита в Латинскую Америку. ИДА предусматривала структурирование новых внутриконтинентальных отношений, основывающихся на экономической ассоциации, нацеленной на содействие частным капиталовложениям,

развитие торговли между странами континента и сокращение долгов латиноамериканских стран американскому правительству. В соответствии с этим ИДА предусматривала развитие отношений между США и латиноамериканскими странами по трем основным направлениям.

В сфере инвестиционных отношений администрация Дж.Буша-старшего предлагала содействие и помощь США в создании конкурентной экономики латиноамериканских стран посредством поддержки их экономических реформ. С этой целью предусматривалось создание фонда инвестиций в размере 19,5 млрд. долл., средства которого должны были распределяться между странами, осуществляющими рыночные реформы и приватизацию государственной собственности.

Что касается внешней задолженности, то предусматривалось сократить долги латиноамериканских стран правительству США, и использовать средства, идущие на погашение долгов, для финансирования программ по охране окружающей среды в соответствующих странах.

В сфере торговли в долгосрочном плане планировалось создать континентальную зону свободной торговли, а в кратко- и среднесрочном планах – постепенно либерализовать торговлю путем подписания между США и латиноамериканскими странами двусторонних рамочных соглашений о торговле и инвестициях. Однако последний компонент постепенно слабел, и, несмотря на всю риторику о партнерстве ради приближения новой эры процветания, реальные, хотя и скромные, результаты были достигнуты лишь в разработке плана по смягчению бремени внешней задолженности. В вопросах торговли и инвестиций всю энергию администрации США «абсорбировала» НАФТА.

Утверждение Конгрессом США договора о НАФТА и вступление его в силу породили большие надежды в Латинской Америке. Учитывая это, Вашингтон объявил о намерении созвать встречу руководителей стран американского континента, на которой намеревался и изложить свой план расширения рамок ИДА и НАФТА и внести на обсуждение вопрос о создании Панамериканской зоны свободной торговли.

Запланированная встреча в верхах состоялась в декабре 1994 г. в Майами (США). Накануне встречи администрация США распространила проект документа, в котором она изложила свои основные предложения. После бурных переговоров был принят компромиссный документ, который отражал точки зрения всех участников. Главным элементом этого документа было обязательство завершить не позднее 2005 г. переговоры о создании зоны свободной торговли в Америке. Это была декларация

намерений, которая получила одобрение большинства, но не всех лидеров американских стран. Одни, озабоченные облегчением доступа на рынки США, были удовлетворены потенциальным расширением рамок НАФТА, другие сомневались относительно возможности превращения ФТАА в реальность.

Однако наиболее важным результатом этой встречи следует, пожалуй, считать то, что впервые после декларирования таких амбиций был создан механизм ведения переговоров и реализации соглашения. В противоположность тому, что так часто случалось в прошлом, после завершения встречи не был утерян импульс: была обозначена цель, временные рамки и согласована процедура действий, обеспечивавшая движение вперед.

Основной документ, подписанный президентами в Майами, содержал Декларацию принципов и План действий. А уже спустя несколько месяцев состоялась первая встреча министров торговли. На ней были созданы 12 рабочих групп на уровне вице-министров для детального обсуждения основных проблем и подготовки базовой технической информации.

Следует отметить, что первоначально в качестве основной цели переговорного процесса намечалось создание зоны свободной торговли. Однако под нажимом США переговоры вышли за рамки традиционного в таких случаях устранения тарифных и нетарифных барьеров. В соответствии с видением проблемы администрацией США переговоры должны были включать также вопросы, касавшиеся торговли услугами, инвестиций, конкуренции, прав на интеллектуальную собственность, государственной поддержки.

Ещё одной новацией встречи в верхах явилось создание трехсторонней комиссии из представителей ОАГ, Межамериканского банка развития (МАБР) и ЭКЛАК. Замысел состоял в том, чтобы использовать ресурсы и опыт технической экспертизы, накопленный МАБР и ЭКЛАК, а также восстановить роль ОАГ в межамериканских отношениях.

Таким образом, страны Латинской Америки положительно восприняли идею создания ФТАА, более того, они приняли активное участие в реализации инициативы Вашингтона. Это и понятно – в создании ФТАА объективно заинтересованы все латиноамериканские страны, так как режим свободной торговли предоставил бы латиноамериканским странам неплохие (хотя и связанные с определенными рисками) возможности для ускорения экономического развития.

Какие выгоды могли бы извлечь для себя страны Латинской Америки в результате введения в Западном полушарии режима свободной торговли?

Во-первых, латиноамериканские страны получили бы более свободный доступ на рынок США и смогли бы надеяться на приток американских инвестиций в свою экономику.

Во-вторых, это соглашение могло бы помочь ограничить возможности США использовать региональные различия для манипулирования торговыми и инвестиционными потоками.

В-третьих, соглашение могло бы нейтрализовать недостатки разветвлённой системы автономных соглашений о свободной торговле, функционирующей в регионе.

В-четвертых, заключение соглашения могло бы создать некоторую гарантию того, что Латинская Америка не станет «забытым задним двором» Вашингтона.

В-пятых, соглашение о ФТАА могло бы углубить привязку американской экономики к рынкам Латинской Америки и привести к возникновению определенной взаимозависимости. Это обстоятельство могло бы обеспечить долгосрочное внимание Вашингтона к региональным экономическим проблемам и дать в руки латиноамериканских стран определенные рычаги давления на США (69).

Однако наряду с перечисленными выше потенциальными выгодами имеются и определенные риски, степень которых для каждой из латиноамериканских стран варьируется в зависимости от масштабов экономических связей с США и уровня промышленного развития. Эти факторы и определили позицию стран Латинской Америки в отношении выдвинутого Вашингтоном проекта ФТАА.

Наиболее активными сторонниками свободной торговли с США являются Мексика и страны Карибского бассейна. Мексика была первой страной, которая заключила такого рода соглашение с США, а центральноамериканские и карибские страны еще с 1983 г. стали пользоваться привилегированным доступом на рынки США в рамках Карибской инициативы. Более того, страны Центральной Америки в 2003 г. подписали соглашение о свободной торговле с США. Интерес этих стран к формализации торговых отношений с США является прямым отражением их географической близости к северному соседу и высокой степени интеграции большинства из них в его экономику.

Для этой группы стран американский рынок всегда имел первостепенное значение. Мексика исторически направляла 75% своего экспорта в США, а после подписания договора о НАФТА американский рынок поглощает уже около 90% мексиканского экспорта, стоимость которого составляет около четверти мексиканского ВВП (69). Около 40% своего экспорта направляют в США страны Центральной Америки и Карибов, хотя страновые показатели варьируются в значительных пределах. В Доминиканской Республике этот показатель составляет 87% (22% ВВП), в Гондурасе – 70% (51% ВВП). Только в Сальвадоре этот показатель составляет всего 19% (1,6% ВВП) (71).

Если учесть, что США являются для Мексики и стран Карибского бассейна основным источником прямых инвестиций и денежных переводов работающих в США граждан этих стран, то вырисовывается картина глубокой экономической зависимости этих стран от США. Она сохранится вне зависимости от того, будет подписано соглашение о свободной торговле или нет. Для этой группы стран формализация уже существующих отношений может принести лишь дополнительные экономические выгоды, а издержки окажутся незначительными. Более того, углубление экономических связей с США может привести скорее к росту взаимозависимости, нежели к усилению зависимости от северного соседа.

К числу наиболее активных сторонников соглашения о ФТАА принадлежит и Чили, которая в 2003 г. уже подписала с США двустороннее соглашение о свободной торговле.

Более сдержанную и осторожную, по сравнению с перечисленными выше странами, позицию занимают государства, входящие в Андское сообщество. Страны этого региона менее зависимы от экономических связей с США, чем Мексика и страны Карибского бассейна. Экспорт андских стран в среднем составляет лишь 20% их ВВП. Все же доля экспорта, направляемого в США, достаточно велика и достигает 40% (12% ВВП) (71). Темпы роста торговли с США у этой группы стран ниже, чем у других стран Латинской Америки. Поэтому, исторически они менее восприимчивы к американскому вмешательству, чем их северные соседи. Это и объясняет их двойственную, нечеткую позицию по отношению к ФТАА.

Тем не менее обобщающая характеристика позиции андских стран была бы рискованной. Так, важность нефтяного экспорта для венесуэльской экономики контрастирует с относительной закрытостью экономики для импорта товаров (экспорт Венесуэлы составляет 40% ВВП, а импорт

всего 14%, для сравнения: у Бразилии импорт составляет 12% и у Мексики – 24%) (71). И хотя Венесуэла расположена в зоне влияния США (в Карибском бассейне), она никогда не была целью североамериканских интервенций. Хотя по этим характеристикам Венесуэла должна была бы занимать двойственную позицию в отношении ФТАА, при президенте Уго Чавесе Венесуэла на переговорах по ФТАА является твердым союзником Бразилии.

Что касается Колумбии, то эта страна в исторической ретроспективе имела ограниченные прямые политические и экономические контакты с США (за исключением событий 1904 г., связанных с «панамским эпизодом»). Однако в последние десятилетия взаимодействие с США усилилось, главным образом в рамках «войны против наркотиков». Колумбия является крупнейшим (за пределами Ближнего Востока) получателем американской военной помощи и пользуется умеренными торговыми льготами на рынках США в соответствии с Законом о торговых преференциях андским странам. Экспорт Колумбии в США сравнительно невелик и составляет всего 12% национального ВВП (71). Этот смешанный политико-экономический характер отношений с США определил и двойственную позицию Колумбии по ФТАА. Так, Колумбия, являясь одним из первых сторонников ФТАА, высказывала серьезные оговорки и выступала за то, чтобы не торопить процесс переговоров.

Более четко просматривается позиция Эквадора, которая определяется чувствительными для экономики страны связями с США. Страна экспортирует 55% своей продукции, половина которой поступает на рынки США. Переводы эквадорских граждан, работающих в США, составляют 10% ВВП страны (71). Эти экономические показатели не оставляют сомнения в том, что правительство Эквадора является сторонником формализации своих торговых отношений с США. Однако политике правительства в этом вопросе активно противодействовала оппозиция в лице сильных националистических и антирыночных движений, которые стали серьезным препятствием для сторонников ФТАА.

Однако у проекта ФТАА имелись если и не противники, то серьезные оппоненты в лице Бразилии и Венесуэлы (если не считать Кубы, которая полностью исключена из процесса переговоров). Позиция Бразилии определяется диверсифицированным характером ее экономических отношений, структурой промышленности и географической удаленностью ее промышленных центров от США. Важную роль играет и политический фактор – самоидентификация Бразилии с имиджем средней держа-

вы, которая может и должна играть важную роль в международных делах и доминирующую роль в делах Южной Америки. Иными словами, собственные экономические и политические интересы Бразилии естественным образом ограничивают ее энтузиазм в отношении какого бы то ни было проекта ФТАА, укрепляющего гегемонию США в Латинской Америке или усиливающего экономическую зависимость страны от США.

Оппозиция Бразилии американскому проекту имеет под собой достаточно надежную материальную базу. Страна не зависит в столь значительной степени от торговли вообще, как это имеет место у большинства других латиноамериканских государств, и от торговли с США в частности. Доля торговли в формировании ВВП составляет всего 25% (у Мексики – около 50%), а экономика Бразилии, по мнению некоторых исследователей, является одной из самых самодостаточных на американском континенте (71). Несмотря на значительную либерализацию торговли в 90-е годы, промышленный сектор Бразилии остаётся одним из наиболее защищенных благодаря внешнему тарифу, действующему в пределах стран-членов МЕРКОСУР. США поглощают менее 5% бразильской продукции (71). И хотя Бразилии приходится импортировать значительное количество основных средств производства, закупки их равномерно распределены между европейскими и североамериканскими производителями.

Правящие круги Бразилии резонно считают, что есть большая разница между производством «компьютерных чипсов» и «картофельных чипсов». Развитое промышленное производство создает товары с высокой добавленной стоимостью и передовую технологию, которая является основой для строительства сильной и современной экономики. В свою очередь, экономическая мощь является важнейшей предпосылкой для эффективного проецирования национальной мощи, и следовательно, способности Бразилии исполнять роль средней державы в международной системе и лидера Южной Америки. По этим соображениям Бразилия не проявляет желаний рисковать «здоровьем» своей национальной промышленности, слепо веря в эффективность механизма свободной торговли, в особенности в том случае, когда придется иметь дело с индустриальной мощью США.

Отсюда проистекает вполне объяснимое стремление Бразилии расширить рамки МЕРКОСУР и сформировать Южноамериканскую зону свободной торговли, в которой доминировала бы бразильская экономика. Бразилия предпочла бы свободно торговать в Южной Америке, свобод-

ной от влияния США, нежели в рамках континентального торгового соглашения. В этом случае торговля стимулировала бы развитие бразильской промышленности, а углублявшаяся экономическая интеграция укрепляла бы влияние Бразилии в регионе.

Несмотря на это Бразилия решила принять участие в переговорах по ФТАА, хотя и несколько позже, чем большинство латиноамериканских стран. Это решение было результатом политико-экономического расчета, обусловленного стремлением Бразилии защитить свои интересы. Хотя Бразилия предпочла бы вообще обойтись без ФТАА, однако, когда Аргентина и Уругвай, члены МЕРКОСУР, проявили интерес к соглашению о свободной торговле с США, руководство страны было вынуждено присоединиться к переговорам. Участие в переговорах рассматривалось в качестве оборонительного манёвра, целью которого было предотвратить развал МЕРКОСУР и крах надежд на достижение желательного для Бразилии результата – формирования Южноамериканской зоны свободной торговли (САФТА).

Стратегия Бразилии в ходе переговоров о ФТАА характеризовалась стремлением выработать общую позицию стран–членов МЕРКОСУР и, по возможности, привлечь на свою сторону и другие латиноамериканские страны. При таком развороте событий Бразилия повысила бы свою «переговорную мощь» и закрепила бы за ней роль лидера Южной Америки на переговорах. В случае провала переговоров по ФТАА Бразилия получила бы возможность использовать своё лидерство для формирования САФТА.

В чем состояли требования Бразилии на переговорах, выполнение которых она ставила условием подписания договора о ФТАА? В обмен на открытие бразильского рынка для американских монополий Бразилия потребовала от правительства США серьезных уступок, которые помогли бы бразильской экономике в какой-то мере на равных конкурировать с мощной американской экономикой. В частности, Бразилия потребовала, чтобы США резко ограничились практикой использования антидемпинговых пошлин и компенсационных тарифов, значительного сокращения субсидирования американского сельского хозяйства, а также постепенного сокращения тарифов на промышленные товары, чтобы дать время бразильской промышленности адаптироваться к новым условиям конкурентной борьбы.

Такая стратегия переговоров преследовала несколько целей. Одна из них состояла в том, чтобы любой вариант ФТАА обеспечивал усиле-

ние американско-бразильской экономической взаимозависимости, а не одностороннюю зависимость Бразилии от США (71).

Таков был расклад сил на переговорах по ФТАА, длившихся десять лет с того дня, как было принято решение создать на американском континенте зону свободной торговли. Ближится намеченный руководителями стран Западного полушария срок, когда переговоры должны быть завершены и соглашение о ФТАА должно вступить в силу. Удастся ли завершить к намеченному сроку этот «суперпроект»? Насколько велика вероятность того, что США удастся урегулировать разногласия с наиболее мощной экономической державой Южной Америки, Бразилией? Может ли измениться позиция стран Латинской Америки по этому вопросу в оставшееся время?

Пытаясь ответить на эти вопросы, не следует забывать о том, что страны континента сумели сохранить приверженность поставленной цели. Эта приверженность была подтверждена на конференциях глав государств в Сантьяго (Чили, 1998) и Квебеке (Канада, 2001). За это же время состоялось восемь совещаний министров торговли стран-участниц, на которых была возложена обязанность вести переговоры и подготовить проект соглашения. Последняя встреча проходила в Майами в ноябре 2003 г., во время которой министры подтвердили намерение не позднее января 2005 г. завершить переговоры по созданию ФТАА. Они выразили убеждение, что «всеобъемлющая и сбалансированная ФТАА будет максимально эффективно способствовать экономическому росту, сокращению бедности, развитию и интеграции через либерализацию свободной торговли». Вместе с тем министры подчеркнули, что необходимо принимать во внимание потребности и «чувствительность» участников ФТАА, учитывать разницу в уровнях развития и масштабы экономик, задействовав с этой целью различные подходы и механизмы (14).

Решения министерского совещания в январе 2004 г. были подтверждены на Чрезвычайной встрече глав государств и правительств стран Западного полушария в мексиканском городе Монтеррее. В «Декларации Нуево Леон», принятой по завершению встречи, руководители государств с удовлетворением отметили успехи, достигнутые в строительстве ФТАА. Они одобрили соглашение, достигнутое на совещании в Майами, относительно структуры переговоров по созданию ФТАА и сроков их завершения. Главы государств также выразили уверенность в том, что свободная торговля будет эффективно содействовать экономи-

ческому росту, сокращению бедности, развитию и интеграции, а также достижению более широких целей, намеченных встречей в верхах (28).

Казалось, что успешное завершение длительного и трудного процесса строительства континентальной зоны свободной торговли в Западном полушарии дело решенное и не вызывает сомнения.

Однако многие политики, экономисты, представители общественных и научных кругов выразили опасения по поводу того, удастся ли успешно реализовать задуманное в намеченный срок. Основанием для скептицизма послужило широкое и активное сопротивление этому «суперпроекту» со стороны самых разных слоёв населения практически во всех странах Западного полушария, в том числе и в США. По данным, приводимым известным американским исследователем Дж.Петрасом, против «нового колониализма», навязываемого Вашингтоном в форме ФТАА, в Латинской Америке выступает почти 80% населения (в Бразилии даже 95%). В случае проведения референдума по вопросу о ФТАА неминуемо, считает Дж.Петрас, поражение его сторонников (65). Активность этого континентального «контрдвижения» подогревается прогнозами противников ФТАА, предупреждающих о серьезных негативных последствиях, грозящих латиноамериканским странам в случае вступления в силу этого договора.

В качестве аргумента приводятся результаты десятилетнего функционирования НАФТА, которые, по убеждению противников ФТАА, красноречиво говорят о том, что может ожидать латиноамериканцев в случае введения режима свободной торговли.

Накануне совещания министров торговли в Майами Центром по исследованию континентальных ресурсов был опубликован материал под весьма интригующим названием «Семь мифов о НАФТА и три урока для Латинской Америки». В материале, подготовленном мексиканскими исследователями, утверждается, что надежды на экономический рост и развитие, рост благосостояния мексиканского населения, связывавшиеся с вступлением Мексики в НАФТА, не оправдались. Темпы роста ВВП Мексики с 1983 г. остаются низкими; торговый баланс характеризуется постоянным дефицитом; иностранные капиталовложения носят краткосрочный характер и не трансформируются в производительные проекты; не решена проблема создания рабочих мест для 9,3 млн. мексиканцев, вступивших на рынок труда в 1994–2003 гг. (создано всего 3 млн. рабочих мест); продолжает ухудшаться система распределения доходов (70% населения страны имеют доходы ниже прожиточного минимума) – таков

весьма неутешительный итог, приходят к выводу мексиканские исследователи, десятилетнего пребывания Мексики в Североамериканской зоне свободной торговли (55).

«Опустошительный» характер десятилетнего пребывания Мексики в рамках договора о НАФТА отмечают и многие другие политики, исследователи и обозреватели.

Обращается, в частности, внимание на тенденцию к ограничению прав мексиканских трудящихся. Попытки рабочих организовать независимые профсоюзы заканчивались увольнениями, закрытием предприятий и применением насилия. В тех редких случаях, когда это удалось сделать, борьба трудящихся за свои права встречала упорное сопротивление властей и предпринимателей, хотя мексиканская конституция и федеральное трудовое законодательство гарантируют право на забастовку. Между тем, констатирует один из обозревателей, за десять лет существования НАФТА ни один из уволенных рабочих не был восстановлен в своих правах, и ни один из независимых профсоюзов не добился своей легализации (15).

Основываясь на «достижениях» НАФТА, исследователи приходят к выводу о том, что столь же «эффективным» в социально-экономическом отношении окажется для стран Латинской Америки и ФТАА. «ФТАА, подчеркивают мексиканские исследователи, ускорит потерю суверенного контроля латиноамериканских стран над критически важными политическими инструментами формирования какой-либо стратегии развития. Это произойдет как раз в тот момент, когда латиноамериканские экономики нуждаются в адаптации после шока, вызванного полной либерализацией торговли. Характер регулирования инвестиций, предусматриваемый договором о ФТАА, имеет особенно опасный характер, поскольку оно запрещает использование инструментов государственной промышленной политики. Гарантируя равное обращение с американскими компаниями и открывая двери потоку импорта, ФТАА будет способствовать дальнейшему разрушению и так уже ослабленных местных производственных структур. По этой и другим причинам, очевидно, что ФТАА станет серьезным препятствием на пути социального и экономического развития Латинской Америки» (52).

Исследователи обращают внимание и на политические аспекты проталкиваемого Вашингтоном плана либерализации торговли в Западном полушарии. По мнению латиноамериканского исследователя Э.Родригеса, коммерческие соображения не являются подлинной причи-

ной, побудившей Вашингтон выступить с инициативой создания ФТАА, поскольку большая часть латиноамериканского торгового оборота США приходится на Мексику. Исследователь убежден, что в основе американской инициативы лежат политические соображения. Э.Родригес считает, что путем реализации своего проекта Вашингтон «естественным образом» возьмет на себя функции руководства в Западном полушарии, «используя ФТАА в качестве дисциплинирующего инструмента в отношении Латинской Америки, чтобы гарантировать хорошее поведение государств субконтинента за счет “демонстрации пряника”» (65). Чтобы добиться этого, развивает свою мысль исследователь, США «должны исключить образование какого бы то ни было союза между латиноамериканскими нациями, который мог бы поставить под угрозу господство США в Западном полушарии, и не допустить того, чтобы какая-либо латиноамериканская нация усилилась настолько, чтобы создать такой союз». Именно поэтому, заключает Э. Родригес, Вашингтон рассматривает в качестве главной угрозы для своего плана «поглощения» региона южноамериканскую группировку МЕРКОСУР, располагающую прочными связями с Европой, и Бразилию, возглавляющую оппозицию модели ФТАА по американским правилам (65).

Наиболее радикально настроенные круги в латиноамериканских странах называют ФТАА не иначе как «изошренным неокOLONиализмом», или же «инструментом эксплуатации» в интересах США, усматривая в американском замысле создания всеобъемлющей зоны свободной торговли далеко идущие экономические и политические цели Вашингтона в латиноамериканском регионе. Согласно их взглядам ФТАА «не только призвана быть торговым соглашением, но нацелена играть роль политического пакта, с помощью которого страны региона лишаются остатков суверенитета. Им будет навязана долларизация и демонтированы остающиеся барьеры, ограждающие от разграбления их природные и человеческие ресурсы и защищающие независимый технологический потенциал, который, например, все еще имеет Бразилия» (8, с. 172). Учитывая это, страны, которых беспокоит возможность такого развития событий, стремятся выторговать наиболее благоприятные условия вхождения в ФТАА. Причем они стремятся сделать это не на основе двусторонних переговоров с США, что первоначально и предусматривалось Вашингтоном, поскольку такой метод формирования ФТАА облегчил бы навязывание северным соседом своих условий партнерам по переговорам. Они, в первую очередь имеются в виду руководители Аргентины,

Бразилии и Венесуэлы, хотели бы вести переговоры на коллективной основе, что, безусловно, повысило бы их «переговорную мощь».

Этими соображениями и объясняется осторожная позиция этих стран в определении точной даты завершения переговорного процесса и вступления в силу договора об ФТАА. На встрече в верхах в Монтеррее было сказано, что нет необходимости устанавливать точную дату для подписания соглашения, что 2005 г. – это всего лишь цель, которая, может быть, и не будет достигнута. «Какое-нибудь соглашение относительно введения режима свободной торговли в Америке, заявил президент Аргентины Н. Киршнер, может оказаться и не обязательно хорошим. Потенциальное соглашение должно признавать наше разнообразие и принести взаимные выгоды. Соглашение не может быть результатом давления» (78).

Не сдаются и сторонники ФТАА. В первую очередь, речь идет, разумеется, о США, которые мобилизовали все ресурсы, чтобы убедить, ссылаясь на опыт НАФТА, сомневающихся в очевидной выгодности для всех стран Америки скорейшего «запуска» ФТАА. При этом, конечно же, категорически опровергается всякого рода негативная информация о результатах деятельности НАФТА и утверждается, что договор о НАФТА принес немалые выгоды всем трем участвующим в нем странам, в том числе и Мексике. Отсюда делается вывод о том, что столь же позитивные результаты следует ожидать и от введения в действие договора о ФТАА (54).

Как будут развиваться события в период, оставшийся до окончания зафиксированного в многочисленных документах срока, то есть до 1 января 2005 г., сказать трудно. Это будет зависеть, в частности, и от того, сумеют ли договориться (если вообще сумеют сделать это) между собой страны, недовольные ходом переговорного процесса, и настоять на его корректировке.

Многое будет зависеть и от позиции США. С одной стороны, Вашингтон мог бы проявить некоторую гибкость на переговорах и пойти на определенные уступки, чтобы завершить в срок начатое десять лет назад столь амбициозное предприятие. Правда, в этом случае администрации Дж.Буша пришлось бы считаться с сопротивлением влиятельных деловых кругов, которые не намерены идти на односторонние уступки.

Однако складывается впечатление, что Вашингтон рассчитывает все-таки «дожать» упорствующие страны, и, как говорится, не мытьем так катаньем вынудить их присоединиться к существующему проекту

договора об ФТАА. Работа в этом направлении уже ведется. Суть этого своего рода «силового» варианта состоит в том, что Вашингтон не только «проталкивает» существующий проект договора, в соответствии с которым континентальная зона свободной торговли будет образована одно-моментно, то есть сразу же после подписания договора всеми странами американского континента. Параллельно Вашингтон ведёт работу по реализации «запасного» варианта, целью которого является оформление субрегиональных и двусторонних соглашений о свободной торговле. Такие соглашения уже подписаны со странами Центральной Америки и Чили (декабрь 2003 г.). Продолжаются переговоры о подписании договора и со странами-членами Андского пакта.

Действуя в этом направлении, Вашингтон преследует две цели. Первая состоит в том, чтобы за счет такого подхода создать работающую зону свободной торговли на большей части континента. Вторая – оказать давление на упорствующих партнёров по переговорам, ставя их перед дилеммой: либо подписать договор, либо оказаться под угрозой исключения из потенциальной зоны открытых рынков.

Таким образом, формирование единой интеграционной группировки в Западном полушарии, видимо, неизбежно, но точные сроки завершения этого процесса остаются пока неясными. Как полагает российский исследователь А.Н.Глинкин, «весьма велика вероятность того, что завершения переговоров к намеченному сроку (2005) не будет означать начала автоматического функционирования ФТАА. Представляется вероятным постепенное вступление в силу отдельных инструментов многостороннего сотрудничества, тогда как завершение создания зоны свободной торговли в масштабе двух Америк может произойти далеко за пределами 2005 г. События последнего времени показали, что большинство латиноамериканских участников переговорного процесса по ФТАА отдают предпочтение бразильскому подходу к формированию такого объединения как «союз союзов», который в большей степени соответствует реалиям американского континента и учитывает гетерогенность находящихся в нем государств. При таком сценарии создания ФТАА существующие в Западном полушарии субрегиональные группировки не растворяются в новом объединении, а сохраняют свою институциональную самостоятельность. Для «союза союзов» характерен гибкий механизм функционирования ФТАА, отсутствие жесткой регламентации и тем более наднациональных органов, сохранение за отдельными участниками и

субрегиональными группировками свободы маневра и возможности самостоятельных выступлений на международной арене» (8, с. 197–198).

Если предположить, что возобладает бразильский подход к реализации проекта ФТАА, обеспечивающий сохранение МЕРКОСУР и других ныне существующих субрегиональных интеграционных объединений, то в этом случае США придется довольствоваться усечённым, «запасным» вариантом создания Панамериканской зоны свободной торговли с ограниченным кругом латиноамериканских стран–участников нового объединения. Другие же (Бразилия в частности) будут придерживаться выжидательной позиции и решать вопрос о целесообразности вхождения во ФТАА в зависимости от конкретных результатов её деятельности, от эффекта воздействия на национальные экономики стран, польстившихся на посулы инициаторов создания гигантской зоны свободной торговли от Аляски до Огненной земли.

2.6. Последствия расчистки: Новая волна экономической экспансии

Некоторые исследователи высказали мнение о том, что США могли бы обойтись и без зоны свободной торговли в Западном полушарии. Большой интерес и значение для Вашингтона, считают они, представляют китайский рынок, нефть Средней Азии, сохранение контроля над Европой, хотя это и не влечет за собой ослабление внимания к своему «заднему двору» (26). Вся затея с ФТАА, приходят к выводу исследователи, преследовала цель не допустить сближения стран Латинской Америки с европейскими конкурентами США, которые на рубеже столетий предприняли энергичные усилия для того, чтобы расширить свои позиции в этом районе мира.

Действительно, модель открытой рыночной экономики, утвердившаяся в Латинской Америке в 90-е годы, стимулировала и некоторые малоприятные для американского бизнеса процессы. В регион хлынули, привлекаемые богатыми природными и трудовыми ресурсами региона, облегченным доступом к ним и некоторыми другими преимуществами, обусловленными рыночными преобразованиями на континенте, глобальные компании из западноевропейских стран и Японии. Североамериканскому промышленному гиганту, занявшему в годы Второй мировой войны доминирующие позиции в экономике стран Латинской Америки, при-

ходится вновь сталкиваться с проблемой нарастающего конкурентного давления со стороны других центров силы.

Самое общее представление о том, как развивается конкурентная борьба между ведущими транснациональными корпорациями (ТНК) той и другой стороны на рыночном пространстве латиноамериканского региона при его нынешней открытости, дают следующие данные. Инвестиции американских компаний в Латинской Америке в 1990 г. (в канун массового перехода латиноамериканских стран к модели рыночной экономики) примерно вдвое превышали западноевропейские (10 млрд. долл. против 5 млрд.). Но уже в 1997 г. объемы таких капиталовложений практически сравнялись (по 20 млрд. долл. с той и другой стороны). В дальнейшем же прилив инвестиций западноевропейских ТНК в экономику стран Латинской Америки стал превышать аналогичный показатель по американским ТНК. Причем пик разрыва в объемах инвестиций пришёлся на 1999 г., когда ТНК стран Западной Европы инвестировали в этом регионе примерно 50 млрд. долл., американские же инвестиции остались на прежнем уровне – около 20 млрд. долл. Значительно возросли потоки инвестиций из Великобритании, Нидерландов, Франции, Германии, Италии, Португалии. Самой же разительной переменной стало выдвигание Испании на роль второго после США крупнейшего вкладчика в экономику латиноамериканских стран и первого – в Западной Европе (23, с.189–190). В основном капиталы ТНК этих государств использовались для скупки активов действующих национальных предприятий как государственного, так и частного секторов, оказавшихся в стеснительных финансовых условиях (чаще всего неспособных выплачивать образовавшиеся у них долги).

Вот как развертывался новый, современный этап «экономической оккупации» стран Латинской Америки транснациональным капиталом США и других ведущих государств мира. С 1990 г. по 1999 г. среди 500 крупнейших компаний региона число иностранных филиалов выросло со 149 до 230, их доля в совокупном объеме продаж поднялась с 27 до 43%, а в экспорте – с 30 до 45%.

Еще более существенные перемены произошли в обрабатывающей промышленности, где в числе 100 крупнейших компаний число иностранных выросло с 48 до 59 (63% объёма продаж). По некоторым расчетам, в 1995 г. в Аргентине и Бразилии до 92% продаж в автомобильной промышленности, 59% – в фармацевтической, 56% – в производстве бы-

товой техники, 44% в производстве напитков и табачных изделий осуществлялись при участии иностранных компаний (3, с. 125).

Рост открытости внешнего сектора экономики и внутренних рынков латиноамериканских стран неизбежно усиливал конкуренцию за контроль над ними, побуждая ТНК действовать агрессивно, наступательно в отношении частно-национальных компаний, принимавших участие в разделе активов государственного сектора. Примером тому может служить мексиканская компания связи «Телефонос де Мехико». Контрольный пакет ее акций первоначально достался национальной группе «Карсо». В дальнейшем, однако, ее потеснили более мощные иностранные инвесторы. Такая же метаморфоза произошла с коммерческими банками Мексики и большинством энергетических компаний Чили.

Латиноамериканские эксперты полагают, что действующие в регионе ТНК руководствуются следующими задачами и целями.

Во-первых, по-прежнему стремятся завладеть сырьевыми ресурсами латиноамериканских стран (нефтегазовая промышленность Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Колумбии, Тринидада и Тобаго, Эквадора. Горнодобывающая – Аргентины, Боливии, Перу, Чили). Так, острая конкурентная борьба за «черное золото» латиноамериканских стран разворачивается между американскими нефтяными гигантами «Репсол», «Эксон», «Мобил Корпорейшн» и западноевропейскими компаниями во главе с «Ройял-Датч Шелл». Здесь перевес сил традиционно остаётся на стороне американского нефтяного бизнеса.

Во-вторых, не менее острая борьба ведется за раздел национальных и региональных рынков наиболее «ходовой» и прибыльной продукции, как, например, автомобильный рынок южноамериканского интеграционного объединения МЕРКОСУР. Здесь соперниками американских компаний «Форд», «Дженерал моторс», «Крайслер» небезуспешно выступают как известные западноевропейские фирмы («Фольксваген», «Рено», «Фиат» и другие), так и японские («Тойота», «Хонда»). Привлекательным объектом приложения сил «компаний-глобалистов» стала электроэнергетика Латинской Америки, ранее считавшаяся одной из стратегически важных отраслей хозяйства и потому зарытая для иностранного капитала. Теперь же и здесь «бал правят» ТНК. Примером агрессивной политики по завоеванию этой сферы является деятельность американской энергетической компании «АЕС Корпорейшн», основанной сравнительно недавно (1982). За счет проведения смешанной политики – активной скупки акций венесуэльской «Электрисидад де Каракас де Венесуэла»,

бразильской «Электропауло», чилийского конгломерата «Генер» и других приватизируемых предприятий при одновременном осуществлении инвестиций в сооружение новых электростанций в Аргентине, Бразилии, Доминиканской Республике, Панаме – корпорации удалось значительно расширить свои позиции на энергетическом рынке региона. Она поставила под свой контроль 52 бразильских предприятия, еще 35 электростанций в девяти других латиноамериканских странах с совокупной мощностью около 17 мВт, снабжающих электроэнергией почти 16 млн. клиентов (3, с.159).

Трудно назвать сегодня хотя бы одну отрасль хозяйства Латинской Америки, которая не подверглась бы угрозе полной «экономической оккупации» со стороны ведущих ТНК мира, действующих ныне в рамках так называемых «международных систем интегрированного производства», и в которых бы при этом не разворачивалась острая конкурентная борьба за природные ресурсы стран этого региона, за доминирующие позиции в производстве той или иной продукции и за рынки ее реализации как внутри этих стран, так и за их пределами. Помимо упомянутых отраслей, – это электроника и телекоммуникации, агробизнес, пищевкусовая промышленность и производство напитков, это, наконец, и кредитно-банковская система латиноамериканских стран.

В этой последней главным конкурентом американских транснациональных банков (ТНБ), таких как «Ситибэнк», «Бэнк оф Бостон», «Фэрст бэнк», являются напористо действующие ТНБ Испании, среди которых выделяется прежде всего так называемая «большая тройка» в лице «Банко Сантандер», «Банко Бильбао Бискайя» и «Банко сентраль испаноамерикано». Они представляют группу зарубежных инвесторов, которые в отличие от ТНБ США и Канады, практически, лишь в 90-е годы приступили к широкому освоению латиноамериканского рынка ссудного капитала. Крупные инвестиции в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Колумбии, Мексике, Перу, Чили позволили им на протяжении последних десяти лет из аутсайдеров выйти на лидирующие позиции среди действующих в регионе иностранных кредитных учреждений, потеснив при этом занимавшие традиционно главенствующее положение американские банки. Все это явилось причиной возрастающей озабоченности правящих кругов США относительно их экономических интересов в латиноамериканском регионе.

Однако, по мнению некоторых исследователей, говорить о серьезной конкуренции интересам и позициям США в регионе, несмотря на

заметные успехи западноевропейских и японских монополий в «освоении» латиноамериканского континента, значит выдавать желаемое за действительное. Немецкий исследователь В. Фрайер считает, что факты говорят как раз о расширении влияния США в Латинской Америке. США по-прежнему остаются крупнейшим инвестором и торговым партнером Латинской Америки. В свою очередь, южные соседи США становятся все более крупным потребителем американских товаров, чем страны ЕС. В. Фрайер обращает внимание на тот факт, что торговая стратегия США привела к значительному росту торговли в рамках Западного полушария: на внутриконтинентальную торговлю приходится почти две трети внешнеторгового оборота 35 стран континента (включая США) (34).

Раздел 3

Панамериканизм в условиях однополярного мира

3.1. Упущенные возможности

Завершение «холодной войны» кардинально изменило международную обстановку. Эти перемены самым непосредственным образом затронули и политику США в Западном полушарии. Отказ Вашингтона от антикоммунизма, как основополагающего принципа внешней политики, которым оправдывались многие непопулярные акции США в Латинской Америке, крайне негативно сказавшиеся на характере межамериканских отношений второй половины XX в., дал США шанс «исправиться» и стать более эффективным агентом позитивных перемен в Латинской Америке.

Действительно, в начале 90-х годов в Западном полушарии возникла, по словам американского исследователя А. Лоуэнталя, весьма «благодатная почва» для налаживания Вашингтоном позитивного сотрудничества с латиноамериканскими странами и реализации собственных экономических, политических, военных и иных интересов, напрямую затрагивающих национальную безопасность США. Этому способствовал целый ряд факторов.

Прежде всего, возникновение в регионе гораздо более спокойной политической обстановки. В этих условиях США получили возможность отказаться от некоторых непопулярных методов и форм реализации сво-

ей политики (военные интервенции, тайные операции, подозрительность в отношении национально–реформистских сил и др.), ранее обусловливаемых сдерживанием «мирового коммунизма», и начать проводить более конструктивную политику, в определенной степени отвечающую интересам латиноамериканских государств.

Большое значение имели и начавшиеся почти одновременно процессы демократизации в странах региона, переход от авторитаризма к демократическим формам правления, коренные изменения в экономической политике, связанные с переходом от государственного регулирования экономики к свободной рыночной экономике неolibерального толка.

Важным элементом «благодатной почвы» явилась, по мнению А.Лоуэнтала, растущая предрасположенность латиноамериканских стран к «прагматическому сотрудничеству» с США, «очевидный повсеместный поворот в сторону развития гармоничных отношений с США» (47, с.75–76). Поясняя свою мысль, А.Лоуэнталь пишет, что «еще несколько лет назад многие латиноамериканские страны были в оппозиции к США. Они разоблачали американские интервенционизм и эксплуатацию, оплакивали латиноамериканскую зависимость и обвиняли США в своих многочисленных провалах и неудачах». Только в «банановых республиках» лидеры могли позволить себе выступать за сотрудничество с Вашингтоном без какого-либо риска для себя. «Сейчас, подчеркивает А.Лоуэнталь, все изменилось. Большинство латиноамериканских правительств и многие оппозиционные движения хотят наладить прочные связи с США... Конфронтация с США оказалась проигрышным делом» (47, с.77).

Все вместе это и подготовило «благодатную почву» для нового этапа отношений между США и странами Латинской Америки, возникновения некоторых общих целей и интересов, хотя, разумеется, и не могло избавить от всех противоречий.

Радужные надежды на наступление «новой эры» в межамериканских отношениях (в духе официального панамериканизма) нашли отражение в важнейшем документе администрации У.Клинтонa – доктрине национальной безопасности, озаглавленной «Стратегия национальной безопасности США: Стратегия вовлеченности в международные дела и распространения демократии в мире» (июль 1994 г.). В разделе, касавшемся Западного полушария, отмечалось: «Последовательное улучшение обстановки с точки зрения безопасности, включая урегулирование пограничных трений, установление контроля за повстанческими движениями и

распространением вооружений, станет важной основной для политического и экономического прогресса в Западном полушарии. Беспрецедентный триумф демократии и рыночных отношений во всём регионе предоставляет исключительную возможность для укрепления мира и стабильности, роста благосостояния и торговли».

Воспользовался ли Вашингтон представившимся шансом? И захотел ли он сделать это?

По мнению ряда американских исследователей, Вашингтон не воспользовался удобным случаем для налаживания равноправных и взаимовыгодных отношений со своими соседями, предпочтя заботу о собственных интересах. Т. Бэрри, сотрудник Межконтинентального центра по изучению ресурсов, следующим образом оценил политику Вашингтона в Латинской Америке на рубеже веков: «90-е годы были золотым периодом для Pax Americana – временем, когда напряжённость между США и Латинской Америкой, характерная для прошлых десятилетий, спала, и перспективы благожелательной и великодушной американской гегемонии в Западном полушарии казались весьма благоприятными. Однако именно в эти лучшие времена дали о себе знать глубокие противоречия в аргументах Вашингтона в пользу политики более глубокой интеграции и межамериканского сотрудничества, сформулированной, в значительной степени, американскими корпоративными интересами. Восстание сапатистов в 1994 г. предвещало неприятие социальными движениями неолиберального консенсуса, которое в настоящее время, похоже, все шире распространяется по континенту. Вовлечение Клинтона в войну с наркотиками, сопровождавшееся потоками военной помощи и посылкой советников в регион, также бросило густую тень на перспективы стабильности, мира и развития в Западном полушарии. Официальная риторика о совместимости экономической либерализации с переходом к демократическому миру также потускнела на фоне эгоистической политики проталкивания американского экспорта в регион, крупных поставок оружия, боевых вертолетов и истребителей» (17).

Менялись и настроения политических элит в странах Латинской Америки. Волна оптимизма, поднявшаяся после первой встречи лидеров американских государств в Майами в 1994 г., спустя десять лет сменилась возрождением глубоко укоренившегося в сознании элит недоверия к американскому гегемонизму в Западном полушарии. Надежды на целостный, единый процесс интеграции в сфере торговли, финансов, дипломатии и военной области рухнули. В результате, считает Т.Бэрри, вместо

интегрированного Рах Americana в Западном полушарии США и страны Латинской Америки оказались перед лицом разрозненных процессов, синхронизировать которые представлялось делом нелегким, по крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе (17).

Резкой критике латиноамериканская политика администрации У.Клинтона подверглась со стороны влиятельного консервативного «Фонда Наследия». По мнению Дж.Свинли, сотрудника этого фонда, в период президентства У.Клинтона влиянию и лидерству США в Латинской Америке был нанесен заметный ущерб. Хотя исходные позиции США в 1992 г. были многообещающими, отмечает Дж.Свинли, ошибки администрации привели к тому, что был упущен ряд благоприятных возможностей в регионе, имеющем для США жизненно важные интересы в сфере экономики и национальной безопасности. Дж.Свинли отметил неспособность администрации У.Клинтона расширить НАФТА за счет Чили, стран Центральной Америки и Карибов; разработать структуру и график переговоров, касающихся ФТАА; построить реальную демократию в Гаити; покончить с коммунистическим режимом на Кубе; завершить переговоры относительно постоянного присутствия США в Панаме после перехода 31 января 1999 г. Панамского канала под управление правительства Панамы; сократить масштабы международной торговли наркотиками (73).

Правящие круги латиноамериканских стран, а также многие политики в США, склонны объяснять неудачи 90-х годов ослаблением внимания со стороны Белого дома к региону, возвращением его в положение «забытого заднего двора». В «грехе забвения» Латинской Америки, превращении ее в «забытый задний двор» упрекали и Дж.Буша-старшего, и У.Клинтон, на президентство которых пришлось 90-е годы.

Думается, однако, что это не совсем так. История свидетельствует, что Латинская Америка всегда пользовалась особым вниманием Вашингтона, хотя и не всегда была на «первых ролях». Причины тому, как мы уже отмечали, и географическая близость региона, и присутствие в нём значительных экономических интересов, и соображения национальной безопасности США. Значимость этих факторов не изменилась и в настоящее время. И хотя в 90-е годы и в начале третьего тысячелетия основное внимание Вашингтона было обращено на Европу и Ближний Восток, латиноамериканские страны продолжали оставаться под бдительным присмотром северного соседа. По указанным выше соображениям «бдительность» Вашингтона не ослабнет и в обозримом будущем. Это под-

тверждают многочисленные заявления представителей администрации США и американских политиков, военных, оценки исследователей. В этой связи утверждения ряда латиноамериканских политиков и исследователей о якобы имевшем место ослаблении внимания Вашингтона к Латинской Америке после «холодной войны» выглядят малообоснованными.

Дело в том, что Белый дом всегда уделял региону ровно столько внимания, сколько требовалось для того, чтобы сохранить господствующие позиции и влияние США в этом районе мира. Именно этим объясняют чередование в латиноамериканской политике Вашингтона периодов острой реакции (интервенционизма) на происходящие в регионе события с периодами спада активности, так называемыми периодами «благоклонного пренебрежения» (*benign neglect*) (21, с.56). Иными словами, Вашингтон обращал повышенное внимание на Латинскую Америку только в периоды кризисов или тогда, когда особенно остро ощущал угрозу своим «жизненно важным интересам» (наиболее яркий пример тому – Карибский кризис в октябре 1962 г.). В остальное время Вашингтон мог позволить себе «игнорировать» регион, то есть несколько ослабить жесткую опеку и контроль над происходящими там событиями. По образному сравнению американского исследователя Р.Пастора, «Латинская Америка ведёт себя как своего рода водоворот, который периодически втягивает в себя Вашингтон. Когда какой-либо кризис, воспринимаемый Соединёнными Штатами в качестве угрозы своим жизненно важным интересам, заканчивается, Вашингтон вновь занимает позицию «благоклонного пренебрежения» (цит. по: 21, с. 56).

Поскольку в эпоху однополярного мира ни одна из держав (или комбинация таковых) не в состоянии угрожать Западному полушарию, США позволили себе на некоторое время несколько «понизить» уровень своего «присутствия» в Латинской Америке, что, однако, ни в коей мере не означало ослабления внимания к региону. Более того, с конца 90-х годов можно говорить о признаках возврата США к более жёсткому курсу в отношении Латинской Америки, о постепенном втягивании Вашингтона в «латиноамериканский водоворот». Некоторые основания для этого у Вашингтона имелись.

Уже с середины 90-х годов в регионе начинает нарастать политическая и социальная нестабильность. Причин тому немало. Во-первых, явно стали пробуксовывать неолиберальные экономические реформы, навязанные Вашингтоном латиноамериканским странам. Во-вторых, ста-

ло реальностью возрождение организованного протестного движения, вызванного прогрессирующим обнищанием широких слоев населения. В-третьих, явственно начали ощущаться признаки кризиса демократических форм правления, падение авторитета традиционных политических партий, что создавало угрозу прихода к власти популистских, левых или авторитарных режимов.

Все это привело к росту напряженности в отношениях ещё на завершающей стадии президентства У.Клинтон. Правящие круги США поняли, что дальнейшая дестабилизация обстановки может поставить под угрозу позиции и влияние США в Латинской Америке. Это и вынудило Вашингтон активнее заняться делами южных соседей, чтобы отстоять свои «жизненно важные интересы» в этом районе мира. А они хорошо известны еще со времени провозглашения «доктрины панамериканизма». Это – обеспечение, под лозунгом межамериканской солидарности и сотрудничества, благоприятных условий для деятельности американских корпораций и ликвидация угроз для национальной безопасности США с латиноамериканского направления (21, с.55; 34).

Избрание на пост президента США Дж.Буша-младшего породило в правящих кругах стран Латинской Америки надежды на то, что новый президент положит конец «благоклонному пренебрежению», которое якобы отличало длившееся восемь лет президентство У.Клинтон. Во-первых, Дж.Буш, будучи еще губернатором штата Техас, граничащего с Мексикой, в период своей избирательной кампании обещал, что Латинская Америка займет подобающее ей важное место во внешнеполитической повестке дня в случае его избрания на пост президента. Во-вторых, весьма обнадеживающей была и беспрецедентная активность латиноамериканского направления в начале президентства Дж.Буша. Первой страной его заграничного вояжа стала Мексика, связи с которой он охарактеризовал как одни из самых важных для США. Беспрецедентным был и тот факт, что в течение первых шести месяцев своего пребывания в Белом доме Дж.Буш принял президентов семи латиноамериканских государств. Эти визиты, казалось, подтверждали обещание, данное новым хозяином Белого дома в ходе предвыборной кампании. Укрепляли веру в перемены и неоднократные заверения Дж.Буша о начале нового «века Америк», века, который распространит блага свободы и экономического роста во все уголки Западного полушария (37, с.59).

Действительно, внимание, которое администрация Дж.Буша уделяла Латинской Америке на первых порах, подтверждало понимание но-

вым хозяином Белого дома того особого значения, которое Латинская Америка имеет для США как с внешнеполитической точки зрения, так и с внутривнутриполитической.

Что касается внешнеполитического аспекта, то Дж.Буш, как и все американские президенты, продолжал рассматривать Латинскую Америку в качестве важного стратегического партнера США. А потому он не мог позволить себе не реагировать на «беспорядки» и «анархию» на «заднем дворе». И серьезные экономические интересы, и соображения национальной безопасности обязывали его внимательно следить за развитием событий в этом регионе.

Во внутривнутриполитическом плане Дж.Бушу необходимо было учитывать тот факт, что выходцы из стран Латинской Америки, «латинос», стали третьим по численности национальным меньшинством в США. Причем немалую их часть составляли «гастарбайтеры» из Мексики, а также центральноамериканских и карибских стран. Условия их пребывания в США всегда в той или иной степени влияли на отношения США с соответствующими латиноамериканскими странами, правительства которых, в особенности Мексики, остро реагировали на факты дискриминации своих граждан. Чтобы излишне не обострять эти отношения, администрация Дж.Буша не могла не задуматься над тем, как максимально ослабить негативное воздействие этого фактора на отношения США с латиноамериканскими странами.

Свое видение ситуации в Латинской Америке и основные направления латиноамериканской политики администрация Дж.Буша обозначила в «Стратегии национальной безопасности» (СНБ), представленной Конгрессу в 2002 г. Специальный раздел, посвященный политике Вашингтона в Западном полушарии в целом, в СНБ отсутствует. Однако о содержании этой политики достаточно четкое представление даёт знакомство с теми целями, которые положены в основу общей внешнеполитической стратегии США.

Напомнив миру о том, что США обладают беспрецедентной военной и экономической мощью и политическим влиянием в мире, президент указал те цели, к достижению которых будет стремиться его администрация, опираясь на превосходство страны в перечисленных областях. Эти цели суть следующие: борьба за права человека; укрепление союзов для обеспечения победы над терроризмом и предотвращения террористических атак на США и их друзей; умиротворение региональных кон-

фликтов в партнерстве с союзниками; предотвращение угроз использования оружия массового уничтожения против США, их союзников и друзей; приближение эры глобального экономического роста путем открытия рынков и свободной торговли; расширение сферы прогресса за счет строительства инфраструктуры демократии и открытых обществ; трансформирование институтов национальной безопасности США в целях эффективного ответа на вызовы и новые возможности XXI в. (75).

Отдельно Западное полушарие упоминается лишь в разделе, касающемся умиротворения региональных конфликтов. В этом аспекте США намерены работать совместно со своими союзниками по региону в деле строительства «подлинно демократического сообщества в Западном полушарии, в котором процессы интеграции будут укреплять безопасность, содействовать процветанию, использованию открывающихся возможностей и осуществлению надежд». Для достижения процветания в Западном полушарии США намерены тесно сотрудничать и с региональными институтами (75).

В СНБ указывается на тот факт, что часть латиноамериканских стран вовлечена в региональный конфликт, обусловленный, в частности, применением насилия со стороны наркокартелей и их сообщников. Этот конфликт и необузданная наркоторговля, подчёркивается в СНБ, могут поставить под угрозу благосостояние и безопасность США. В связи с этим администрация США подтверждает свое намерение активно помогать странам Андского региона перестраивать свои экономики, укреплять власть закона, сокращать поставки наркотиков, работая одновременно над тем, чтобы уменьшить спрос на наркотики в США (75).

Особого упоминания в СНБ удостоилась Колумбия, которая стала центральным звеном политики Вашингтона в Андском регионе еще при президенте У.Клинтоне. Демонстрируя преемственность, Дж.Буш подтвердил решимость новой администрации продолжать помощь правительству Колумбии в защите демократических институтов и разгроме незаконных вооруженных групп левого и правого направления путем восстановления эффективного контроля над всей территорией страны и предоставления необходимой помощи колумбийскому народу (75).

Развернутую характеристику латиноамериканской политике Вашингтона дал О.Рич (в то время помощник госсекретаря США по делам Западного полушария). Выступая в октябре 2000 г. перед аудиторией «Фонда Наследия», О.Рич подтвердил заинтересованное участие США в делах Латинской Америки, «обусловленное силою исторических обстоя-

тельств и сознанием своего долга». Помощник госсекретаря подчеркнул, что страны Западного полушария переживают очень важный период в своей истории, насыщенный вызовами, и большими возможностями. В этой обстановке, заявил О.Рич, США, чтобы помочь странам региона преодолеть препятствия, стоящие на пути прогресса, поставили своей латиноамериканской политике четыре задачи:

- укреплять безопасность;
- содействовать распространению демократии;
- стимулировать и поощрять «хорошее правление» (good governance);
- стимулировать экономическое развитие (64).

Первая, приоритетная, задача предусматривала «укрепление безопасности», то есть ликвидацию «хаоса» и наведение «порядка» в латиноамериканских странах, что и должно было способствовать укреплению безопасности в самих США. Конкретные мероприятия в этом направлении включали борьбу с терроризмом, наркобизнесом и партизанским движением. Основные усилия предполагалось сосредоточить в Колумбии, в которой тесно переплелись терроризм, наркобизнес и партизанские движения. Разумеется, не обошлось без включения в список источников «угроз» безопасности в Западной полушарии Кубы, «тоталитарный» режим которой якобы питает «постоянную враждебность к демократии» (64).

Решение двух следующих задач – «утверждения демократии» и «стимулирования ответственного правления» – должно было, по замыслам Вашингтона, содействовать стабилизации социальной и политической обстановки в регионе, что полностью отвечало бы интересам США. Решение этих задач предполагало утверждение принципов либеральной демократии, создание благоприятных условий для деятельности частного капитала, ликвидацию чрезмерного разрыва в уровнях доходов и строительство «здоровых политических институтов». Актуальность этих задач, по убеждению Вашингтона, определялась признаками явного кризиса демократии в ряде стран региона, в первую очередь, в Венесуэле и Гаити (64).

Решение четвертой задачи – ускорения развития – связывалось с углублением экономических реформ и дальнейшей интеграцией стран региона в мировую экономику. Одним из условий длительного и стабильного роста стало бы, по мнению администрации США, активное

участие стран региона в создании зоны свободной торговли в Западном полушарии (64).

Однако если отбросить демагогическую риторику о демократии, «хорошем правлении» и развитии, то задачу администрации Вашингтона можно сформулировать иначе – за счет стабилизации обстановки обеспечить беспрепятственное хозяйничанье американских монополий в Латинской Америке и ликвидировать угрозы национальной безопасности США, исходящие из этого района мира.

3.2. Новые вызовы безопасности США с южного направления

Борьба за обеспечение национальной безопасности была, есть и будет важнейшим компонентом внешней политики всех без исключения администраций США. Одним из ее важнейших фронтов на всех этапах истории являлся «латиноамериканский фронт». Это и понятно, поскольку страны Латинской Америки являются ближайшими географическими соседями США, а потому состояние дел в этом районе мира зачастую самым непосредственным образом влияло на развитие событий в США, в том числе и в сфере национальной безопасности. В условиях глобализации это взаимовлияние усиливается. На эту особенность отношений между США и Латинской Америкой обратил внимание своих слушателей помощник государственного секретаря США по делам Западного полушария О.Рич, выступая в «Фонде наследия» (октябрь 2002 г.). «Чтобы добиться сколько-нибудь значительного прогресса, заявил О.Рич, нации нужна безопасность и гарантия того, что ее работа по строительству более благополучного будущего не будет разрушена. Мы, граждане Соединенных Штатов, хорошо знаем, что мы не будем чувствовать себя в безопасности в своём доме, пока наши соседи также не будут чувствовать себя в безопасности. Поэтому обеспечение безопасности в латиноамериканском регионе является нашим первостепенным приоритетом» (64).

С точки зрения традиционных представлений о безопасности, Латинская Америка никогда, за редким исключением, серьёзных хлопот США не доставляла. А в 90-е годы поводов для беспокойства в этом плане у Вашингтона и вовсе не осталось. Как мы уже сказали, классические сценарии угроз потеряли свое значение. Гражданские войны в странах Центральной Америки удалось остановить. Кубу, после того, как она лишилась союзников в лице социалистических государств и многочисленных сторонников в Латинской Америке, рассматривать в качестве источ-

ника «угрозы» американской безопасности можно было лишь с очень большой натяжкой.

Однако в новой мировой обстановке на первый план вышли иные угрозы, те, которые в период «великого противостояния» между Востоком и Западом администрация США рассматривала как второстепенные. В документе Межамериканского комитета по обороне, деятельность которого контролируют и определяют США, в перечень новых угроз, с которыми сталкиваются страны американского континента, были включены терроризм, распространение ядерного и иного оружия массового уничтожения, экономические кризисы, крайняя бедность, организованная преступность, а также националистические движения коренного населения. Борьба с этими угрозами и стала составлять содержание политики безопасности Вашингтона в этом регионе после завершения «холодной войны».

После событий 11 сентября 2001 г. произошла некоторая перестановка акцентов в политике безопасности США в Западном полушарии, в результате которой упор был сделан на первоочередное решение относительно узкого круга проблем в сравнительно ограниченном пространстве. В рекомендациях исследовательской службы Конгресса США на первое место была поставлена борьба с терроризмом и наркобизнесом в андском регионе. Далее следовали проблемы, связанные с обеспечением свободной торговли и предотвращением потенциальных угроз демократии и стабильности в Латинской Америке (46). Эти рекомендации нашли отражение и в Стратегии национальной безопасности США и, соответственно, в практической деятельности Вашингтона.

Следует отметить, что и в глазах рядовых американцев перечень угроз для их страны не слишком расходится с официальной версией, а стало быть, деятельность администрации США в этом направлении пользуется достаточно широкой поддержкой со стороны населения. Так, в 2002 г. 70% (1998 г. – 55%) американцев важнейшей внешнеполитической задачей администрации считали установление контроля над нелегальной иммиграцией и сокращение потока нелегальных иммигрантов; 81% (столько же и в 1998 г.) – прекращение ввоза в страну наркотиков. Две трети американцев (столько же и в 1998 г.) высказались даже за использование американских войск для борьбы с наркобаронами в Колумбии (55).

Степень географической концентрации «угроз» национальной безопасности США в Латинской Америке далеко неодинакова. Наиболее

«опасным» в Вашингтоне признали Андский регион, включающий в себя Боливию, Колумбию, Перу и Эквадор. Именно он в течение почти двух десятилетий стал центром приложения военно-политических и экономических усилий Вашингтона в рамках политики безопасности. Причин тому несколько.

Во-первых, в этом регионе, как ни в каком другом, исторически произошла концентрация значительных экономических и геополитических интересов США. Во-вторых, здесь же сосредоточился ряд разнохарактерных процессов, которые рассматривались в качестве реальных и потенциальных «угроз» американским интересам, а стало быть, и американской безопасности. В Вашингтоне опасались, что дестабилизация обстановки может подорвать политическую стабильность в этом регионе и нарушить устойчивость экономических связей США со своими партнерами в этом районе, нанеся тем самым ущерб национальной безопасности.

Особенно чувствительно могло бы сказаться на американской экономике нарушение поставок нефти из этого региона. Только Венесуэла поставляет в США столько же нефти, сколько все страны Персидского залива вместе взятые. Открытие крупных запасов нефти в Колумбии, а также поставки нефти из Эквадора и Тринидада и Тобаго только лишний раз подчёркивают стратегическую значимость этого региона как источника энергоресурсов.

Наиболее слабым звеном андского региона, сосредоточившим в себе наибольшее число «угроз» для США и для всего региона в целом, в Вашингтоне сочли Колумбию. Многими исследователями концентрация внимания Вашингтона на Колумбии связывалась преимущественно с необходимостью вести борьбу с наркобизнесом и наркотерроризмом, приобретшими в этой стране якобы особо опасные для США масштабы. Особую значимость эта задача приобрела якобы после того, как США после событий 11 сентября 2001 г. объявили войну «международному терроризму».

Не умаляя значимости этой проблемы, следует сказать, что существуют не менее, а может быть, и более важные причины, по которым Колумбия стала центральным звеном политики США в андском регионе. Прежде всего, это ее геополитическое положение, фактор, который приобрел особое значение в связи с планируемым строительством континентальной зоны свободной торговли. В рамках этого проекта Колумбия становится не только важным перевалочным пунктом для товаропотоков

между Центральной и Южной Америкой, но и весьма привлекательным районом для иностранных инвестиций. Действительно, соседями Колумбии являются страны, которые имеют большое значение для торговли в Западном полушарии. На севере – это Панама, которую пересекает межокеанский канал и через который проходит значительная часть товарных потоков континента. На юге – Бразилия, наиболее населённая и индустриально развитая страна латиноамериканского континента. Соседями Колумбии являются также Эквадор и Венесуэла – крупные экспортёры нефти (88).

Большое значение для Вашингтона имеют и богатые природные ресурсы Колумбии. Страна является экспортером нефти, которая служит источником немалых прибылей для американской компании Оксидентэл петролеум. В разработке богатых залежей угля участвуют американские Эксон и Друммонн. Страна располагает также месторождениями золота с самым высоким содержанием металла в породе. Весьма прибыльным для американских монополий является экспорт из Колумбии кофе, бананов и цветов. Кроме того, благодаря довольно высоким и устойчивым темпам роста экономики в 90-е годы Колумбия вошла в число наиболее привлекательных для инвестиций стран (88).

Следует также учитывать, что Колумбия является важным экономическим партнером США. В 2000 г. объем взаимной торговли составил 10 млрд. долл., а Колумбия стала пятым по значению (в Латинской Америке) покупателем американских товаров (49).

Отсюда понятна озабоченность Вашингтона положением дел в Колумбии, стремление не допустить дестабилизации обстановки в стране, погружения ее в состояние хаоса. На первые признаки угрожающего развития ситуации в стране указывалось еще в конце 80-х годов. Так, в документе Санта-Фе 11(1988) было сказано: «Если нынешние тенденции сохранятся, Колумбия к середине 90-х годов, если не раньше, может превратиться в новый Сальвадор» (88). Прогноз авторов этого документа отчасти оправдался. С середины 90-х годов кризис колумбийского общества стал очевиден. Дестабилизирующими факторами явились наркобизнес и связанная с ним преступность, в том числе обычная уголовная, партизанское движение и связанный с этим кризис демократии в стране. Несмотря на массивные репрессии, страну охватило массовое протестное движение: в 1996 г. страну сотрясло выступление 150 тыс. производителей коки, а в 1997 г. дело дошло до всеобщей забастовки. Довольно сильное противодействие оппозиции вызвала проводимая правительст-

вом экономическая политика. Профсоюзы выступили против приватизации, а индейское население протестовало против эксплуатации природных ресурсов на территории их проживания.

Широкого размаха достигли наркобизнес и наркопреступность, переплетающаяся с обычной уголовной преступностью. Жертвами преступников становятся тысячи людей, а сотни тысяч (по вине наркобизнеса) превратились в беженцев. В 2002 г. число «террористических нападений» в Колумбии было больше, чем во всех странах мира вместе взятых – в среднем по четыре в день. В Колумбии и самая высокая в мире норма убийств – 77, 5 на 100 тыс. человек (в 13 раз больше, чем в США). Насилие стало настолько обычным для страны явлением, что одна из колумбийских компаний стала специализироваться на производстве детских бронжилетов. Колумбии принадлежит и «пальма первенства» по захвату заложников – три тысячи в 2002 г. (39; 53).

Проблема борьбы с преступностью в Колумбии осложнялась практическим бездействием судебной системы. Так, в 2002 г. остались ненаказанными 97% преступлений, а три миллиона судебных дел не были доведены до конца (53).

Однако, по мнению некоторых исследователей, гораздо большее беспокойство Вашингтона вызывало продолжающееся уже полвека партизанское движение в стране, которое негативно влияет на обстановку не только в Колумбии, но и в соседних государствах. По словам генерала Дж.Хилла, возглавляющего Южное командование США, в зону ответственности которого входит Латинская Америка, «вызов законной власти бросают три крупные и хорошо вооружённые группировки, которые не предлагают, однако, какой-либо жизнеспособной альтернативы» (53). В их числе – левые Революционные вооружённые силы Колумбии (ФАРК) и Армия национального освобождения (ЭЛН), а также правые Объединённые силы самообороны (АУК).

3.3. Политика безопасности США на современном этапе

Длительное время наиболее активно ресурсы Вашингтона были задействованы в борьбе с наркоманией в собственной стране и с национальным и транснациональным наркобизнесом, отнесенными, как уже было сказано, к разряду факторов, угрожающих национальной безопасности США. Угроза со стороны наркомании и наркобизнеса была воспринята Белым домом настолько серьезно, что в 1989 г. президент США

Дж.Буш-старший объявил «войну против наркотиков». Реакция Вашингтона на неспособность правительств ряда латиноамериканских стран поставить под контроль нелегальное производство и торговлю наркотиками была столь болезненной, что привела в конце 80-х годов к серьезному осложнению отношений с этими странами. Возмущение дошло до того, что политические лидеры всех оттенков выступали в эти годы за американское военное вмешательство как наиболее радикальное средство обуздания наркобизнеса.

После завершения «холодной войны» «война против наркотиков» стала для Вашингтона приоритетом в сфере политики безопасности в Латинской Америке. Хотя эта война длится уже более ста лет, начало ее наиболее интенсивного периода пришлось на президентство Р.Рейгана. Он первый предпринял широкое наступление против наркомании у себя в стране и против наркобизнеса в Латинской Америке. В 1982 г. и в последующие годы администрация и Конгресс осуществили ряд мер во исполнение этого плана. Были ужесточены законодательство, касающееся борьбы с наркоманией и наркобизнесом; увеличены бюджеты федеральных служб, занимавшихся борьбой с наркобизнесом; усилена роль вооруженных сил в «войне против наркотиков»; увеличены (в целях повышения эффективности борьбы с наркобизнесом) размеры помощи тем латиноамериканским странам, которые являются производителями наркотиков.

На президентство Р.Рейгана пришлось и введение в практику процесса «сертификации». В 1986 г. Конгресс принял поправку к Закону об иностранной помощи (1961), включив в него статью, запрещающую предоставление некоторых форм помощи государствам, которые не «сертифицированы» президентом страны в качестве сотрудничающих в «войне против наркотиков». Закон предписывал, чтобы до 1 ноября каждого года президент передавал в Конгресс список «крупных стран–производителей нелегальных наркотиков» и «важных стран–транзитов наркотиков». К числу крупных стран–производителей относились страны, которые рас-

полагали более 1000 га опиумного мака (используемого для производства героина), более 1000 га коки (используемой для производства кокаина) или 5000 га конопли (используемой для производства марихуаны). К числу крупных стран–транзитов причислялись страны, через которые наркотики транспортировались в США. Этот механизм был создан для того, чтобы заста-

вить другие страны активно участвовать в реализации антинаркотиковых программ США (77).

Чтобы получить «сертификат», своего рода документ о «благонадежности», соответствующие страны должны были выполнить ряд требований. В частности: существенно сократить производство незаконных наркотиков; принять меры по ликвидации нелегальных посевов наркосодержащих культур, лабораторий по производству наркотиков, что должно было выразиться в уничтожении лабораторий и наркотической продукции, аресте и осуждении лиц, вовлеченных в наркобизнес; осуществить мероприятия, препятствующие «отмыванию» наркоденег; внести изменения в законодательство, способствующие эффективному преследованию лиц, занимающихся наркобизнесом; обеспечить быстрое исполнение требований администрации США о выдаче наркоторговцев; гарантировать действенное сотрудничество с американскими спецслужбами, ведущими борьбу с наркобизнесом и целый ряд других требований. Невыполнение этих требований влекло за собой «десертификацию», то есть отказ от выдачи свидетельства о «благонадежности» с последующим применением финансовых и торговых санкций (77).

Антинаркотиковая кампания сопровождалась усиливающимся дипломатическим давлением и экономическими санкциями против правительств тех латиноамериканских стран, которые, по мнению Вашингтона, не обнаруживали серьезного стремления к сотрудничеству в объявленной Соединенными Штатами «войне против наркотиков». В результате наращивания усилий США удалось уменьшить приток нелегальных наркотиков в страну. Однако, несмотря на внешне впечатляющие успехи, выяснилось, что усилия администрации США оказались недостаточными, чтобы остановить в стране растущий спрос на наркотики и торговлю ими.

Потерпев неудачу в попытке нанести поражение наркобизнесу на «его поле», то есть существенно ослабить «кокаиновую индустрию» в латиноамериканских странах, американская администрация, идя навстречу требованиям общественности, попыталась взять реванш у себя дома. В 1988 г. Конгресс принял закон о наркотиках. В соответствии с этим законом, администрация, не ослабляя усилий по борьбе с наркобизнесом за пределами страны, сосредоточила основное внимание на реализации мер, ведущих к сокращению спроса на наркотики в США. Смена акцентов явилась результатом осознания американским Конгрессом неэффективности проводившейся Белым домом политики, суть которой сводилась к максимальному сокращению притока наркотиков извне.

Одной из особенностей «антинаркотиковой политики» президента Дж.Буша-старшего, сменившего в Белом доме Р.Рейгана, стало еще более энергичное вовлечение в борьбу с наркобизнесом вооруженных сил, несмотря на имевшие место возражения со стороны Пентагона. Эта политическая логика привела к тому, что Дж.Буш потребовал и от правительств латиноамериканских стран расширить участие военных в борьбе против наркобизнеса. Тенденция к милитаризации «войны против наркотиков» нашла отражение в увеличении объемов американской военной помощи странам–производителям наркотиков.

Концентрированным выражением американской борьбы с наркобизнесом в латиноамериканских странах в период президентства Дж.Буша-старшего (1989–1992) стала Андская инициатива, к реализации которой администрация приступила в сентябре 1989 г. Она была разработана для того, чтобы сократить масштабы деятельности наркобизнеса. С этой целью была увеличена экономическая, военная и иная помощь странам–производителям наркотиков – Боливии, Колумбии и Перу, а также предоставлены некоторые торговые льготы. Кроме того, инициатива Вашингтона предусматривала осуществление некоторого комплекса многосторонних мер.

Предоставление помощи в рамках Андской инициативы обуславливалось осуществлением андскими странами мер по установлению контроля за нелегальным распространением наркотиков и проведением здоровой экономической политики. Ключевым моментом Андской стратегии стало соглашение о торговых преференциях, которое предусматривало снижение пошлин на некоторые товары стран андского региона.

Результаты Андской инициативы оценивались по-разному. Администрация Дж.Буша-старшего считала их более или менее удовлетворительными, хотя и признавала, что говорить о победе в «войне против наркотиков» не приходится. Менее оптимистическими были оценки американских исследователей, считавших, что не было достигнуто решающего перелома в характере развития событий: с одной стороны, имели место определенные успехи в борьбе с наркобизнесом, с другой – отсутствие существенного прогресса в уменьшении объема наркотиков, поступающих в США.

Свой вклад в совершенствование стратегии борьбы с наркобизнесом внесла и администрация У.Клинтона. В период президентства У.Клинтона (1993–2000) борьба с наркобизнесом заняла одно из ведущих мест во внешнеполитической повестке дня. Был разработан новый под-

ход к пресечению нелегального распространения наркотиков в глобальном масштабе с привлечением собственных и международных ресурсов. По замыслам его авторов, он должен был привести к уменьшению объема незаконной торговли наркотиками и снижению спроса на них. Конечный успех связывался с согласованностью усилий общественности, властных структур и частного сектора с правительствами других стран, международными и частными организациями.

Содержание стратегии борьбы с наркобизнесом, предложенной правительством У.Клинтонa, отличалось от стратегий его предшественников, обращавших основное внимание на пресечение транспортировки наркотиков. Администрация У.Клинтонa решила направить свои усилия на совместную со странами–производителями деятельность по созданию соответствующих сил и средств борьбы с наркобизнесом, уничтожение преступных группировок и пресечение поставок наркотиков. Предусматривались также: поддержка стран с демократическими институтами, рассчитанная на то, чтобы не позволить наркобизнесу воспользоваться слабостью их государственных структур; взаимодействие с правительствами, демонстрирующими волю к противодействию наркоугрозе; реализация экономических преобразований на международной арене, рассчитанных на долговременную перспективу, чтобы помочь странам–производителям создавать здоровую экономику, в которой было бы меньше стимулов для производства наркотиков; ориентация общественного мнения на поддержку мер по борьбе с наркобизнесом.

Большое внимание администрации У.Клинтонa к проблеме наркотиков в ее широком толковании (производство и торговля наркотиками, злоупотребление наркотическими веществами, социально-экономические и политические последствия наркобизнеса для гражданских обществ) было обусловлено рядом причин. Прежде всего, ростом наркопреступности и нарконасилия в США, трагическими последствиями наркомании для здоровья американских граждан, резко возросшей нагрузкой на правоохранительные и судебные органы, систему здравоохранения и социального обеспечения США. Во время слушаний в Конгрессе обращалось внимание на то, что увлечение американцев наркотиками отвлекает от американской экономики десятки миллиардов долларов. Согласно официальным данным, от злоупотребления наркотиками в США ежегодно погибает около 52 тыс. человек, а расходы, связанные с оказанием медицинских услуг

(лечение наркоманов, программы реабилитации) оценивались в 100–500 млрд. долл.(49).

С учетом внешнеполитических аспектов наркопроблемы (угроза стабильности демократии в ряде дружественных и важных для США стран) она стала рассматриваться в качестве одного из факторов угрозы национальной безопасности США.

Одной из особенностей антинаркотической политики президента У.Клинтона стало более широкое использование инструмента «сертификации», с помощью которого, как было сказано выше, оценивалась степень участия той или иной страны во «всеобщей войне против наркобизнеса».

Практические шаги Вашингтона по реализации антинаркотической стратегии вызвали критику со стороны ряда латиноамериканских стран, хотя, в целом, они проявили достаточно желания бороться с наркобизнесом, учитывая, что и для них наркоугроза являлась серьезным дестабилизирующим фактором во внутривнутриполитической жизни.

Оценивая деятельность администрации У.Клинтона в этой области, сотрудник «Фонда наследия» Дж.Свини пришел к выводу о том, что «под руководством президента У.Клинтона американская антинаркотическая политика в Латинской Америке и ежегодные процедуры сертификации привели к потере доверия к США во всем Западном полушарии, нанеся ущерб американскому престижу и лидерству. Более того, проводя в 1995–1998 гг. агрессивную антинаркотическую политику в отношении Колумбии из-за связей ее президента Э.Сампера с наркокартелями, администрация У.Клинтона проигнорировала «колумбизацию» Мексики, жизненно важного экономического партнера США по НАФТА» (73).

Эстафету борьбы с наркобизнесом приняла администрация Дж.Буша-младшего. Как и у его предшественников, основным полем ее усилий в этой области остались страны Латинской Америки, 14 из которых входят либо в число производителей наркотиков, либо в число стран, через которые наркотики транспортируются в США.

Как и прежде, основное внимание было приковано к Колумбии. Страна продолжала оставаться крупнейшим поставщиком высококачественного кокаина и героина в США (39).

Подобно своим предшественникам, Дж.Буш-младший предложил стране свою программу борьбы с наркобизнесом. Она получила название Андской региональной инициативы (АРИ), хотя, по существу, она стала всего лишь программой расширения американской поддержки так назы-

ваемого Плана Колумбия (1998), предложенного президентом Колумбии и поддержанного президентом У.Клинтоном. В июле 2001 г. АРИ получила одобрение Палаты представителей Конгресса, внесшей некоторые поправки в нее. Палата представителей отклонила предложение Дж.Буша об отмене количественных ограничений на численность американских военных и контрактников, которые могут привлекаться для решения задач АРИ. Отказ обосновывался тем, что это могло бы открыть дорогу для ускорения прямого вовлечения США в колумбийские дела. Законодатели сослались на то, что число находившихся в тот момент в Колумбии военнослужащих США (800 человек) и так почти вдвое превышало численность американских военнослужащих в Сальвадоре в 80-е годы, когда там шла гражданская война (13).

Администрация США сравнивала свою инициативу со «стулом, стоящим на трех ножках». «Ножками» этого «стула» являлись уничтожение посевов наркосодержащих культур, предоставление военной помощи и реализация альтернативных выращиванию коки программ развития.

Около половины всего объема помощи в рамках АРИ было предназначено Колумбии. Ее предполагалось использовать для финансирования следующих мероприятий: уничтожения наркосодержащих культур с воздуха; поддержки альтернативных проектов развития; материально-технического обеспечения и подготовки подразделений колумбийской армии и национальной полиции; реализации социальных и экономических программ, включая предоставление помощи внутренним беженцам; реформы судебной системы. Однако, по некоторым оценкам, в 2002 г. свыше 70% всей помощи Колумбии предполагалось направить на укрепление сил безопасности (13). Очевидно, что средства, выделявшиеся на проведение военных операций, заметно превышали средства, направлявшиеся на экономическое развитие и другие невоенные программы.

Другая половина ассигнований была распределена между соседними с Колумбией государствами – Боливией, Бразилией, Венесуэлой, Панамой, Перу и Эквадором. Цель этих ассигнований – содействие экономическому развитию этих стран, в том числе альтернативных форм сельскохозяйственного развития, строительству правового государства, мерам по усилению контроля за нелегальным наркобизнесом.

Реализация некоторых мер, предусмотренных АРИ, сразу же столкнулась с некоторыми трудностями.

Правительства соседних с Колумбией стран выразили опасения по поводу того, что политика США может привести к «колумбизации» ре-

гиона. Возражения вызвали и меры по уничтожению посевов с использованием авиации. Дело дошло до того, что суд Боготы в июле 2001 г. распорядился приостановить распыление гербицидов на юго-востоке Колумбии в местах обитания индейских общин до тех пор, пока правительство не проверит жалобы на вредное воздействие гербицидов на здоровье и окружающую среду. Беспокорство по этому поводу выразили и руководители колумбийской Программы ООН по контролю за наркотиками.

Дж.Буш попытался частично учесть критику в адрес американской помощи Колумбии. Тем не менее Вашингтон продолжал наращивать усилия по подготовке и вооружению сотен колумбийских подразделений, действовавших в регионах, производящих коку.

Насколько эффективной оказалась «война против наркотиков», которую вел Дж.Буш-младший?

Если судить по заявлениям официальных лиц и отчетам соответствующих служб, то в «войне против наркотиков» были достигнуты определенные успехи.

Однако большинство исследователей придерживаются иного мнения. «Все вовлеченные в эту войну американские структуры, отмечает американский исследователь Т.Бэрри, – Министерство обороны, Государственный департамент, Национальная гвардия, Агентство международного развития, ФБР и другие правительственные учреждения – из года в год хвастались своими достижениями: арестами и экстрадицией наркоторговцев, уничтожением тысяч гектаров посевов коки, постоянным укреплением сотрудничества латиноамериканских военных и полиции с американскими антинаркотиковыми программами. Однако, если измерять политику правительства масштабами потребления наркотиков, объемами их поставок и ценами на них, то следует признать, что имел место печальный провал» (17).

Этот вывод основывается на данных, приведенных в мае 2004 г. Исследовательской службой Конгресса, которая пришла к выводу о том, что «усилия, направленные на то, чтобы существенно сократить приток нелегальных наркотиков из-за рубежа в США, не принесли успеха» (там же). Из отчета явствует, что за последнее десятилетие производство коки (в Латинской Америке. – Авт.) утроилось, а производство опиумного мака почти удвоилось. Более того, «уличные цены на кокаин и героин за последние 20 лет значительно понизились, что свидетельствует об их возросшей доступности». За период с 1992 по 2002 гг. число потребителей героина возросло на 350 тыс. человек, а 56% попадающего на амери-

канский рынок героина имеет колумбийское происхождение. Хотя в Андском регионе, основном поставщике кокаина на рынок США, производство коки благодаря американской программе уничтожения посевов сократилось, оно возросло в других странах. Американская стратегия контроля за странами–поставщиками была осложнена тем, что производители коки повысили эффективность методов выращивания коки и урожайность, стали выращивать коку на небольших участках и в отдалённых местах, затрудняя обнаружение посевов (17).

Исследователи называют несколько причин провала антинаркотической политики США. Одна из них – чрезмерное упование на эффективность борьбы с наркоманией в США за счет сокращения поставок наркотиков из стран–производителей этого зелья. В Вашингтоне почему-то уверены в том, что если не допустить появления наркотиков на улицах американских городов, то, соответственно, и их потребление существенно сократилось бы. Не отрицая того, что изобилие наркотиков является фактором, способствующим распространению наркомании, исследователи, наоборот, считают, что устойчивый спрос на наркотики существенно подрывает программы установления контроля над наркобизнесом, разрабатываемые странами–поставщиками.

Между тем спрос на наркотики в США постоянно растет и оценивается некоторыми специалистами в 60 млрд. долл. в год (17). Это обстоятельство давно уже вызывает критику со стороны стран–производителей и стран–транзитов. Они выражают недовольство тем, что растущий спрос на наркотики в США, готовность американцев платить за них высокую цену привели к росту международных криминальных картелей и коррупции в их странах, в которых уровень потребления наркотиков сравнительно низок.

Исследователи указывают и на лицемерный характер ежегодно проводимой Вашингтоном процедуры сертификации и десертификации. Лицемерие этого действия состоит в том, что Вашингтон, милуя или наказывая по своему усмотрению страны, якобы недостаточно участвующие в «войне против наркотиков», в то же время сам «игнорирует, разрушает и нарушает международные договоры и законы, выборочно поддерживая те немногие из них, которые могут быть использованы для достижения его собственных политических целей» (17).

Ярким примером тому служит Афганистан. Известно, что эта страна входит в список 22 стран, являющихся либо наиболее крупными

производителями наркотиков, либо их важными перевалочными пунктами. Однако в отношении Афганистана администрация США не применяет каких-либо санкций, предусмотренных для этой категории стран. Между тем после американского вторжения в Афганистан производство опиумного мака переживает самый настоящий бум: в 2003 г. площадь посевов под этой культурой удвоилась по сравнению с 2002 г. Афганистан, который фактически стал протекторатом США, вышел, по признанию госдепартамента, на третье место в мире по производству опиумного мака (17).

Еще более показателен пример Мексики, страны, находящейся под самым боком США. Вопреки утверждениям администрации Вашингтона о том, что сотрудничество между США и Мексикой в борьбе с наркобизнесом стало как никогда хорошим, производство марихуаны и опиумного мака в этой стране значительно увеличилось в последние годы. Между тем и к Мексике Вашингтон никогда не применял никаких санкций, хотя на недостаточные усилия мексиканского правительства в «войне против наркотиков» неоднократно указывалось во время специальных слушаний в Конгрессе США.

Борьба Вашингтона с латиноамериканским наркобизнесом как фактором угрозы национальной безопасности США тесно увязывается с борьбой против «терроризма». Первоначально террористическая деятельность связывалась преимущественно с деятельностью наркокартелей, которые путем осуществления насилия в разной форме стремятся содействовать максимально беспрепятственному функционированию своего преступного бизнеса. Когда не действовали попытки подкупа или угроз в адрес государственных служащих и полицейских чинов, то в ход шли убийства, взрывы, похищение заложников.

Однако после 11 сентября 2001 г., когда были совершены террористические атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и здание Пентагона, произошло расширение рядов «наркотеррористов». Объявив войну «международному терроризму», Вашингтон в июле 2003 г. включил в список международных «террористических» организаций и старейшие на континенте леворадикальные партизанские движения Колумбии. К ним относятся Вооруженные силы Колумбии (ФАРК) и Армия национального освобождения (ЭЛН). Заодно в этот список были включены и праворадикальные Объединенные силы самообороны (АУК). Не удовлетворившись навешиванием на ФАРК и ЭЛН ярлыка «террористов»,

Вашингтон

одновременно

внес их и в список наиболее крупных международных торговцев наркотиками.

Основанием для причисления этих движений к «наркотеррористам» послужило использование этими группировками доходов от наркобизнеса для финансирования своей деятельности. Под этим предлогом начальник Южного Командования (СаутКом) США генерал Б.Крэддок, сменивший в июле 2004 г. на этом посту генерала Дж.Хилла, выступая в Конгрессе, заявил, имея в виду ФАРК и ЭЛН, что, с его точки зрения, такие определения, как «повстанцы» и «партизаны» в настоящее время имеют меньше права на существование, чем это было несколько лет назад. Для членов этих формирований, утверждал американский генерал, «более подходящим является термин наркотеррористы», учитывая, что они извлекают огромные финансовые средства из торговли нелегальными наркотиками (17). Однако, справедливо замечает американский исследователь Т.Бэрри, руководство СаутКом ни разу не представило каких-либо доказательств в подтверждение того, что эти две крупные партизанские группировки Колумбии являются международными террористами или что они вовлечены в «процесс выращивания, переработки и торговли нелегальными наркотиками». Хотя не подлежит сомнению, продолжает Т.Бэрри, что партизанские организации действительно извлекают выгоду из производства нелегальных наркотиков, главными образом, за счет «налогообложения» производства и транспортировки нелегальных наркотиков, мало доказательств того, что их деятельность «абсорбирована крупными картелями, вовлеченными в транспортировку и продажу кокаина на международных рынках». Американский исследователь указывает и на то важное обстоятельство, что ни СаутКом, ни само правительство США так и не смогли доказать, что партизанские группировки являются международными террористами, которые угрожают национальной безопасности США и непосредственно территории США (17).

В связи с обвинениями, выдвинутыми против партизанских движений в Колумбии, хотелось бы обратить внимание на то, что еще совсем недавно Вашингтон сам неоднократно прибегал к использованию «наркоденег» для своих внешнеполитических целей, или смотрел сквозь пальцы на их использование организациями, деятельность которых отвечала военно-политическим интересам США. Так, в 80-е годы американская администрация не побрезговала использовать «наркоденьги» для финансирования никарагуанских «контрас», которые вели войну с не-

угодным Вашингтону режимом в Никарагуа. В те же 80-е годы Вашингтон «не замечал» того, как средства, полученные от продажи афганских наркотиков в Европе и США, широко использовались для финансирования поддерживаемых им «сил сопротивления» во время афгано-советского конфликта. Впрочем, практика широкого использования Вашингтоном «двойных стандартов» хорошо известна во всем мире.

Обвиняя в террористической деятельности партизанские движения, Вашингтон игнорирует тот факт, что партизанские движения в Латинской Америке, и в Колумбии в частности, возникли и длительное время существовали до того, как в регионе начал процветать наркобизнес и связанное с ним насилие, отнесенное Вашингтоном к разряду террористической деятельности. Замалчиваются и фальсифицируются подлинные причины их возникновения и распространения на многие страны континента (в особенности в странах Центральной Америки) – нещадная эксплуатация народов латиноамериканских стран американскими монополиями, жестокость военных режимов, насаждавшихся при прямом содействии Вашингтона.

Не была исключением и Колумбия. Насилие, в том числе в форме партизанского движения, было спровоцировано, по мнению немецкого исследователя Р.Целика, двумя явлениями: ростом наркоторговли, приведшей к использованию насилия как средства урегулирования конфликтов, и обострением борьбы в рамках «грязной войны», начавшейся в 1983 г. При этом Р.Целик считает, что возраставшее число жертв в ходе вооруженного противостояния геррильи и колумбийской армии не следует выпячивать в качестве фактора первостепенной значимости. Даже в 1996 г., когда конфликт в Колумбии, после перехода ФАРК к маневренной войне, вступил в новую фазу, число жертв военных действий было заметно ниже числа жертв обычных преступлений и похищений (88).

Ответственность за возникновение партизанского движения в Колумбии Р.Целик возлагает на господствующие классы, которые на протяжении последних ста лет руководствовались репрессивной стратегией. Жестокость притеснений колумбийских элит, подчёркивает Р.Целик, всегда выходила за рамки среднего латиноамериканского уровня. В XX в. страна пережила четыре «травматических процесса»: «войну 1000 дней» (1899–1902); борьбу рабочих на банановых плантациях американской «Юнайтед фронт компани» в 1928 г.; гражданскую войну 1948–1953 гг., которая в самой Колумбии получила название «выоленсия» (насилие), и так называемую «грязную войну», продолжающуюся с 1983 г.

Все четыре конфликта, утверждает немецкий исследователь, вписываются в рамки классовых противоречий. Причиной «войны 1000 дней», стоившей 10 000 жизней, стал насильственный захват крупными землевладельцами земельных участков мелких крестьянских собственников в Средних Андах. Обстановку в стране еще больше накалило жестокое подавление правительством забастовки рабочих банановых плантаций в 1928 г., которая стала высшей точкой формировавшегося независимого профсоюзного и массового движения. Начало «вьоленсии» стало следствием убийства (по заказу руководства Консервативной партии) левореформистского кандидата в президенты Х.Гайтано, который выступал за проведение в стране аграрной реформы.

Реакцией правящих элит Колумбии на классовые выступления трудящихся и дестабилизацию обстановки в стране стала организация парамилитаристского движения. Хотя такие партизанские группировки, как ФАРК, ЭЛН, ЭПЛ и М-19 не представляли серьезной угрозы для государства, обстановка в 70-е годы обострилась: по всей стране ширились протестные движения, формировалась гетерогенная мозаика из индейских и крестьянских организаций, марксистских кружков, левохристианских групп и профсоюзов. В сочетании с акциями в городах членов М-19 и событиями в Центральной Америке эти движения приобрели неожиданную динамику, которая, казалось, ставила под вопрос существование самой системы.

В этой обстановке политическая элита разработала политику, направленную на то, чтобы попытаться выбить почву из-под ног оппозиции. Эта политика, по словам Р.Целика, удивительным образом напоминала политику президента Пастраны: пока президент Б.Бетанкур (1982–1986) вел мирные переговоры с партизанами, формировались локальные союзы из представителей влиятельных партий, крупных землевладельцев, промышленников, военных и наркобаронов, чтобы вести борьбу с оппозицией противозаконными методами. К армии были «приписаны» полугосударственные формирования, что принесло определенные выгоды: «привязку» населения к армии, усиление территориального контроля в антипартизанской войне и «разгрузку» армии от акций, которые нанесли бы серьезный ущерб ее репутации. Парамилитаристские формирования взяли на себя операции, которые при военных диктатурах непосредственно осуществлялись армейскими подразделениями: похищение деятелей оппозиции и убийства.

К этому добавилась «политика» массовых репрессий, с помощью которой население насильственными методами изгонялось из районов, которые либо находились под влиянием партизан, либо представляли экономический интерес для элит. В результате за два с лишним десятилетия, прошедших со времени образования парамилитаристских формирований, в стране появились миллионы внутренних беженцев, разогнаны многочисленные общественные организации, население деполитизировано, заметно возросла концентрация земель в ходе осуществления своего рода антиаграрной реформы (88).

Исследователи обращают внимание на то, что парамилитаристские формирования часто находились не только под неофициальным руководством колумбийской армии, но и были тесно связаны с наркоторговцами. Эта связь возникла по двум соображениям. Во-первых, наркоденьги играли ключевую роль в финансировании незаконных частных формирований, которые финансируются отнюдь не из государственной казны. Во-вторых, «мафиозный имидж» парамилитаризма давал возможность государству представлять себя перед национальной и международной общественностью жертвой экстремизма и криминала. Главным виновником нарушения прав человека становится наркобизнес, что, в свою очередь, оправдывает усилия государства по наращиванию «мускулов» репрессивного аппарата. Возникало, таким образом, своеобразное разделение «труда». В то время как государство блюло свой «демократический» имидж, парамилитаристы, защищавшие интересы капитала и им финансировавшиеся, «гарантировали» «нормальное функционирование» общества, облегчали доступ к ресурсам и «дерегулировали» рынок труда, исключая из этой сферы деятельности профсоюзы (88).

Однако Вашингтон попросту игнорирует исторические условия возникновения насилия в Колумбии и существо дела, произвольно возводя в ранг террористической деятельности политически мотивированные партизанские движения и обычную уголовную преступную деятельность наркокартелей. Спекулируя на обоснованном неприятии мировой общественностью террористической деятельности ряда экстремистских группировок, Вашингтон стремится использовать эти настроения для оправдания своей борьбы в первую очередь с политически мотивированными партизанскими движениями, которые выступают за коренное переустройство общества. В Латинской Америке это, прежде всего, ФАРК и ЭЛН, а также Сапатистское движение в Мексике.

Прикрываясь необходимостью борьбы с «международным терроризмом», Вашингтон из года в год расширял свое военное присутствие в

регионе. Прекрасной иллюстрацией тому служит деятельность Южного Командования США (СаутКом), «зона ответственности» которого включает 32 страны, в том числе 19 в Центральной и Южной Америке и 19 в Карибах. В 1997 г. зона ответственности СаутКом была расширена за счет включения в нее Карибского моря, Мексиканского залива и части Атлантического океана. Одна из задач СаутКом состоит в том, чтобы создать такую архитектуру безопасности, которая позволит наиболее эффективным образом вести войну с терроризмом. С этой целью СаутКом стремится налаживать и/или совершенствовать отношения в сфере обороны и возможности стран-партнёров, включая оперативное взаимодействие, а также развивать региональное сотрудничество, чтобы отвечать на разнообразные транснациональные вызовы, грозящие региону.

И в этом направлении США удалось достигнуть определенных успехов. Удалось, например, создать достаточно разветвленную военную инфраструктуру. В нее входят 17 радарных станций, коллективные военные базы в Манта (Эквадор), Комалапа (Сальвадор), на островах Аруба, Кюрасао, а также военные базы США в Гуантанамо (Куба) и Сото Кано (Гондурас).

На этих базах размещено примерно 8500–10500 тыс. военнослужащих. В это число не входят американские военнослужащие и контрактники (800 человек), которые осуществляют подготовку колумбийских подразделений (17).

Одной из важнейших задач СаутКом, в особенности после объявления войны «международному терроризму», стала подготовка военнослужащих и полицейских из 33 латиноамериканских государств. Подготовка осуществлялась как в США, так и в Латинской Америке. За 1999–2003 гг. было подготовлено в общей сложности 72,5 тыс. военнослужащих. При этом имел место заметный рост «пропускной способности» американских учебных центров: если в 1999 г. подготовку прошли около 14 тыс. военнослужащих, то в 2003 г. – около 23 тыс. Основной контингент «призыва» 2003 г. составили колумбийцы (почти 13 тыс.) и боливийцы (2 тыс.) (17).

Соответственно увеличились и финансовые ассигнования на военную помощь латиноамериканским странам, которые стали быстро расти с середины 90-х годов. В 1996 г. они составляли 161 млн. долл, в 2004 г. – 862 млн. долл. (оценка), а на 2005 г. было запрошено 867 млн. долл. (17).

В своем ежегодном отчете Конгрессу США в марте 2004 г. начальник СаутКом генерал Дж.Хилл поведал конгрессменам о том, что

огромные средства, вложенные американским правительством в План Колумбия за последние три с лишним года, «начали приносить дивиденды», имея в виду, что колумбийское правительство достигло «впечатляющего прогресса в борьбе с наркотерроризмом и возвращении в ряды мирных, спокойных и безопасных государств» (17).

Параллельно Вашингтон активизировал дипломатическую деятельность с целью вовлечь в свою войну с «международным терроризмом», который якобы угрожает не только США, но и всему Западному полушарию, и страны Латинской Америки. И в этом ему удалось добиться определенных успехов.

В июле 2003 г. вступила в силу Межамериканская конвенция по борьбе с терроризмом, которую к середине 2004 г. ратифицировали 7 латиноамериканских стран (Антигуа и Барбуда, Венесуэла, Мексика, Никарагуа, Панама, Перу, Сальвадор). Вашингтону удалось также наладить активное сотрудничество в рамках контртеррористического «диалога три плюс один», в котором, помимо США, участвуют Аргентина, Бразилия и Парагвай. Целью этого «диалога» является «оздоровление» обстановки в районе, расположенном на стыке границ трех вышеназванных южноамериканских стран, районе, который, по мнению Вашингтона, является убежищем для исламских террористов. В результате в 2003 г. стороны подписали соглашение о сотрудничестве в организации специальных совместных подразделений по охране границ и контроле за финансовыми потоками.

Активно развивалось также сотрудничество с латиноамериканскими странами в борьбе с «международным терроризмом» на двусторонней основе. В документе, подготовленном госдепартаментом (апрель 2004 г.), отмечалось, что страны Латинской Америки демонстрируют желание бороться с терроризмом. Вместе с тем отмечалось, что не все страны предпринимают необходимые усилия для совершенствования антитеррористического законодательства, повышения операционных возможностей специальных подразделений и аналитических служб. Тем не менее страны региона, по оценке госдепартамента, «энергично укрепляют границы и финансовый контроль, чтобы предупреждать или разрушать террористическую деятельность на своих территориях с максимально возможной эффективностью» (58)

Не обошлось и без выражения недовольства, которое целиком пало на голову Венесуэлы. В документе в частности отмечалось, что «участие Венесуэлы в международной борьбе против терроризма в 2003 г.

было не очень существенным. Публичная критика Уго Чавесом и его ближайшими сотрудниками американской антитеррористической политики продолжала затруднять ограниченное сотрудничество, которое существует между специалистами двух стран». Госдепартамент упрекнул У.Чавеса в его идеологической близости и сочувствии к ФАРК и ЭЛН, что, по мнению госдепартамента, ограничивало сотрудничество с Колумбией в борьбе с «терроризмом». Правительство Венесуэлы упрекалось чуть ли не в сотрудничестве в партизанскими движениями в Колумбии: «Венесуэла не хочет или не в состоянии вести систематическое наблюдение за 1400-мильной границей с Колумбией. ФАРК и ЭЛН часто используют пересечение границы и укрываются на территории Венесуэлы. Кроме того, оружие и амуниция (часто с государственных складов) продолжают поступать от венесуэльских поставщиков в руки террористических организаций. Непонятно, в какой степени правительство Венесуэлы одобряет или снабжает материалами колумбийских террористов и на каком уровне. Неэффективны также усилия Венесуэлы по охране своей границы и перехвату потоков оружия террористическим группам».

Нетрудно заметить, что все обвинения в адрес правительства Венесуэлы в пособничестве «колумбийским террористам» бездоказательны и построены на предположениях и догадках.

Критике госдепартамента подверглось законодательство Венесуэлы, которое, по мнению госдепартамента, якобы не выделяет особо терроризм в качестве преступной деятельности (58).

Одним из инструментов формирования приемлемой для Вашингтона обстановки в Латинской Америке является политика «распространения демократии», «защита» «прав человека» от посягательств со стороны «тоталитарных» режимов. Эта политика во все времена носила откровенно демагогический характер и широко использовала систему «двойных стандартов», что подтверждается многочисленными действиями Вашингтона не только в Латинской Америке, но и в других регионах мира. Причём в ряды «врагов» демократии зачислялись не только отдельные политические движения и партии, но и правительства суверенных стран, которые «угрожали» или «мешали» Вашингтону реализовывать планы «строительства» «стабильных», «процветающих» и «демократических» обществ там, где это отвечало интересам США.

Не миновали «забот» Вашингтона и латиноамериканские страны. Убедительным примером подлинного отношения Вашингтона к демократическим ценностям явилась поддержка Вашингтоном военного перево-

рота в Чили в сентябре 1973 г. с целью свержения демократически избранного президента С.Альенде. Не менее убедителен и пример поддержки Вашингтоном государственного переворота в Боливии в 1981 г., организованного «наркогенералом» Л.Гарсиа Месой (49).

Активную политику «демократического миссионерства» американских президентов продолжил Дж.Буш-младший. О намерении США содействовать повсеместному насаждению демократии было заявлено в первых же строках Стратегии национальной безопасности (СНБ): «Великие битвы двадцатого века между свободой и авторитаризмом закончились решительной победой сторонников свободы и единственной надежной модели достижения национального успеха, предполагающей свободу, демократию и свободное предпринимательство. В двадцать первом веке только те государства будут в состоянии раскрепостить потенциал своих народов и обеспечить их будущее процветание, которые разделяют приверженность к соблюдению фундаментальных прав человека и обеспечивают политическую и экономическую свободу. Люди, где бы они ни жили, хотят иметь возможность свободно высказываться; выбирать тех, кто будет управлять ими; поклоняться, кому они пожелают; воспитывать своих детей; обладать собственностью и пользоваться результатами своего труда. Эти ценности свободы необходимы для каждого человека, для каждого общества; обязанность защищать эти ценности от их врагов – долг всех свободлюбивых людей всей планеты и всех возрастов». В связи с этим администрация США обязалась: «честно говорить о нарушениях неотъемлемого права на человеческое достоинство, высказывая свое мнение и используя право голоса в международных организациях для продвижения дела свободы; использовать свою внешнюю помощь, чтобы содействовать свободе и поддерживать тех, кто борется за нее ненасильственными методами, гарантируя, что нации, продвигающиеся к демократии, будут вознаграждаться за шаги, сделанные в этом направлении; сделать свободу и строительство демократических институтов ключевыми темами двусторонних отношений, стремясь к солидарности и поддержке со стороны других демократий в тех случаях, когда мы будем оказывать давление на правительства, отвергающие право людей двигаться в сторону лучшего будущего; предпринимать особые усилия для обеспечения права на свободу вероисповедания и свободу совести и защищать их от посягательств репрессивных правительств. Мы будем бо-

роться за соблюдение человеческого достоинства и противодействовать тем, кто препятствует этому».

Администрация США запланировала активно работать в деле «распространения демократии» и в Латинской Америке. В СНБ на этот счёт было сказано, что США «сформировали гибкую коалицию со странами, которые разделяют их приоритеты, в частности, с Мексикой, Бразилией, Канадой, Чили и Колумбией». «Вместе мы будем содействовать строительству подлинно демократического Западного полушария, в котором наша интеграция укрепит безопасность, обеспечит процветание, расширит возможности и укрепит надежды на лучшее будущее», говорилось далее в документе.

Слова о решимости США бороться за укрепление демократии и соблюдение прав человека многократно на разные лады повторялись во время многочисленных визитов в латиноамериканские страны президентом Дж. Бушем и высокопоставленными членами его администрации. Пересказывать их нет необходимости. Для того, чтобы составить представление о степени подлинной приверженности США к демократии, полезнее обратиться к практической деятельности администрации в тех сферах ее деятельности, которые прямо или косвенно связаны с укреплением демократии и демократических институтов в Латинской Америке.

В этом плане наиболее показательным примером могут служить американо-венесуэльские отношения в период президентства Дж.Буша.

Напряженность в отношениях между Вашингтоном и Каракасом возникла в конце 90-х годов после избрания на пост президента Венесуэлы Уго Чавеса. Провозглашенная У.Чавесом «Боливарианская революция» связывалась с наследием Симона Боливара и обещала поднять уровень жизни населения и вернуть достоинство венесуэльскому народу. «Боливарианская революция» стала, по словам американских исследователей С.Эллнера и Ф.Розена, «националистическим ответом на процесс неолиберальной глобализации, которая увеличила пропасть между богатыми и бедными в Венесуэле. Это был возвращающий достоинство ответ на коррупцию и неэффективность, которые характеризовали политический класс Венесуэлы» (31). У.Чавес бросил вызов привилегиям, коррупции и неэффективности прежнего режима, который был более не в состоянии «делать добро» венесуэльскому народу. Политика У.Чавеса вызвала сильное недовольство тех, кто пострадал от произошедших в стране перемен, и привела к «беспрецедентной напряжённости» в стране.

В Вашингтоне сильное недовольство вызвала независимая внешняя политика У.Чавеса, который бросил вызов глобальной политике США в нескольких регионах. Во-первых, на Ближнем Востоке, в Персидском заливе и Северной Африке. Правительство У.Чавеса укрепило ОПЕК и отношения с Ираком, Ираном и Ливией, пробив брешь в организованном США бойкоте ливийского режима. Во-вторых, в Азии, поскольку У.Чавес выступил против военной интервенции США в Афганистан. В-третьих, У.Чавес выступил против Плана Колумбия и милитаризации противоповстанческой стратегии США; не разрешил американским самолетам совершать разведывательные полеты над венесуэльской территорией; высказался против незамедлительного вступления в силу договора о ФТАА; наладил тесные отношения с Кубой и предложил свое посредничество в переговорах между повстанцами и правительством Колумбии.

Чашу терпения Вашингтона переполнил, по словам известного американского исследователя Дж.Петраса, отказ У.Чавеса поддержать «крестовый поход тандема Буша – Рамсфелда за установление мирового господства», имея в виду «войну против международного терроризма». В октябре 2001 г. в период наиболее интенсивных бомбардировок Афганистана У.Чавес вызвал раздражение своим заявлением о том, что «с террором нельзя бороться с помощью террора» (31). В отношениях между странами возник кризис, который привел к временному отзыву американского посла в Вашингтон «для консультаций» и посылке в Каракас делегации высокопоставленных чиновников госдепартамента, которые, замечает Дж.Петрас, «выступили с угрозами в адрес У.Чавеса в стиле, свойственном скорее мафиози, нежели карьерным дипломатам». По словам советников У.Чавеса, посланцы Вашингтона без обиняков заявили, что «он дорого заплатит за свою оппозицию президенту Бушу» (61; 62).

Угрозы, высказанные американскими дипломатами, стали, по существу, объявлением войны президенту и правительству Венесуэлы. Возвратившийся вскоре после этого посол США Донна Гринак потребовала «объяснений» от министра иностранных дел Венесуэлы и недвусмысленно выразила свои симпатии венесуэльской оппозиции. Позднее Д.Гринак заявила о необходимости «демократических перемен» в Венесуэле. Венесуэльский издатель Т.Петкофф прокомментировал это заявление следующим образом: «Когда американское посольство выступает за демократические перемены, то акцент делается не на демократии, а на переменах» (31).

Дальнейшее развитие событий в стране полностью подтвердило слова журналиста. «Акцент», сделанный американским послом, был хорошо понят венесуэльской оппозицией. В борьбе против У.Чавеса объединились старейшие политические партии – Демократическое действие (ДД) и Социально-христианский союз (КОПЕЙ), проигравшие на президентских выборах 1998 г., Промышленная палата Венесуэлы (ФЕДЕКАМАРАС), католическая церковь, большинство средств массовой информации (СМИ) и близкая к ДД Конфедерация трудящихся Венесуэлы (КТВ). Уже 10 декабря 2001 г. ФЕДЕКАМАРАС совместно с КТВ призывали к всеобщей однодневной забастовке, и после этого демонстрации с требованием отставки У.Чавеса стали фактически повседневым явлением.

Стратегия, разработанная США, предусматривала несколько фаз и планировала атаки на режим У.Чавеса как на внутреннем, так и на внешнем фронтах.

Первая фаза конфликта включала дестабилизацию экономики посредством хорошо скоординированных акций лояльных США бизнесменов и специалистов, а также руководителей правых профсоюзов. Целью этих акций являлась мобилизация оппозиционных кругов общественности и сосредоточение внимания СМИ на обстановке нестабильности в стране, препятствуя, таким образом, притоку капитала не очень политизированных инвесторов, которые, тем не менее, могли бы проявить осторожность, опасаясь уменьшения прибылей из-за возможного возникновения конфликтной ситуации. СМИ начали систематическую кампанию, нацеленную на свержение режима У.Чавеса, выступая за насильственный захват власти. Протесты правительства и общественности против подстрекательской деятельности СМИ дали Вашингтону возможность организовать, в частности через контролируруемую им Ассоциацию межамериканской печати, международную кампанию против «нарушения свободы слова».

Вторая фаза стратегии администрации Дж.Буша состояла в переходе от дестабилизации обстановки непосредственно к военному перевороту. Эта фаза предусматривала два этапа. Во-первых, мобилизацию американской разведки, отставных венесуэльских офицеров и так называемых «диссидентов» среди действующих офицеров из наиболее враждебно настроенных по отношению к режиму У.Чавеса родов войск (в случае Венесуэлы это Военно-воздушные силы и Военно-морской флот). Замысел состоял в том, чтобы форсировать политическую дискуссию в воен-

ном командовании, спровоцировать политических единомышленников в офицерском корпусе на выступление в защиту уволенных из армии офицеров, усилить алармистские нотки в публикациях СМИ и высказываниях предпринимателей по поводу «нестабильности» и неизбежного падения У.Чавеса, стимулируя бегство капитала.

Замысел второго этапа состоял в том, чтобы побудить офицеров авиации и флота оказать давление на армию – основную опору У. Чавеса, чтобы найти в ней союзников, нейтрализовать аполитичных офицеров и изолировать лояльных У.Чавесу. Стратегия двух фаз должна была завершиться военным переворотом при активной поддержке США, в результате которого к власти пришла бы «временная военно–гражданская хунта» (61;62).

Опираясь на своих сторонников в Венесуэле, Вашингтон параллельно реализовывал «стратегию внешнего давления». Госсекретарь К.Пауэлл публично клеймил У.Чавеса как сторонника авторитарной власти и, вместе с МВФ, открыто высказывался за создание «переходного правительства», что выглядело не чем иным, как откровенной поддержкой заговорщиков. 5 февраля 2002 г. К.Пауэлл, выступая в Комитете по внешним сношениям Сената США, выразил сожаление «по поводу некоторых действий президента Венесуэлы Чавеса и непонимания им того, что вообще представляет собой демократическая система».

Активное участие (явное или скрытое) в подготовке переворота принимали и другие официальные лица из администрации США, в том числе посол Д.Гринак, директор ЦРУ Дж.Тенет, помощник госсекретаря по делам Западного полушария О.Рич, бывший посол США в Венесуэле при администрации Р.Рейгана (28). Желание поторопить события и оправдать действия заговорщиков дошло до того, что один из представителей администрации США незадолго до военного переворота откровенно заявил, что хотя У.Чавес и был «демократически избран», следует иметь в виду, что «легитимность – это нечто такое, что соотносится не только с большинством голосов» (72).

Инспирируемый США военный переворот произошёл 11 мая 2002 г. Однако заговорщики продержались у власти всего четыре дня. 14 мая У.Чавес при поддержке лояльных частей армии и после массовых уличных демонстраций вновь занял пост президента Венесуэлы.

Неудача не охладила пыл «поборников демократии» в США и в Венесуэле любыми путями добиться отстранения У.Чавеса от власти. Разъясняя подлинные причины упорного стремления Вашингтона добиться смещения

У.Чавеса с поста президента, член венесуэльского правительства М.Бустаманте–Мадрис сказал: «Америка не может позволить нам остаться у власти. Мы являемся исключением в новом глобальном порядке. Если мы добьемся успеха, мы станем примером для всей Америки» (72). Подобно Гватемале при Х.Арбенсе и Чили при С.Альенде, Венесуэла, сказал он, стремится использовать свои богатства для реализации «широких социальных программ поддержки рабочих и крестьян», что в случае успеха могло бы стать «мощным пропагандистским оружием» против «высших слоев и крупного иностранного капитала», а также заразить своим примером народы других латиноамериканских стран, где существуют подобные условия (72).

Нет возможности проследить за всеми перипетиями этой борьбы за время, прошедшее с момента провала попытки военного переворота. Скажем лишь о том, что Вашингтону и венесуэльской оппозиции не удалось и попытка сместить У.Чавеса путем проведения референдума относительно его дальнейшего пребывания на посту президента, на который они возлагали большие надежды. Несмотря на мощную антипрезидентскую кампанию, развязанную Вашингтоном и оппозицией, более половины (59,4%) граждан, участвовавших в референдуме 15 августа 2004 г., высказалось за то, чтобы У.Чавес остался на посту президента.

Как и предполагали аналитики ещё до проведения референдума, оппозиция отказалась признать его итоги и обвинила правительство в мошенничестве. Не смирились с поражением и в Вашингтоне, где продолжают вынашивать планы отстранения У.Чавеса от власти и ликвидации «Боливарианской революции», рассматриваемой в качестве «реального шага к разновидности социализма, поддерживаемого многими европейскими странами» (24).

Политика администрации Дж.Буша в отношении Венесуэлы вызвала резкую критику не только в Латинской Америке, но и в США. Мы коснемся лишь тех аспектов, которые связаны с рассматриваемой нами деятельностью Вашингтона по «распространению демократии» в Западном полушарии.

В Латинской Америке, замечают американские исследователи Ф.Морено и А.Морено, США подвергли критике не за то, что они были против У.Чавеса, а скорее за то, что они «стали виновниками очевидного незаконного акта». Правящие круги Латинской Америки, так же как и США, не испытывают симпатий к У.Чавесу. Но ещё меньше они хотели бы возвращения во власть военных, возврата к военному правлению. Между тем действия Вашингтона в Венесуэле против законно избранно-

го президента возродили опасения по поводу возможного возврата к практике насаждения угодных ему военных режимов.

Критика политики Дж.Буша в отношении Венесуэлы имела место и в США. Суть ее сводилась к тому, что политика Вашингтона в этой стране явилась «опасным сигналом, свидетельствующим о слабой приверженности США к демократическим ценностям». По мнению американского исследователя К.Юнгера, «американская позиция по отношению к Чавесу, а также вмешательство в избирательные кампании в Никарагуа, Боливии и Бразилии в пользу или против определенных кандидатов недвусмысленно говорят о том, что Вашингтон поддерживает электоральную демократию только в том случае, если побеждает его кандидат» (87).

Эта констатация лишний раз подтверждает уже давно известную истину о том, что демонстрируемая Вашингтоном «приверженность к демократии» являет собой образчик редкостного лицемерия. В арсенале Вашингтона заклинания о «свободе», «демократических ценностях» и «правах человека», как и практика «распространения демократии», давно превратились в один из инструментов давления и дестабилизации политических режимов в неугодных ему странах. Этот инструмент неоднократно с успехом применялся в Латинской Америке всякий раз тогда, когда в тех или иных странах региона возникала угроза позициям и интересам США. И ничто не говорит о том, что Вашингтон откажется от использования этого средства давления в обозримом будущем, несмотря на высокопарную риторику о намерении построить в Западном полушарии «демократическое сообщество». Хотя подпись Вашингтона стоит под немалым числом документов регионального характера, в которых они торжественно обязались уважать принципы демократии и невмешательства в дела суверенных государств, все эти обязательства забывались, когда дело касалось обеспечения эгоистических интересов США. И это происходило не только в Латинской Америке, но и во всех регионах мира.

Лицемерие, «двойные стандарты» в подходе Вашингтона в вопросах, касающихся соблюдения принципов демократии, признают не только многие политики и исследователи в Латинской Америке, но и в США. Позволим себе в этой связи процитировать слова профессора политологии Университета Сан-Франциско Р.Элиаса, которые, на наш взгляд, довольно точно характеризуют подлинные цели международной политики США. «Америка, пишет Р.Элиас, часто говорила, что цель ее внешней

политики – сделать мир безопасным для демократии. Однако гораздо больше примеров того, что наша внешняя политика действовала в противоположном направлении, делала наоборот. Возможно, это потому, что подлинная цель нашей внешней политики состояла в том, чтобы сделать мир безопасным для капитализма и для США, чтобы контролировать как можно большую часть мира, формируя его по американским образцам. В этом отношении наша политика действовала очень успешно» (30).

В рамки этой политики укладывается и политика Вашингтона в отношении Кубы, к краткому рассмотрению которой мы и перейдем.

Вот уже четыре с лишним десятилетия Вашингтон рассматривает Кубу как самую серьезную «угрозу» национальной безопасности США на латиноамериканском направлении. За время, прошедшее с момента установления жесткой политической и экономической блокады Кубы (1960), Вашингтоном было предпринято немало усилий для того, чтобы ослабить и ликвидировать существующий на Кубе социалистический строй. В апреле 1961 г. дело дошло до организованного ЦРУ вооруженного вторжения кубинских наемников на остров, завершившегося их полным разгромом.

Потерпев неудачу в попытке устранить военным путем негодный ему режим, Вашингтон встал на пути экономического и политического давления на Кубу, ее изоляции в Латинской Америке, используя систему межамериканских организаций и послушные ему правительства ряда латиноамериканских стран.

Политика Вашингтона в отношении Кубы не изменилась и после завершения «холодной войны», хотя, по мнению многих политиков и исследователей, в том числе и американских, изолированная и экономически ослабленная Куба не представляла для США никакой сколько-нибудь серьезной угрозы. Политику жесткой блокады Кубы продолжила и администрация Дж.Буша-младшего. Уже само назначение Дж.Бушем помощником государственного секретаря по делам Западного полушария О.Рича (кубинский эмигрант, ярый противник социалистического строя на Кубе) свидетельствовало об усилении в администрации позиций самых непримиримых противников политического режима на Кубе. Одним из следствий стало увеличение средств на ведение радио- и телепропаганды, а также на поддержку неправительственных организаций и групп, оппозиционных кубинскому режиму. Администрация Вашингтона выступила также с предупреждением о том, что наложит вето на любой закон, который мог бы привести к смягчению эмбарго. Используя в каче-

стве предлога жесткие меры правительства Кубы по пресечению антигосударственной деятельности различных диссидентских групп, Вашингтон ограничил свободу передвижения кубинских дипломатов по территории США.

Известные события 11 сентября 2001 г. и начало Вашингтоном войны против Ирака стали еще одним поводом для дальнейшего ужесточения позиции в отношении Кубы. Ещё до этих событий Куба, по инициативе администрации У.Клинтона, была внесена в список так называемых «государств–изгоев», и в соответствии с новой парадигмой безопасности США стала одним из объектов жёстких нападков со стороны Вашингтона.

После 11 сентября Куба, наряду с Ираном, Ираком, Ливией и КНДР, попала и в список «государств–спонсоров терроризма», хотя непосредственно после этих событий она ратифицировала все 12 международных Конвенций по борьбе с терроризмом. Поводом для квалификации Кубы как государства, оказывающего поддержку террористической деятельности, послужило предполагаемое предоставление Кубой убежища колумбийским партизанам, а также членам баскской ЭТА и ирландской ИРА. Куба подверглась нападкам Вашингтона и за то, что она якобы не поддерживает США, ведущих войну против международного терроризма, что будто бы кубинские агенты препятствовали расследованию событий 11 сентября (56).

Список обвинений в адрес Кубы пополнил госдепартамент, заявивший о ее технической способности разрабатывать биологическое оружие. В мае 2002 г. государственный секретарь США Дж.Болтон в своем выступлении в Фонде Наследия утверждал, что Куба осуществляет программу по созданию биологического оружия и способна передать «технологии двойного назначения» другим «государствам-изгоям». Впрочем, позднее министр обороны США К.Пауэлл несколько смягчил это утверждение. Окончательно вопрос о работах по производству биологического оружия был снят во время визита на Кубу бывшего президента США Дж.Картера, которому дали возможность ознакомиться с работами кубинских специалистов в области биотехнологии.

По мнению немецкого исследователя Д.Нольте, принадлежность Кубы к «государствам, спонсирующим терроризм», не исключает угрозы военной интервенции со стороны США, хотя в апреле 2003 г. секретарь госдепартамента Д.Рамсфелд заверил в том, что такие планы не существуют (56).

Откровенно враждебная политика США в отношении Кубы уже давно вызывает неприятие и недовольство не только ряда государств Латинской Америки, где она пробуждает болезненные воспоминания о бесцеремонном вмешательстве Вашингтона в их внутренние дела. Кубинская политика подвергается критике и в во многих европейских государствах, которые длительное время квалифицировали ее как «анахроническую», как «реликт холодной войны», как «иррациональную» и «контрпродуктивную».

Тем не менее продолжает действовать ряд факторов, которые в обозримом будущем вряд ли приведут к смягчению политики Вашингтона в отношении Кубы.

По справедливому замечанию немецкого исследователя Б. Хоффмана, политика Вашингтона не является «нерациональной», скорее, она руководствуется другими соображениями и другими интересами, которые не совпадают с соображениями и интересами европейских и ряда латиноамериканских стран.

Во-первых, дают о себе знать «воспоминания о прошлом», о том времени, когда США считали Кубу своей фактической вотчиной. Еще задолго до «холодной войны» и кубинской революции США довольно открыто выражали претензии на этот остров. И хотя окончание «холодной войны» положило конец «блоковому мышлению», представления о «сферах влияния» продолжают существовать. Вне всякого сомнения, политический истеблишмент США хочет, как и прежде, рассматривать находящийся в 90 милях от американского побережья остров частью своей сферы влияния. Очевидным подтверждением тому, помимо прочего, является так называемый «закон Хелмса – Бертона», принятый в 1996 г. американским Конгрессом США. Он предусматривает не только жесткое экономическое эмбарго (из-за чего возникли серьезные разногласия с Европейским союзом), но и выражает претензии на право оказывать влияние на политические отношения на Кубе даже и после окончания «эры Фиделя Кастро» (36).

Во-вторых, сказывается продолжающийся идеологический конфликт. «Холодная война» закончилась, но не закончились споры о том, что считать «правильной» политической системой. Известно, что установление и сохранение капиталистического строя и многопартийной демократии, в особенности в Западном полушарии, является одной из главных целей внешней политики США. Отсутствие таковых (по мнению Вашингтона) также может служить основанием для политического дав-

ления, причем не исключается и военная интервенция (пример тому Гаити).

Впрочем, хорошо известно, что обвинения в отсутствии «демократии» и нарушении «прав человека» используются Вашингтоном селективно, в соответствии с собственными интересами США. При необходимости США могут не обратить на это никакого внимания. Так, сохраняя эмбарго против Кубы, США предоставили режим наибольшего благоприятствования коммунистическому Китаю. Причина понятна – Китай, рынок почти с полутора миллиардами потребителей, требует совсем иного обхождения, чем Куба с 11 миллионами покупателей. Ясно, что в случае с Кубой верх берут политические интересы.

В-третьих, нельзя не учитывать также большое влияние Кубы на страны и народы Латинской Америки в качестве примера небезуспешного сопротивления американскому гегемонизму в регионе, модели реального альтернативного социального развития латиноамериканских обществ, прямо противоположной модели «неолиберальной колонии» (61;62). Отсюда сильное влияние в кубинской политике США сторонников довольно жесткой линии в отношении Кубы, выступающих, в отличие, например, от европейцев, не за «мягкое приземление» кубинского режима, то есть за его постепенную трансформацию, а скорее за его «безоговорочную капитуляцию» (61;62).

В-четвертых, сильное влияние на политику Вашингтона в отношении Кубы оказывает почти полуторамиллионная кубинская эмиграция, в большинстве своём занимающая враждебную позицию по отношению к коммунистическому режиму на острове.

Политику своих предшественников в отношении Кубы унаследовала и администрация Дж.Буша-младшего.

Выступая в аудитории Фонда Наследия, О.Рич, по существу, определил характер кубинской политики новой администрации. Он заявил, в частности, что «ни одна дискуссия, касающаяся безопасности в Западном полушарии, не может быть полной без упоминания о проявлении режимом Кастро постоянной враждебности демократии. Диктатура Кастро – это один из последних сохранившихся на планете тоталитарных режимов, и его жестокие репрессии против инакомыслящих не ослабевают» (64).

Не удивительно, что Куба, по словам американского исследователя Дж.Петраса, занимает первое место в списке врагов США. Администрация Дж.Буша «приклеила» Кубе ярлык военной цели как составной

части «оси зла», которая может подвергнуться военной интервенции. Возможно, подчеркивает Дж.Петрас, это и произошло бы, если бы Куба не обладала наиболее подготовленными из всех стран «третьего мира» вооруженными силами и великолепной системой безопасности, если бы не поддержка режима со стороны миллионов кубинцев. Столь явную враждебность Д.Петрас объясняет тем, что Куба являет собой реальную альтернативу «региональной неолиберальной колонии», выражает свою солидарность со всеми антиглобалистскими силами и выступает с критикой всех имперских проектов США в Азии, на Ближнем Востоке и в особенности в Западном полушарии (61).

Вместо заключения: Были бы возможны существенные перемены в латиноамериканской политике США в случае прихода в Белый дом президента-демократа?

Латиноамериканская политика Дж.Буша не единожды подвергалась критике в период его президентства. В числе критиков были представители прежней администрации, конгрессмены, генералы, представители научных кругов и журналисты.

В период предвыборной борьбы за пост президента США ряды критиков Дж.Буша пополнил кандидат на пост президента от Демократической партии Джон Керри. По свидетельству американских журналистов, Дж.Кэрри был отнюдь не новичком в латиноамериканских делах. Они напомнили американским избирателям о некоторых эпизодах биографии кандидата, связанных с его участием в событиях, касающихся Латинской Америки. В частности, о позиции Дж.Кэрри в период бурных событий 80-х годов в Центральной Америке, когда в некоторых странах этого региона шли гражданские войны. За свое активное участие в них он и группа его единомышленников (в нее входили несколько членов Конгресса США), получили от республиканцев прозвище «дорогие команданте демократы». Предлогом для этого стало письмо, которое они намеревались адресовать Даниэлю Ортеге, лидеру никарагуанских революционеров, имевшему звание «команданте».

В апреле 1985 г. Дж.Кэрри в сопровождении нескольких своих единомышленников совершил поездку в Никарагуа, организованную Институтом политических исследований, чтобы встретиться с Д.Ортегой. Визит в Никарагуа состоялся за несколько дней до голосования в Конгрессе США по вопросу об оказании помощи никарагуанским «контрас».

Объясняя мотивы своего визита в Никарагуа, Дж.Кэрри сказал, что они вместе с сенатором Т.Харкином «отправились в Никарагуа в качестве ветеранов войны во Вьетнаме, обеспокоенных тем, что администрация Рейгана повторяет ошибки, которые мы (имеются в виду США. – Авт.) сделали во Вьетнаме. Наша внешняя политика должна представлять демократические ценности, которые сделали нашу страну великой, а не дискредитировать их, финансируя терроризм в целях свержения правительств в других странах». (Стоит обратить внимание на то, что сенатор Дж.Кэрри квалифицировал, хотя и косвенно, деятельность никарагуанских «контрас», боровшихся с законной властью, как террористическую) (57).

Однако накануне выборов 2004 г. Дж.Кэрри был уже не «леваком», каким он был в 80-е годы. Для озвученной Дж.Кэрри латиноамериканской политики стали характерны смесь либерализма с жёсткостью, претендующей на то, чтобы обойти справа политику администрации Дж.Буша (57; 20).

Высказываясь по проблемам своей будущей политики в отношении Латинской Америки (в случае победы на выборах в ноябре 2004 г.), Дж.Кэрри, следуя правилам предвыборных кампаний, попытался не оставить камня на камне от политики своего конкурента в Западном полушарии. Давая общую оценку политики администрации Дж.Буша в Латинской Америке, он заявил, что она характеризовалась «небрежностью, отсутствием адекватной поддержки демократических институтов и неэффективной дипломатией». Он критиковал Дж.Буша за однобокость латиноамериканской политики, сосредоточившейся преимущественно на решении проблем взаимной торговли, а также за неспособность вести себя так, как ведёт себя «хороший сосед» (17, 56).

Выступая в июне 2004 г. перед Национальной ассоциацией латиноамериканцев, избранных и назначенных на официальные должности, Дж.Кэрри сказал, что «вместо того, чтобы быть хорошим соседом, Дж.Буш проигнорировал широкий круг злободневных проблем, в том числе политические и финансовые кризисы, быстро растущую безработицу и торговлю наркотиками» (там же).

В противовес «провальной» политике Дж.Буша претендент на пост президента призвал к оживлению и укреплению отношений с Латинской Америкой. Он предложил создать «новое Сообщество Америк», в котором «соседи будут заботиться о соседях», «вместе стремиться к общим целям» и «уважать друг друга». Исследователи обратили внимание на то, что повестка дня («Сообщество Америк»), предложенная Дж.Кэрри, пре-

дусматривала некоторые возможности для диалога относительно принципов и политики, на которых могло бы базироваться континентальное сообщество (16; 43).

Проект новой латиноамериканской политики, представленный лидером демократов, сразу же попал под огонь критики. Исследователи обратили внимание на то, что предложенная Дж.Кэрри формулировка (политика «доброе соседство») является только по названию повторением того, что до него предлагали Ф.Рузвельт и Дж.Кеннеди. Различие, по существу, состоит в том, что во времена Ф.Рузвельта провозглашение политики «доброе соседство» означало её противопоставление политике военных интервенций и оккупаций и начало десятилетия гораздо более спокойных отношений со странами Латинской Америки. Отход от практики прошлого крайне необходим и сейчас. Однако, считает Т.Бэрри, латиноамериканская политика Дж.Кэрри представляет собой, по большей части, только «набор банальностей» и незначительно отличается от политики, которую США осуществляли в регионе при президенте Дж.Буше.

Сходство с политикой действующей администрации особенно бросается в глаза, когда речь заходит об отношениях США с Кубой и Венесуэлой. В этих вопросах Дж.Кэрри, по мнению Л.Бернса, сотрудника независимой исследовательской организации Совет по делам Западного полушария, «похоже, старается обойти справа экстремистских региональных политиков в администрации Буша», к числу которых принадлежат «стареющие, но благоденствующие кубино–американские идеологи Южной Флориды и богатые венесуэльские эмигранты в Корал Гейблз». Его риторика в отношении Кубы и Венесуэлы, пишет Л.Бернс, «является напоминанием о бесплодной критике времён «холодной войны», которая ставит его в один ряд с такими идеологическими экстремистами, как Роджер Норвега в госдепартаменте и Отто Рич в Белом доме, творцами латиноамериканской политики в администрации Буша» (20).

Что касается Кубы, то Дж.Кэрри призвал к продолжению и даже интенсификации американской политики эмбарго, почти повсеместно признанной ошибочной. «Я занимаю довольно жесткую позицию, – заявил он, – по отношению к Кастро, потому что я думаю, что он остаётся одним из последних в мире приверженцев скрытной сталинистской политики». Дж.Кэрри признался в том, что он голосовал за принятие закона Хелмса–Бертон, предусматривавшего жесткое обхождение с компаниями, имеющими дело с Кастро» (20; 43).

Не менее жесткую политику Дж.Кэрри намеревался проводить и в отношении президента Венесуэлы У. Чавеса, который, по иронии судьбы, одно время принадлежал к числу его сторонников. Дж.Кэрри упрекает У.Чавеса в нарушении демократии в Венесуэле и поддержке колумбийских «наркотеррористов». Выступая по испаноязычному телевидению, Дж.Кэрри, явно охотясь за голосами американских «латинос», выразил опасения по поводу того, что «демократия в Венесуэле находится под угрозой», добавив при этом, что демократически избранный президент У.Чавес становится диктатором (35).

Однако, по мнению Л.Бернса, дело было не в состоянии демократии в Венесуэле, к которой прежде Дж.Кэрри не проявлял сколько-нибудь серьезного интереса. Дело совсем в другом. Вина У.Чавеса, оказывается, состоит в том, что «его тесные отношения с Фиделем Кастро вызвали серьезные сомнения в данном им обязательстве возглавлять подлинно демократическое правительство» (20).

Некоторые изменения Дж.Кэрри обещал внести и в торговую политику в регионе. В частности, Дж.Кэрри обещал заново провести переговоры относительно Договора о свободной торговле с Центральной Америкой, который США уже подписали с правительствами пяти центральноамериканских стран (44). Он также твердо обещал, что переговоры насчет зоны свободной торговли в Западном полушарии, как и все иные переговоры в будущем, будут включать положения, направленные на «сильную защиту труда и окружающей среды».

Предвыборные заявления Дж.Кэрри, пишет Т.Бэрри, недвусмысленно ставят его в ряд фритрейдеров, учитывая его поддержку всех крупных инициатив в этом направлении, включая Соглашение о североамериканской зоне свободной торговли. Однако как кандидат в президенты, Дж.Кэрри занял, по мнению Т.Бэрри, более гибкую позицию в вопросе о торговых соглашениях. Претендент считал, что растущая торговля с «нашими союзниками и соседями в Латинской Америке» будет «стимулировать рост и укреплять связи между нашими нациями». Апеллируя к американским рабочим, озабоченным ухудшением положения на рынке труда и стагнацией заработной платы, Дж.Кэрри заявлял, что «торговые соглашения, которые не помогают рабочим здесь у нас и в Латинской Америке, стоят не больше, чем бумага, на которой они написаны». Дж.Кэрри пытался заручиться поддержкой обеих сторон, участвующих в США в дебатах о глобализации, обещая проводить политику «содействия свободной и справедливой торговли» (16).

Завершая анализ латиноамериканской политики претендента на пост президента от Демократической партии, американские исследователи и политические обозреватели задавались вопросом, а стали бы лучше отношения между США и Латинской Америкой при администрации, возглавляемой президентом–демократом?

По мнению Т.Бэрри, администрация Д.Кэрри, при всех недостатках политического видения претендента, могла бы, по-видимому, привести к улучшению отношений между США и Латинской Америкой, если учитывать то, насколько они стали хуже при нынешней республиканской администрации.

Однако «политика доброго соседа» была бы благожелательно воспринята в Латинской Америке только в том случае, считает Т.Бэрри, если она привела бы к радикально новому подходу к отношениям между странами Западного полушария, как это произошло при Ф.Рузвельте в 30-е годы. Между тем повестка дня Дж.Кэрри, хотя и обещала улучшение отношений по сравнению с «плохой политикой доброго соседа» администрации Дж.Буша, все же является «поверхностной и лозунговой». Его видение «нового Сообщества Америк» «характеризуют осторожность, компромисс и преувеличения политика, а не сильного лидера или доброго соседа». Тем не менее, заключает американский исследователь, сталкиваясь с «перспективой продления еще на четыре года президентства “плохого соседа” и архиконсерватора Дж.Буша, Латинская Америка, как и весь остальной мир, по-видимому, приветствовала бы перемены в администрации США» (16).

Впрочем, американские избиратели уже сделали свой выбор в пользу Дж.Буша, одобрив тем самым и его политику в отношении Латинской Америки. Однако, если судить по высказываниям Дж.Кэрри, похоже, что и в случае появления президента–демократа в Белом доме радикальных изменений в латиноамериканской политике США не последовало бы. История отношений между США и странами Латинской Америки на протяжении более чем столетнего периода «сотрудничества» под вывеской панамериканизма показала, что при всех администрациях, даже при таком «хорошем соседе», каким представляют Ф.Рузвельта, во главу угла ставились, прежде всего, интересы северного соседа. И в этом смысле всякая «иная» латиноамериканская политика США, скорее всего, станет лишь очередным изданием «панамериканизма по-американски», понимаемого не иначе как «Америка для США».

Список литературы

1. Аграрный капитализм в Латинской Америке: Тенденции 60-х – 80-х годов. – М., 1990. – 183с.
2. Антасов М. В. Панамериканизм: Идеология и политика. – М., 1981. – 295 с.
3. Бобровников А. В., Теперман В. А., Шереметьев И. К. Латиноамериканский опыт модернизации: Итоги экономических реформ первого поколения. – М., 2002. – 278 с.
4. Глинкин А. Н. У истоков латиноамериканского единства // Подвиг Симона Боливара. – М., 1982. – С.52–104.
5. Давыдов В. М., Бобровников А. В., Теперман В.А. Феномен финансовой глобализации: Универсальные процессы и реакция латиноамериканских стран. – М., 2000. – 204с.
6. Зубок Л. И. Очерки истории США (1877–1918).–М.,1956. – 608с.
7. Иностранные банки в Латинской Америке в контексте структурных реформ и финансовой глобализации. – М., 2002. – 238с.
8. Интеграция в Западном полушарии на пороге XXI века. – М., 1999. – 300с.
9. История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918. – М., 1997. – 384 с.
10. История дипломатии. – М., 1965 – Т.111. – 802 с.
11. Красильщиков В.А. Опыт догоняющего развития: На примере стран Латинской Америки и Восточной Азии// Дис. д-ра экон. наук. – М., 2002. – 287 с.
12. Перспективы развития Латинской Америки в глобализирующемся мире (Первая четверть XXI века). – М., 2003. – 299с.
13. Amantagelo G. Andean regional initiative: A policy fated to fail.–Mode of access://http://www.fpif.org/vol6/v6n29andean_body.html 18.12.03.
14. Antecedentes del proceso del ALCA.–Mode of access://http://www.ftaa-alca.org/View_s.asp 25.12.03 – 10p.
15. Bacon D. Tratado de libre comercio – una década devastadora para los trabajadores.–Mode of access: //http://www.wartickle.html?id_01 12.03.
16. Barry T. A critique of Kerry’s Latin America Policy.–Mode of access://http://www.americaspolicy.org/briefs/2004/0407kerry_body.html 12.08.04.
17. Barry T. U.S. Southern Command confronts traditional and emerging threats.–Mode of access://http://www.americaspolicy.org/briefs/2004/0407militar_body.html 12.08.04.
18. Berg M. Diktator der Welt? Zwischen Monroedoktrin und Weltmission: Eine kleine Chronik der amerikanischen Interventionspolitik.–Mode of access://<http://www.zeit.de/2003/08/A-Interventionen> 23.04.04.
19. Beyhaut G. Süd – und Mittelamerika: Von der Unabhängigkeit bis zur Krise der Gegenwart – Frankfurt am Main, 1991. – 346 S.

20. Birns L. Disturbing mixed signals from senator Kerry's Latin America policy.–Mode of access://http://www.venezuelananalysis.com/articles.php?artno=1146 – 23.08.04.
21. Carranza M. E. Leaving the backyard: Latin Americas's European option // Internationale Politik u. Gesellschaft. – Bonn, 2004. – N2. – S.54–79.
22. Castañeda J.G. The forgotten relationship // Foreign affairs. – N.Y., 2003. – N3. – P.67–81.D
23. CEPAL. Globalización y desarrollo. – Brasilia, 2002. – 374 p.
24. CIA executives gathered in Santiago de Chile revealed in contingency plot to overthrow Venezuela's President Hugo Chavez Frias.–Mode of access://html://www.anti-imp.../text.php?language_id=22917&spes – 12.08.04.
25. Cuevas Cancino F. Del Congreso de Panama a la conferencia de Caracas, 1826–1954 – Caracas, 1955. –320p.
26. Dallanegra L. Hacia un consenso latinoamericano: Propuestas para el cambio.–Mode of access://http://www.geocities.com/luisdallanegra/Amlat/conslati.htm 05.08/04.
27. Daza Gamba E. ALCA: Profundizacion de la apertura y anexion a EE.UU.–Mode of access://http://www.ecoportel.net/content/view/full/21339 25.08.04.
28. Declaración de Nuevo Leon (Monterrey, Mexico,13.01.14).–Mode of access: // <http://www.oas.org/documents/Sp.PDF>.
29. Declaración ministerial (Octava reunión ministerial de comercio, Miami, EUA, 20.11.04).– Mode of access://http://www.ftaa–alca.org/Ministerials/Miami/ declaracion_s.asp 25.12.03.
30. Elias R. Terrorism and American foreign policy.–Mode of access://http://www.tanbou.com/2001/fall/USA Foreign PolicyElias.htm 23.04.04.
31. Ellner S., Rosen F. Venezuela's failed coup,the U.S.'role, and the future of Hugo Chávez.– Mode of access://http://www.fpif.org/papers/venezuela_body.html – 18.12.03.
32. Feinberg R., Rosenberg R. The Bush Administration in Latin America in 2: A mixed review//http://www.weber.ucsd.edu/phsmith/ bush_administration_in_latin_ame.htm 22.12.2003.
33. Financiamiento externo y deuda externa en America Latina y el Caribe en 1998.–Mode of access://http://www/lanic/utexas.edu/sela/docs/di5–2.htm 25.08.04.
34. Fryer W. Defining and refocusing US policy toward Latin America.–Mode of access://http://www.wtvi/wesley/uslapolicy.html 21.04.04.
35. Golinger E. John Kerry says Venezuela's Chavez is becoming a dictator//http://venezuela analisis/com/news/php?newsno=1265 – 23.08.04.
36. Hoffman B. Aus dem Norden nichts Neues? Der Fall Kuba als “intermestic affair” der US–Politik.–Mode of access:// <http://userpage.fu-berlin.de/berthoff/artikel/ adlaf2000.htm> – 23.01.04.
37. Hsing A. C. Bush's policy toward Latin America // Orbis. – Philadelphia, 2003. – N1. – P. 59–72.

38. Inman S. J. Inter-American conferences 1826–1954: History and problems. – Wash., 1965. – 282 p.
39. International narcotics control strategy report, 2003.–Mode of access://<http://www.state.gov/g/inl/rls/nrcrpt/2003/vol11/html/29832.htm> 30.04.04.
40. Johnson S. Ha muerto neoliberalismo en América Latina?–Mode of access://<http://www.heritage.org/Research/LatinAmerica/WM332sp.cfm> 28.11.03.
41. Johnson S. A new U.S.policy for Latin America: Reopening the window of opportunity.–Mode of access://<http://www.heritage.org/Reaserch/latinAmerica?EMI1409.cfm> 28.11.03.
42. Johnson S. Why the U.S. must re-engage in Latin America.–Mode of access://<http://www.heritage.org/Research/LatinAmerica/bg1694.cfm> 28.11.03.
43. Kerry calls for stronger relationship with Latin America.–Mode of access://http://www.johnkerry.com/pressroom/release.../pr_2004_0626.htm – 23.08.04.
44. Kerry vows to renegotiate CAFTA, Costa Rica leaves option open.–Mode of access://<http://www.globelaxchange.org/campaigns/ftaa/caftaa/1996.html> – 30.08.04.
45. La pobreza en America Latina.–Mode of access:// <http://www.probidad.org/regional/novedades/2003/08> html
46. Latin America – U.S.relations.–Mode of access://http://www.college.hmco.com/history/readerscomp/rcah/html/ah_051700_latinoamerica.htm 10.12.03.
47. Lowenthal A. Latin America: Ready for partnership? // Foreign affairs – N.Y. – N1. – P.74–92.
48. Mabry D. US–Latin America relations through 1822.–Mode of access://<http://www.historicaltextarc.../sections.php?op=viewarticle> 01.12.03.
49. Manwaring M. La política de seguridad de EE.UU. en el Hemisferio Occidental? Por qué Colombia?Por qué ahora? Qué debe hacerse?–Mode of access://<http://www.geocities.com/globargentina/Manw01/htm> – 19.07. 04.
50. Morales W. U.S. intervention and the New World Order: Lessons from Cold War and the post–Cold War cases // Third World quarterly. – L., 1994. – N1. – P.77–101.
51. Moreno F., Moreno A. Bush must change Latin America policy o risk new security threat.–Mode of access://<http://www.laprensa-sandiego.org/archeve/april26-02/bush.htm> – 09.12.03.
52. Nadal A., Aguayo F., Chávez M. Seven myths about NAFTA and three lessons for Latin America.–Mode of access: //http://www.americaspolicy.org/articl.../0311_7-myths_body.htm 21.04.04.
53. Narcotics and economic drive U.S.policy in Latin America.–Mode of access://<http://www.publicintegrity.org/dtaweb/report.asp?ReportID=107> 21.04.04.
54. Never L. NAFTA at 10: Trade agreement good for U.S., Mexico.–Mode of access: //http://www.news.pacificne.../view_article_id 01.12.03.

55. Nolte D., Oettler A. Lateinamerika: Der vergessene Hinterhof der USA? // Aus Politik u. Gesellschaft. – Bonn, 2003. – N38–39. – S.15.
56. Nolte D. Lateinamerika: Der vergessene Hinterhof der USA?–Mode of access://http://www.das.parlament.de/2003/38_39/Beilage/004.html.
57. Nordlinger J/ Back in Sandinista days...–Mode of access://<http://www.national-review.com/n.../nordlinger200405040828.as> –23.08.04.
58. Patterns of global terrorism: Released by the Office of the Coordinator for counterterrorism (April 29, 2004).–Mode of access://2003// <http://www.state.gov/s/ct/rls/pgtrpt/2003/31640.htm> – 30.08.04.
59. Peña J. Las intervenciones norteamericanos en América Latina.–Mode of access://<http://www.aaargh-international.org/espaa/garaudy/intervenciones/html> 26.05.04 – 40p.
60. Peterson J. John Kerry’s foreign policy.–Mode of access://http://www.socialistap-peal.org/usa/kerry_foreign_policy.html – 23.08.04.
61. Petras J. La ofensiva de los EE.UU. en América Latina: Golpes, retirada y radicalización.– Mode of access://<http://www.stormpages.com/marting/jameseeuu.htm> – 19.07.04.
62. Petras J. Situación actual en América Latina.–Mode of access: //<http://www.rebellion.org/petras/030613petras.htm> 29.06.04.
63. Reich O. Importancia de capitalismo y la democracia en America Latina.–Mode of access://<http://usembassy.state.gov/posts/co1/wwwsor07/shtml> 28.05.04.
64. Reich O. U.S. interests in Latin America.–Mode of access://<http://www.heritage.org/Research/Latin America/WM173/cfm> – 28.11.03.
65. Rodriguez E. ALCA vs. MERCOSUR? : Comercio o geopolitica.–Mode of access://<http://www.stormpages.com/marting/eduardor.htm> 26.05.04.
66. Romano L. Kerry: Bush has neglected Latin America.–Mode of access://<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A8611-2004Jun26.html> – 23.08.04.
67. Sangmeister H. Ganz Amerika unter dem Sternenbanner? – Das Projekt einer gesamtamerikanischen Freihandelszone aus lateinamerikanischer Perspektive.–Mode of access://http://www.das-parlament.de/2003/38_39/Beilage/005/html.
68. Scandizzo S. Latin American Merchandise trade and U.S. trade barriers.–Mode of access: // http://www.caf.com/attach/o/default/latin_america_trade_and_USA.pdf.
69. Schleicher S. P. Die amerikanische Freihandelszone (FTAA): Möglichkeiten und Herausforderungen für Lateinamerika und Karibik. – Graz, 2002. – 86 S.
70. Schuker S. The latest Latin American debt crisis// Orbis. – Philadelphia, 2003. – N2. – P. 541–559.
71. Starr P. Pax Americana: The hegemony behind free trade.–Mode of access:// <http://www.wcfia.harvard.edu/conference/Starrpapernew.pdf>. 2003.

72. Stokes D. Counterinsurgency, coups, and coercion: History and the U.S. empire in Latin America.–Mode of access://http://www.zmag.org/content/print_article.cfm?sectionID=20 – 29.06.04.
73. Sweeney J. Clinton’s Latin American policy: A legacy of missed opportunities.–Mode of access://<http://www.heritage.org/Research/LatinAmerica/BG1201.cfm> 28.11.03.
74. Tavira Uriostegui M. Cumbres vs.hegemonismo.–Mode of access: //<http://www.ppsdemexico.org/teoriaypractica/tp1/mtu.html> 26.05.04.
75. The National security strategy of the United States of America.–Mode of access: //<http://www.informationclearinghouse.info/article2320.htm> 05.08.04.
76. Turck M. U.S.policy in Latin America.–Mode of access: //http://www.axisoflogic.com/artman/publish/printer_1846.shtml 22.12.2003.
77. U.S. drug certification: An activist’s guide to eliminating a harmful policy.–Mode of access://<http://www.mindfully.org/Re.../Colombia-Drug-Certification.ht> 21.04.04.
78. U.S., Latin American leaders disagree over free trade timetable.–Mode of access: //<http://www.kentucky.com/mld/kentucky/news/world/7701497.htm> 14.01.04.
79. US Latin America relations through 1822.–Mode of access: //<http://www.historicaltextarc.../vviewarticle&artid=36> 01.12.03.
80. U.S. policy and the Andean counterdrug initiative (ACI).–Mode of access: //<http://www.state.gov/g/inl/rls/rm/30077.htm> – 30.08.04.
81. Vaky V.P., Muños H. The future of the Organisation of American States. – N.Y., 1993. – 127 p.
82. Vann B. Bush’s recipe for Latin America: austerity? Repression and more US militarism.– Mode of access: //<http://www.wsws.org/articles/2002/mar2002/bush-m28.shtml> 23.08.04.
83. Vásquez I. Una política exterior de Estados Unidos para América Latina.–Mode of access: //http://www.elcato.org/vasquez_americalatina.htm 26.05.04.
84. Weisbrot M. “FTAA-Lite” reflects long-term economic failure.–Mode of access: //http://www.cepr.net/columns/weisbrot/FTAA_lite.htm 10.12.03.
85. Weisbrot M. Washington pursues dangerous policy in Venezuela.–Mode of access: // http://www.cepr.net/columns/weisbrot/Washington_Veneuela.htm. – 10.12.03.
86. Williamson J. Lula’s Brazil// Foreign affairs. – N.Y.,2003. – N1. – P.105–113.
87. Youngers C. Foreign policy in focus: USA and Latin America after 9/11 and Iraq.–Mode of access: //http://www.vheadline.com/printer_news.asp?id=7880 – 21.04.04.
88. Zelik R. Der Plan Colombia – Anti-Drogenkurse und US-Hegemonialpolitik in der Anden-region.–Mode of access: //<http://www.nadir.org/nadir/initiativ/agp.../1227plancolombia.ht> – 23.04.04.